

БИОГРАФИИ ВЕЛИКИХ СТРАН

ГЕНРИ В. МОРТОН

ИРЛАНДИЯ

ПРОГУЛКИ
ПО СВЯЩЕННОМУ
ОСТРОВУ

Annotation

Этот остров занимает особое место на карте Европы: Зеленый Эрин, как принято называть Ирландию, издавна воплощает в себе все то, что считается хотя бы в малой степени кельтским. Генри Воллам Мортон, известный журналист, прославившийся репортажами о раскопках гробницы Тутанхамона, был очарован не столько кельтской традицией, сколько Ирландией самой по себе: по его собственному признанию, он влюбился в Зеленый Эрин, едва ступив на ирландский берег. Эта любовь пронизывает его книгу, наполняя каждый миг путешествия по стране, с юга на север, от Корка до Белфаста.

- [Ирландия. Прогулки по священному острову.](#)
 - [Священный Эрин и его открытие](#)
 - [Вступление](#)
 -
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая Святые места Ирландии](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая Килларни](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Фотографии](#)
- [notes](#)
 - [1](#)

- 2
 - 3
 - 4
 - 5
 - 6
 - 7
 - 8
 - 9
 - 10
 - 11
 - 12
 - 13
 - 14
 - 15
 - 16
-

Ирландия. Прогулки по священному острову

Священный Эрин и его открытие

*Остров святых и ученых, а без вранья:
Каких святых и ученых — остров
террора,
Подслеповатой политики и сплошного
нытья,
Прирожденный страдалец и
доблестный недоумок...^[1]*

Луис Макнис

Этот остров занимает особое место на карте Европы — не на привычной географической карте, а, если можно так выразиться, на карте сакрально-поэтической: Зеленый Эрин, как принято называть Ирландию, издавна воплощает в себе все то, что считается хотя бы в малой степени кельтским, олицетворяет собой «кельтский дух» в его первозданной чистоте, недоступной ни потомкам континентальных племен, проживавших на территории современной Франции, ни даже шотландским гэлам. Для кельтоманов и кельтофилов всего мира волшебный остров Эйре (еще одно название Ирландии) — своего рода Мекка, средоточие Кельтики как географического и культурного явления.

Генри Воллам Мортон, известный журналист, прославившийся репортажами о раскопках гробницы Тутанхамона, побывал в Ирландии в переломный момент ее истории — вскоре после того, как страна наконец обрела независимость. Это событие сопровождалось всплеском интереса ко всему кельтскому как в самой Ирландии («Гэльская лига», так называемое гэльское возрождение, творчество У. Б. Йейтса, Дж. Стивенса, П.

Колума и других ирландских писателей и поэтов), так и в мире. Мортон, безусловно, отдал дань увлечению кельтской традицией — в его книге об Ирландии немало описаний гэльских обрядов и рассуждений о гэльском языке, — однако он был очарован не столько этой традицией, сколько Ирландией как таковой: по его собственному признанию, он влюбился в Зеленый Эрин, едва ступив на ирландский берег. Эта любовь пронизывает его книгу, наполняя каждый миг путешествия по стране, с юга на север, от Корка до Белфаста.

Англичанин до мозга костей, Мортон любовно описал Ирландию, от приветливого юга до «конца света» на западе, в Коннемаре; он жил в ирландском монастыре, присутствовал на гонках куррахов, пробовал свежесваренный стаут на пивоварне Гиннеса и, по меткому замечанию его биографа Майкла Бартоломью, «узнал ирландцев настолько близко, насколько это доступно чужаку, живущему по ирландским кровом, питающемуся ирландской едой и не отказывающемуся даже от зубодробительного местного самогона».

Итогом путешествия Генри Мортонна «в поисках Великобритании» стали четыре книги, каждая из которых посвящена конкретной части Соединенного Королевства и каждая из которых повествует не столько об истории той или иной местности, сколько о людях, ее населяющих, об их повседневной жизни, лишенной лоска (и суеты и чада) крупных городов. Книги Мортонна — отнюдь не путеводители, они по праву входят в число лучших образцов классической английской прозы, и время над ними не властно: ведь меняются детали, антураж, а суть остается неизменной. Как справедливо заметил редактор английского издания этой книги, на Зеленом острове мало что изменилось с тех пор, как Мортон восторженно открыл здешние «внезапные торфяные болота» и «странные лодки».

Вероятно, Генри Мортон с охотой повторил бы приглашение Йейтса:

Я родом из Ирландии,
Святой Земли Ирландии,
Часы бегут — чего мы ждем?
Во имя всех святых, пойдём
Плясать со мной в Ирландии!^[2]

Добро пожаловать на остров Кухулина и Оссиана, святого Патрика и святой Бригитты, остров Свифта, Йейтса, Джойса, Тима Северина и Лиама Нисона!

К. Королев

Вступление

Договор 1922 года, давший Ирландии (по-ирландски Saorstat Eireann) независимость и тот же конституционный статус, что и доминионам Британской империи — Канаде, Новой Зеландии, Австралийскому и Южно-Африканскому Союзам, — покончил с многовековой войной, уклончиво названной политиками последних лет «ирландским вопросом». Так завершилась самая печальная и достойная сожаления глава в истории Великобритании. Две нации наконец-то смогут подружиться.

Нам в Англии нужно многое забыть из истории Ирландии. Забыть накопившиеся за столетия пристрастные, зачастую нелепые представления об этой стране и ее людях, возникшие в результате соперничества и недоразумений. Будем надеяться, что и

Ирландия когда-нибудь обретет чувство исторической перспективы, оставит свое несчастливое прошлое в покое. Пора жить настоящим.

Ирландии не повезло: простые англичане ничего о ней не знали, не интересовались ею и, в отличие от немногих обеспеченных людей, никогда не бывали на этом красивом острове. Я хотел бы надеяться, что моя книга хоть немного поможет, и англичане будут проводить там отпуска. Если это произойдет, они непременно подружатся с обаятельными местными жителями. Дружба и взаимная симпатия двух доброжелательных народов положит конец столетиям политического непонимания.

Ирландия — иностранное государство, в котором на настоящий момент англичанину не потребуются способности к языкам. Что ж, это еще один повод для посещения этой страны. В Ирландии ощущаешь себя лингвистом! Но следует подчеркнуть: новое поколение путешественников должно смотреть на Ирландию как на иностранное государство.

Когда в печати начали появляться мои заметки об Ирландии, мнения о них были полярными: кое-кто утверждал, что я не видел того, о чем написал. Другие же говорили, что мои описания оказались лучшими из тех, что были изложены на бумаге! В результате я пришел к заключению: когда человек пишет об Ирландии, такой разброс мнений неизбежен. Это — страна, в которой на любое явление смотрят с противоположных позиций.

Две статьи вызвали и необычайную похвалу, и столь же неудержимую критику. Кто-то обратил внимание на девушку из Коннемары, которой я дал полтора шиллинга, чтобы она купила себе новый передник. Другие упоминают поминки, которые я посетил в графстве Мэйо. Некоторые мои критики предположили, что и в Коннемаре я не был, и на поминки не ходил.

Я подавил искушение что-то прибавить или убавить в своей книге. Все, о чем написано, чистая правда, и изложил я именно то, чему был свидетелем.

Не могу не выразить благодарность тем ирландским мужчинам и женщинам, которые открыли мне двери своих домов со свойственным этому народу гостеприимством. Память об их доброте, юморе, меланхолии и отзывчивости навсегда останется со мной. Ведь это и есть Ирландия.

Г. В. М.

Лондон

Карта Ирландии с указанием маршрута автора

**К РАЗДУВАНИЮ ОГНЯ И НОВОМУ ПЛАМЕНИ
ПОУТРУ**

Так уж устроены эти люди: религиозны, откровенны, любвеобильны и ранимы. Среди них встречаются знаменитости, волшебники, превосходные всадники, прославленные воины, великие благодотворители.

Холиншед. Хроники

Глава первая

Ворота Ирландии: Дублин

Я отправляюсь на поиски Ирландии: приезжаю в Дублин, встречаю поэта, мне оказывают теплый прием; прислушиваюсь к ирландскому разговору, посещаю нижнюю палату парламента Ирландии; захожу в дом, в котором скрывался Майкл Коллинз.

1

Розы, стоявшие на столиках в салоне, слегка подрагивали, в салат упал случайный лепесток. Только цветы да слабое поскрипывание мебели красного дерева указывали на то, что мы в море. Выглянув в иллюминатор, я убедился: наше судно вышло из валлийского порта Холихед и по спокойной зеленой воде движется в сторону Ирландии. Стоял июнь.

Среди пассажиров были три американские семьи. По всей видимости, они намеревались на своих «даймлерах» съездить в деревню, которую их предки некогда покинули пешком. Были на борту и англичане с удочками и клюшками для гольфа — привычные миссионеры приятного времяпрепровождения, добродушные и краснощекие, аккуратные и лощеные. Заметил я и жителей английской глубинки в неизменных твидовых костюмах. При взгляде на них мне в голову всегда лезет фраза, которую используют исключительно журналисты — «эти компанейские здоровяки».

По палубе прохаживались два священника. Они выглядели здесь чужестранцами, как французы на

корабле, пересекающем Ла-Манш. Из-под шляп служителей церкви на мир смотрели лица фермеров. Их тяжелые башмаки вполне могли бы быть башмаками земледельцев. Глядя на них, я думал, что эти священники легко справятся с трудностями крестьянского прихода. Они были увлечены серьезной беседой.

Две монахини сидели рядом, словно вместе держали оборону. Их лица хранили выражение, общее для всех путешествующих монахинь, не по своей вине отбившихся от стада. Они сидели, сложив руки, и казались существами из прошлого века.

Все мы по разным причинам ехали в Ирландию, некоторые, как и я, впервые.

Я чувствовал себя в этой компании дурачком, потому что взялся, возможно, за самое нелепое и неблагодарное задание, которое может придумать для себя человек: решил добавить еще одну книгу к той горе литературы, что уже написана об Ирландии. Мои попутчики ехали порыбачить, поиграть в гольф, взглянуть на дом предков или осудить грешника. Я же избрал более трудную и опасную стезю и прекрасно это сознавал.

Желая избавиться от тревожных мыслей и удовлетворить естественное любопытство, я спустился по трапу вниз. Внизу оказалось гораздо интереснее. У стойки стояли доброжелательные молодые ирландцы. Они уже изрядно приложились и были веселы и оживленно беседовали. Один сказал мне, что работает барменом на Эджвер-роуд. Большинство его друзей были либо шоферами, либо барменами, либо служащими, исполняющими загадочные домашние обязанности «дворового»^[3]. И все они ехали домой в отпуск.

Тут же было много молодых женщин, говорливых, быстроглазых, не похожих на англичанок. Это были служанки. Они ехали либо в отпуск, либо на недельку к

матери, после чего намеревались удовлетворить вечную ирландскую потребность — путешествие в отдаленные земли.

Мужчины стояли вместе у стойки, а девушки сидели отдельно. То и дело кто-нибудь из молодых людей подносил им маленький бокал портвейна и произносил галантную фразу. Девушки заливисто смеялись.

— Ну, погоди, Мик, — воскликнула крупная темноглазая девушка, — расскажу матери обо всех твоих похождениях в Гайд-парке. Ты у меня дождешься...

И все покатались со смеху. Атмосфера царила самая непринужденная.

Маленький кусочек Ирландии по пути домой очаровал меня. Они все знали друг друга. Тут были Брайди Такой-то и Кейт Такая-то, и Пэт, и Мик... Можно было подумать, что все они работают по соседству. Я выяснил, что это не так. Работали они в разных районах Лондона, но встречались по вечерам либо в Гайд-парке (это место, судя по всему, их не пугало), либо в ирландских клубах или на ирландских танцевальных площадках. Это клановое сообщество, возможно, помогало им выжить в чужом огромном Лондоне. И я подумал: чтобы собрать молодых друзей на одном и том же судне, понадобилось провести гигантскую организационную работу в кухнях, гаражах и барах Лондона.

— Ну же, Мик, спой нам «Дэнни»! — воскликнул один из юношей.

— Не буду, — заупрямился мой знакомец с Эджвер-роуд.

И снова пустили по кругу напитки. Глаза присутствующих делались стеклянными. Кто-то начал напевать мелодию, и после долгих пререканий молодой бармен допил свой портер и запел высоким голосом

песню, которая, на мой взгляд, входит в число величайших песен мира:

О сын мой Дэнни, стужей потянуло;
Волянка плачет, навевая грусть.
Увяли розы, лето промелькнуло...
Уходишь ты, а я вот остаюсь.
Вернешься ль ты с теплом и солнцем мая
Иль в день, когда зима придет опять, —
О сын мой Дэнни, помни, что всегда я
Тебя под кровом отчим буду ждать^[4].

Эта песня, напомнившая изысканную мелодию «Воздуха Лондондерри», приглушила веселое настроение присутствующих. В наступившей тишине мы услышали гул винтов, рассекающих воду, и прочие шумы корабля. Затем, видимо, желая избавиться от меланхолии, компания потребовала еще напитков. Снова все закричали, засмеялись, а я тихонько ушел.

Поднявшись на палубу, я перегнулся через борт и посмотрел в сторону Ирландии. Какая она? Я испытывал нетерпение.

Что мне известно об Ирландии? В школе я чувствовал себя сентиментальным фермером, когда штудировал произведения, созданные авторами «Гэльской лиги», хотя никогда не понимал, о чем плачет Кэтлин^[5]. Поэзия Йейтса... Какой юноша не почувствует симпатию к красивой плачущей женщине?

Ирландцы, которых я встречал во время войны, напоминали англичан, пока не напивались. Тогда они либо впадали в буйство и крушили мебель, либо делались невероятно жалкими и в таком состоянии производили тягостное впечатление. В такие моменты они утрачивали английское произношение, акцент

делался заметным, и они использовали слова, которые, как полагаю, слышали в детстве от егерей и конюхов. Укладывая их в постель, вы никогда не знали, попытаются ли они вас ударить или поцеловать. Иногда они делали и то, и другое: сначала пытались ударить, а потом — поцеловать.

Но даже и они не знали, почему плачет Кэтлин. Загадочная история. Эти ирландцы не понимали собственную страну.

Многие из этих хороших людей — а они и в самом деле были добросердечными и симпатичными — потеряли свои маслобойни и загородные дома, сгоревшие во время восстания 1916 года. Для меня это стало первым намеком, что ирландцы делятся на два типа: ирландцы английского происхождения (обычно протестанты и офицеры) и ирландцы ирландского происхождения (обычно католики и иногда сержанты). Хотя офицеры-протестанты разъярились бы, назови вы их англичанами — поднимая заздравные чаши, они кричали «К черту Англию!», — тем не менее сержанты-католики считали их англичанами. А тот, кто вырос в английской традиции, недоумевал: ведь что было, то прошло.

Восстание 1916 года стало переломным: ирландскую армию (мало кто из англичан знает, что страна направила на военную службу 250 000 человек) провожали на французских улицах криками «Предатели!». Трудное время для ирландцев.

Я уверен: настал момент, когда Англия должна взглянуть на Ирландию другими глазами. Она больше не является непослушным английским графством. Ирландия отвоевала для себя статус доминиона. Офицеров комиссовали, командирами стали сержанты. «Ирландский вопрос» — политический термин, которым, похоже, намеренно прикрывали национальную рознь, — закончился утверждением ирландской нации.

Я ехал не в страну «шутов и быков» (так на нее в течение двух столетий смотрел правящий класс), а на небольшой остров, отстаивший свои права в войне за независимость. Кровопролитная война продолжалась девять веков — самое долгое сражение в мировой истории.

На горизонте появилось Ирландское Свободное государство.

2

На палубе я разговорился с приятным молодым человеком. Он продавал юристам канцелярские принадлежности. Это занятие, как я понял, занимало все его время. Благодаря частым автомобильным поездкам он хорошо узнал страну. Когда я сказал, что еду в Ирландию в первый раз, он написал мне рекомендательные письма к юристам по всей территории острова. Я ими так и не воспользовался, потому что письма эти потерял.

— Вы полюбите Ирландию, — заверил меня молодой человек. — Иначе и быть не может. Такая уж это страна. Только не спорьте. Люди постараются вызвать вас на спор. Это — национальная слабость. Если станете на сторону ирландцев, они будут защищать англичан, и вы попадете в неловкое положение. Не верьте им, когда они скажут: «Пусть англичане отстанут» (если только это не разговор на ипподроме Курраг), да и то воспринимайте их с известной долей скепсиса.

— Они сильно ненавидят англичан?

— Вы когда-нибудь читали историю Ирландии, написанную ирландцами? Стало быть, знаете, что она очень проста и состоит целиком из сопротивления Англии. Почему? Да потому что мы — разные народы. Настоящий ирландец отличается от нас не меньше, чем

испанец или итальянец. Долгие столетия мы пытались превратить его в англичанина и потерпели неудачу. Вряд ли они нас ненавидят. Думаю, что предпочтут нас большинству иностранцев, а вот политиков наших они терпеть не могут.

Полоска земли постепенно приближалась. Из воды медленно поднимались горы Уиклоу. Мое первое впечатление было таким: эти горы — чужие. Они совершенно не похожи ни на английские, ни на шотландские. Однако трудно сказать, чем они отличаются. Возможно, на них падает другой свет. Даже облака казались другими. Ирландскими.

Дун-Лэаре, который раньше назывался Кингстауном, представляет интересный контраст этим иностранным горам. Здесь старомодный английский порт со старомодным английским железнодорожным вокзалом. Казалось, я перескочил на пятьдесят лет назад, в правление королевы Виктории. Филип Гедалла хорошо описал Кингстаун в одном из своих эссе:

Он будто переместился в уютную атмосферу 1888 года. Вокзал погружен в почти сакраментальную, ностальгическую атмосферу долгих традиций. В голову приходят шутки, которые «Панч» отпускал по поводу железнодорожных станций. Носильщик в маленькой, не по размеру, форменной фуражке... уж не он ли однажды произнес, что кошки — это собаки, и птицы — это собаки, но черепахи... Кстати, собаки, что забились в тот угол... не съели ли они только что свои бирки? А веселый пассажир в вагоне очаровательного маленького поезда, вызывающего в душе ностальгию по далекому прошлому, заверил нервного собрата-путешественника, что Билл

неприменно тронет состав, только прежде пропустит стаканчик.

Офицер таможенной службы протянул мне бумаги и спросил, не хочу ли я что-то задекларировать. Тон у него был извиняющийся. Он попросил меня открыть сумку. Посмотрел содержимое. Было ясно: ему стыдно за то, что приходится жертвовать хорошими манерами. У человека рядом со мной, помимо сумок, была шляпная коробка.

— А что там такое? — спросил таможенник, указывая на коробку.

— Шелковая шляпа. Я приехал на похороны, — ответил пассажир.

— Ох! Господи помилуй! — сказал таможенник и тут же пометил мелом все сумки пассажира.

Вот таким было мое первое впечатление об Ирландии. Я потом часто его вспоминал.

3

Ранним утром, при свете солнца, Дублин окрашивается в цвет кларета. Георгианские особняки из красного кирпича, с веерообразными окнами над красивыми дверями и с маленькими коваными балконами на втором этаже, отступили от широких улиц на почтительное расстояние. Здания стоят спокойно, с чувством собственного достоинства. Кажется, что жильцы только что покинули их, уехав на дилижансе. У Дублина, как и у Эдинбурга, вид крупной столицы.

Этот город, как и Бат, рожден в восемнадцатом веке. Он — настоящий аристократ, отличающийся непринужденными манерами и неуловимой элегантностью. Через Лиффи перекинута восемь мостов. Они делят город на северную и южную части. В

атмосфере Дублина ощущается нечто утонченное, но в то же время живое, подобно виду кораблей и доков в порту, благодаря близости гор. Сразу за Дублином высится длинная, гладкая гряда гор Уиклоу. Зелено-коричневые горы четко вырисовываются на фоне неба. Мне говорили, что в ясные дни с их вершин можно увидеть горы Уэльса на противоположном берегу Ирландского моря.

Одним из первых впечатлений стало звучание ирландского голоса, очаровавшее меня, как, должно быть, и многих других приезжих. Ирландцы не любят «дублинский акцент», но дело не в акценте, а в интонациях. Я невольно прислушивался к людям на улицах. Модуляции ирландского голоса невероятно притягательны. Привычка слегка повышать тон в конце фразы очаровательна, особенно если говорит женщина.

Почему Дублин прозвали «милым грязным Дублином»? Это, конечно же, клевета, уходящая истоками в прошлое. Дороги за Дублином грязны. Это видно по колесам омнибусов, к которым прикреплены маленькие жесткие щетки. При движении они стряхивают с колес грязь. Но сам город чист, как голландская кухня.

На улицах среди такси стоят во множестве старинные конные повозки. Эти экипажи, благодаря особенностям ирландского темперамента, продолжают функционировать. Есть здесь также странное, но знаменитое транспортное средство, известное англичанам как «ирландский кабриолет». В Ирландии же его называют «прогулочным экипажем». Думаю, для Дублина он то же, что и немногие сохранившиеся в Лондоне двухколесные экипажи — сентиментальное воспоминание для американских туристов. Когда вы нанимаете такой экипаж, жители Дублина снисходительно улыбаются вам с тротуаров. По городу

меня возил быстроногий пони, а кучер тыкал хлыстом в местные достопримечательности.

На О'Коннелл-стрит он указал на ряд полуразвалившихся зданий и сообщил, что их разрушили от злости.

— Вы имеете в виду погромы? — уточнил я.

— Да, конечно, — ответил он. — Я так и сказал. Люди злились.

Я подумал, что такое определение погромов — самое мягкое и доброе, какое мне приходилось слышать.

Перед зданием правительства маршировали часовые, в элегантной зеленой форме и коричневых лосинах. На ветру трепетал триколор Свободного государства. На ступенях, с револьвером в руке, стоял дородный молодой человек. На площади мы увидели молодых солдат, разучивающих штыковую атаку, показавшуюся мне новым словом в военном деле.

Публика на дублинских улицах не такая, как в английских городах. Здесь больше смеха, люди не несутся, как на пожар. В Дублине царит веселая непринужденная жизнерадостность. Трудно поверить, что город прошел через трудные времена. Поверхностные с виду впечатления таят в себе глубокий смысл. Английский красный цвет исчез с улиц; почтовые ящики зеленые, как и конверты, в которых доставляют телеграммы, и почтовые грузовики. Названия улиц написаны по-гэльски, но их не прочтет даже и один из тысячи дублинцев! Тем не менее это показывает смену хозяина и желание быть ирландцами.

Когда мы приблизились к концу нашего путешествия, кучер ответил на мой вопрос о цене:

— Сколько дадите.

Француз принял бы мою баснословную взятку с подозрением, но дублинец явно обрадовался и выразил свою радость со всей ирландской непосредственностью:

— Благослови вас Господь, — сказал он. — Может, и завтра прокатимся?

Во время традиционного чая гостиницы Дублина наполняются мужчинами в бриджах для верховой езды и девушками с покрасневшими лицами и грязью на сапогах. Сейчас сезон охоты, охотятся с митскими или килдэрскими собаками и возвращаются к чаю. Близость к природе и страсть к лошадям — еще одна черта, роднящая дублинцев с георгианской эпохой. Дублинец может подстрелить куропатку в горах в шести милях от городского почтамта и поймает форель на таком же расстоянии от города. Он может оторваться от бизнеса, ускакать на день с собаками, а вечером вернется домой и просмотрит вечернюю почту.

Это вселяет в Дублин душевное равновесие. Старая столица обладает здоровьем провинциального города. Она георгианская не только в архитектурном смысле, но и в отношении к жизни.

4

В Лондоне, как и в других больших столицах, жизнь общества формализована, встречи запланированы. В Дублине не так. Здесь, конечно же, есть официальные приемы, но более важными и интересными являются неорганизованные вечеринки, случающиеся едва ли не каждый день. В Дублине невозможно быть одиноким. Все ирландцы склонны к импровизациям и терпеть не могут одиночества! Человек может в полдень случайно столкнуться с приятелем в дублинском трамвае, а распрощаться с ним в три часа ночи, после того как вместе они посетили несколько домов и повсюду встретили теплый прием, как какая-нибудь пара бродячих актеров.

В Дублине не заботятся о внешнем виде. Если англичанин приходит в утреннем костюме туда, где все остальные облачены в вечерние смокинги, он готов сквозь землю провалиться, а в Дублине это никого не волнует. Деньги тоже не имеют значения. Важна беседа. Важен ум. Важно чувство юмора. Преимущества за человеком, который может вести интересную беседу.

Англичанин почти смущается от гостеприимства, которое оказывают ему в Дублине. Если иностранец знает хотя бы одного местного жителя, он вскоре познакомится с сотнями людей. Они открывают ему двери своих домов и позволяют вести себя, как заблагорассудится. Нет в мире более радушной столицы, однако с той же искренностью она выражает свое неодобрение. Через всю жизнь и через разговор ирландца проходит горькая язвительность, которая поначалу приводит вас в недоумение, пока вы не поймете, что это — национальная черта. Католический епископ однажды сказал Падрейку Колуму, что пороки католиков — злоба и зависть, а добродетель — признание равенства людей. Пороками протестантов он назвал индивидуализм и снобизм. Возможно, в чем-то он прав, хотя мне кажется, что все эти пороки равно свойственны как католикам, так и протестантам. Для меня не подлежит сомнению то, что ирландцы — прирожденные сатирики. Собравшись вместе, они рассказывают о знаменитостях — которыми на самом деле восхищаются — забавные и одновременно уничижительные истории. Поначалу это вызывает удивление.

Чем бы были для нас произведения Джорджа Мура «Здравствуй и прощай» и «Улисс» Джеймса Джойса, если бы не ирландский сатирический талант, который часто граничит со злобой?

Иностранцу, растерявшемуся в лабиринте ирландского разговора, кажется, что для этих людей нет

ничего святого, пока он не обнаружит под утро, что человек, блиставший весь вечер, сбрасывает с себя шелуху, как актер, смывающий грим после спектакля. Забавный шекспировский Оселок превращается в сумрачного Гамлета. Он идет по пустой улице, тихо опровергая все, что сказал за вечер, и в его голосе слышится неизбывная грусть.

И вы поймете, что разговоры в Ирландии — игра без правил.

Шагая по улицам, залитым холодным утренним светом, вы никак не можете догадаться, отчего прошедшая беседа казалась вам такой блестящей!

5

Когда поэт, объявивший, что он атеист, устал защищать церковь от атак преданного католика, мы покинули кабаре. На одной тихой улице мы вошли в низкую дверь и спустились по темным ступеням за кулисы театра Аббатства. Нас искренне поприветствовали и провели в артистическое фойе, которое, в отличие от всех других фойе, было и в самом деле зеленым. Поэт снял пальто и немедленно затеял спор: он утверждал превосходство саксов над кельтами. Казалось, в подтверждение своих слов он выпустил, так сказать, лучшего зайца, как вдруг в дверь просунул голову мальчик, вызывающий актеров на сцену, и убил этого зайца одним выстрелом.

— Что же мы теперь будем делать? — грустно спросил поэт, обходя портретную галерею. — Джеймс Стивен похож здесь на гнома, правда? Пошли к Майклам. Вам понравится миссис Майкл...

В Дублине такая привычка — отправляться в поисках умственной разрядки из одного дома в другой.

(Количество друзей в Дублине, должно быть, устрашающее.)

Поэт постучал в дверь и, прежде чем та отворилась, успел обругать кельтские сумерки, «Гэльскую лигу», правительство, оппозицию и Священную Римскую империю. Он был в хорошей форме.

— Добрый вечер, хозяйка дома, — поэт отвесил глубокий поклон, едва дверь отворилась, и заговорил нараспев: — Это я пришел к вам на склоне дня с торфом в волосах и болотным миртом в ушах, я, не державший во рту ни крошки с прошлого заката...

— Не будьте ослом, Пэт, — сказала хозяйка. — Входите!

— У вас есть бекон и яйца? — озабоченно осведомился поэт.

— В кухне, — ответила хозяйка.

Через несколько секунд страшный грохот оповестил нас о том, что поэт достиг цели. Дверь отворилась, и я вошел в комнату, сизую от табачного дыма. Помещение не было рассчитано на такое количество народа. Темноволосые ирландцы и белокурые ирландцы, пожилые ирландцы и молодые ирландцы небрежно развалились в креслах. Несколько девушек сидели на полу. Все говорили одновременно, однако всех перекрикивал рыжий молодой человек:

— Чего мы хотим для Ирландии? — орал он. — Разумеется, короля...

— К черту короля! — завопил кто-то.

— Предлагаю, — продолжил рыжий, — выбрать королем Джорджа Бернарда Шоу, а в преемники ему назначить Йейтса...

— Неплохая мысль, — одобрил кто-то, — но нам нужен придворный шут. Как насчет Тима Хили?

— Послушайте, — вмешался кто-то еще. — Мы не можем избрать короля без национального гимна. Песня

«Солдаты» неинтересна, «Красный флаг» — тоже. У нас должен быть ирландский национальный гимн!

— Я знаю, что нам нужно! — закричал рыжий и вскочил на ноги, — слова написал мой друг, Джеральд Келли. — И он запел на мелодию песни «Козлик Пэдди Макгинти»:

Храни, Господь, Ирландию, Тима Хили и короля,
Арфу храни и трилистник, коим свята наша
земля,
Круглую башню Клонмакнойса, ружья, пули,
ножи...
У нас теперь республика, так что, Лондон,
держись!

Раздался дружный хохот. Рыжий снова запел.

— Это, — закричал он, — идеальный национальный гимн, потому что в нем есть доброе слово для каждого! Он беспристрастен. Больше того, он...

Его прервал обиженный поэт, который, как выяснилось, не мог найти сковороду.

Ирландскому разговору свойственны эти сумасшедшие переходы. Самая серьезная дискуссия постоянно угрожает обратиться в шутку. Когда это происходит, требуется время, чтобы беседа вернулась в прежнее русло.

Скорость мысли тоже поразительна. Ирландец перескакивает с одной темы на другую. Его мысль опережает речь, но он считает, что слушатель поспевает за ним.

— Проклятием Ирландии, — сказал рыжий, — является то, что стране нет дела до молодежи. На ранней стадии жизни нас преследует призрак эмигрантского корабля. А позже мы сознаем, что, если

хотим получать зарплату, на которую можно прожить, мы должны ехать в Англию.

— Ненавижу Англию, — пробормотала невысокая, хрупкая девушка.

(Кто-то шепнул мне, что когда ей было восемнадцать лет, она носила бомбы в чемоданчике.)

— Я не ненавижу Англию, — сказала другая девушка, — но ненавижу Ллойд Джорджа.

— Я ни к кому не испытываю ненависти, — начал молодой человек.

— Тогда ты — позор Ирландии!

— А вот что я ненавижу, — продолжил он, — так это наше почитание старших. Это пережиток племенного строя. Это патриархально. Почему молодежи не дают шанс? Если двадцатилетнего и сорокалетнего возьмут на одинаковую работу, то молодому будут платить три фунта в неделю, а сорокалетнему — шесть фунтов, просто потому что он старше. Если каждому ирландцу придется два года зарабатывать себе на жизнь в Лондоне...

— Господи прости! — послышался мрачный голос поэта из угла, в котором он ел яичницу с беконом. — Красота Ирландии — свидетельство того, что нас не затронула реформация и промышленная революция. У нас появилась возможность совершить великий эксперимент. Мы можем создать нематериальное государство.

— Глупости! — крикнул кто-то.

— Это не глупости, — возразил поэт. — Мы никогда не умели заниматься крупным бизнесом, так зачем пытаться? Сделал ли бизнес счастливыми другие страны? Это не наша стезя. Мы должны заняться тем, в чем сможем преуспеть. Например, обратиться к фермерству...

Кто-то попросил его определить слово «прогресс», и через девять секунд комната превратилась в обиталище

демонов.

Очарование ирландской беседы в непредсказуемости ее течения. К несчастью, вы многое не можете услышать! Ирландская мысль и ее изложение происходят одновременно, и ирландец постоянно удивляет самого себя озарениями. Возможно, поэтому он смеется над собственными шутками.

— Конечно, самой большой шуткой об Ирландии, — сказал грустный задумчивый человек, меньше других участвовавший в разговоре, — являются английские государственные деятели, которые, умирая, говорили: «Слава Богу, я родился для того, чтобы разрешить ирландский вопрос! Я дал им все, что они хотели!»

Кто-то обратил внимание, что уже два часа ночи. Поэт снова проголодался и захотел уйти. Мы попрощались и вышли.

6

Поэт пришел на следующий день. Он сказал, что покажет мне самое интересное зрелище в Дублине:

— Мы, — объяснил он, — увидим Дайл Эйреанн. Вы, наверное, знаете, что это парламент Свободного государства.

Мы пришли к большому зданию постройки восемнадцатого века. Это бывшая резиденция герцогов Лестеров. Перед ней стоит статуя королевы Виктории. Нельзя сказать, что скульптор польстил королеве, но работа не так уж плоха, в отличие от памятника, что столь грузно давит на Манчестер.

— Ее, — сказал поэт, указывая на статую, — справедливо называют «Местью Ирландии».

Вход в парламент такой же, как в любой большой лондонский клуб. Покуривая трубки и сигареты, члены палаты берут письма из ящика портье и, пройдя через

галереи Гровнор-сквер, поднимаются по широким герцогским лестницам в палату.

Парламент независимого государства собирается в старом лекционном зале Королевского дублинского общества, основанного в 1731 году с целью поощрения искусств и наук. Галерею недавно отремонтировали, к ней добавили ограду, дабы предотвратить случайное падение зрителей либо каких-нибудь предметов на головы депутатов. В амфитеатре поставили кресла из лакированного красного дерева. От кресла спикера поднимаются ряды в форме лошадиной подковы. Палата выглядит достойно. Под галереей можно увидеть старые гравюры Хогарта с видами Дублина.

Первое впечатление — обилие зеленого цвета. У членов парламента зеленые папки. Когда они все вместе их раскрывают, кажется, что ты в лесу, по которому пронесся ветерок. Блокноты переплетены в зеленые обложки. В зал то и дело на цыпочках входят курьеры, проходят по рядам и подают депутатам изумрудно-зеленые телеграммы. Наверху, возле дверей, стоят весьма внушительные охранники, каких не видели на публике со времен старого лондонского мюзик-холла. Человек среднего телосложения, вздумавший устроить драку в парламенте, не продержится и двух секунд.

В коридорах прозвучал электрический звонок — депутаты потянулись в зал. Мистер Косгрейв занял место на правительственной скамье, и заседание началось. Так бывает на собрании совета директоров, когда председатель боится опоздать на поезд.

В свое время мистер Гедалла взглянул на парламент и задался вопросом: что бы подумал Гладстон «о последнем желании»? А Падрейка Колума при взгляде на Косгрейва посетила мысль, что «бывшие ирландские лидеры, даже такие интеллектуальные, как Джон Диллон, напоминают племенных вождей. Косгрейв выглядит, скорее, как судья, и этот контраст дает нам

понять, что ирландский национализм ассоциируется уже не с восстанием, не с группой заговорщиков, не со слабой надеждой. Сейчас это свершившийся факт: ирландская нация обрела национальное государство».

Я смотрел на довольно хрупкого мужчину со светлыми волосами, стоящими торчком, словно хохолок у попугая, светлыми усами и серыми глазами, и думал, что никогда не видел человека, менее похожего на бунтовщика. Трудно было поверить не только в то, что этот человек томился в тюрьме за свои убеждения, но и в то, что он обладает мужеством, необходимым для управления Свободным государством в первые годы его существования. (Я не мог забыть Гриффита, Майкла Коллинза и О'Хиггинса.) Косгрейв говорил ровным, спокойным голосом, словно сидел на заседании городского совета, но я понял, что человек он выдающийся. На мистера де Валера я смотрел с любопытством, а на Косгрейва — с уважением. В государственную работу он внес нечто новое: достоинство, спокойствие, уравновешенность, авторитет и престиж.

Зеленые вопросники на заседании ирландского парламента удивительны для постороннего человека. В некоторых случаях вопросы изложены на двух языках, однако не всегда, что озадачивает иностранца. Вопросы к министрам адресуют сначала на ирландском языке, но если те их не понимают, повторяют по-английски. У ирландцев два имени: одно английское, а другое, труднопроизносимое, — ирландское.

Большинство членов палаты предпочитают, чтобы их называли гэльскими именами. В вопроснике я увидел героически звучащие имена. В них слышится отзвук битв титанов.

Я смотрел на депутатов и думал, что Ирландия каждый раз оказывается не такой, какой ты ее себе

представляешь. Я ждал красноречия. Думал, что некоторые политики заставят меня вспыхнуть от негодования. Но нет, парламент Ирландии еще труднее слушать, чем палату общин! Куда же подевалось ирландское остроумие? Где ирландская драчливость? Где коварная ирландская сатира? Где изящные, как в фехтовании, выпады, свойственные ирландским беседам возле камина? Почему исчезли остроумные реплики, соскальзывающие с языка ирландца, прежде чем он сам сообразит, что сказал? Ничего этого в парламенте я не услышал! Я поражался тому, что нация говорунов растеряла свое красноречие.

Затем я понял: дело в том, что сейчас они совершенно серьезны. Шутить не о чем. Не тот момент! Они отвоевали себе право прийти сюда — не только в ходе голосования, но и с оружием в руках. Их парламент возведен на крови соратников, товарищей по борьбе.

Голоса звучали все так же ровно, без эмоций. Я последовал за поэтом к выходу, думая: то, чему я стал свидетелем, — хороший знак для Ирландии.

7

Ощущения непредвзятого англичанина после первого контакта с ирландской жизнью отлично описаны мистером Г. Невинсоном в предисловии к одной из его замечательных книг. Он говорит, что после встречи с ирландскими друзьями и обсуждения с ними Англии чувствует себя как человек, перенесший трудную операцию в связи с болезнью, которой никогда не болел. Его заразила их ненависть к англичанам.

Это очень и очень верно. Иностранец должен быть постоянно начеку, чтобы не превратиться в ярого шинфейнера. В воздухе Ирландии есть нечто экстравагантное, и это, в сочетании с обаятельными

манерами, проникает в сердце, а иногда и в голову. Многие величайшие ирландские националисты были англичанами по происхождению, либо наполовину англичанами, наполовину ирландцами. Хорошо бы заезжий англичанин, ложась спать, повторял себе каждый раз: «Мой главный долг — перед Англией. Я буду верен ей, несмотря на самые сильные искушения».

Ирландцы, конечно же, бывают иногда несправедливы. Я думаю, причина в том, что они не обладают способностью забывать прошлое. Даже образованные ирландцы говорят о кампании Кромвеля, как если бы это были происки нынешнего британского правительства. Ирландия никогда не забудет причиненного ей зла. Все несправедливости отпечатались в ее сердце, и времена графа Стронгбоу для них так же реальны, как прошлогодний бюджет. Они не делают скидок на грехи, совершенные несколько столетий назад, а если вы попытаетесь возразить, вам припомнят английские карательные отряды в качестве доказательства, что «саксы» всегда были грубыми дикарями.

Случается, что мужчине приходится иногда выслушивать признания жены друга. Вы знаете его как хорошего человека, искреннего, прямого, честного. А женщина расскажет вам, что она подает на развод по причине его грубости. В это трудно поверить. Неужели возможно, что этот хороший человек унизил жену и даже ударил ее? Вы с ужасом слушаете историю о душевных и физических страданиях.

Несовместимость английского и ирландского темпераментов действует на вас столь же болезненно. Вы смотрите на флаг Ирландского Свободного государства и говорите:

— Слава богу, она с нами развелась!

Англичанин запирается в комнате с грудой книг по ирландской истории и с удивлением понимает, что если

бы ирландские события развертывались в какой-либо другой европейской стране, и правящей расой были бы французы, итальянцы, турки, то он, как англичанин, горячо поддерживал бы страдающий народ. Как бы он негодовал, как возмущался бы государством, подавляющим эту героическую нацию! Сколько Байронов кинулись бы на помощь, защищать национальные идеалы страдающей Ирландии!

Мнение об ирландцах сложилось у нашего англичанина из карикатур в «Панче» или, возможно, из художественной литературы восемнадцатого века, а потому он считает, что сопротивление Англии возникло благодаря врожденной страсти ирландцев к кулачным боям, подогретой неумеренным потреблением виски. Теперь он обнаруживает, что это сопротивление сложилось много веков назад, что оно коренится в одной из самых глубоких человеческих страстей — в национальном чувстве. Почему же — спрашивает он себя — ирландцев называют предателями, если в лояльности нам они никогда и не расписывались? Национальное чувство никогда не умирало, даже в те времена, когда Англия и Ирландия, казалось, слились в единую нацию.

Удивительно, что эти качества — неослабевающее упорство и упрямая настойчивость, казалось бы чисто английские черты, — в гораздо большей степени свойственны Ирландии. Борьба ирландцев была последовательной и упорной. Когда преследования вынуждали людей к эмиграции, они расширяли территорию сопротивления и возвращались, чтобы воевать за свою страну.

История Ирландии — это история борьбы ирландских кельтов. Их лишали собственности, но подавить не могли. Они находили возможность к сопротивлению, даже если для этого приходилось служить в иностранных армиях. Боролись, иногда безнадежно, в иностранных государствах. Какой-нибудь Мак с вилами

чувствовал себя в Ирландии настоящим хозяином страны и отпрыском королей.

Сейчас, впервые после сражения при Кинсейле (сентябрь 1601 года) люди, управляющие Ирландией, — та самая старая гвардия: Маки и О'. Ирландия перестала быть «вопросом» и сделалась нацией.

Каждый человек, какой бы национальности он ни был, должен радоваться тому, что это поколение дождалось окончания борьбы и одержало победу.

8

В Манстере я обменивался военными воспоминаниями с бывшим офицером. Он был воинственным гэлом и верил, что настанет день, когда Ирландия исполнит свою миссию: сделает мир по-настоящему христианским. Он рассказал мне историю о сержанте, служившем во Франции. Назовем его сержант Мэрфи.

Мэрфи получил отпуск и отправился в деревню на юге Ирландии. Кажется, это было в Керри. Когда он вернулся во Францию, мой друг спросил:

— Ну что, сержант, хорошо отдохнул? Как дела на родине, чем занимался?

— Я снял форму и обучал шинфейнеров, — ответил Мэрфи.

Эту историю можно счесть анекдотом, но она правдива.

9

Дублин — единственная европейская столица, на деле познавшая войну. Берлин и другие столицы, в которых случались неожиданные политические кризисы,

строили баррикады, полиция разгоняла бастующих, но ни в одну столицу, кроме Дублина, не входила вооруженная армия.

Ты не можешь пойти пообедать в Дублине, не услышав каких-нибудь воспоминаний, обычно юмористических, о мятеже или о гражданской войне или трагическую историю о ненавистных английских карательных отрядах.

Я пришел в гости к молодому ирландцу, принимавшему участие в борьбе за независимость. Он живет в маленькой вилле в пригороде Дублина. У дома есть палисадник, совсем, как в Англии. Кабинет хозяина был наверху.

— Здесь скрывался Майкл Коллинз, — сказал ирландец.

Дома, в которых Майкл Коллинз находил убежище, так же многочисленны в Дублине, как и английские кровати, на которых спала королева Елизавета. Я осмотрел обычную маленькую комнату: может, увижу то, что следовало бы сохранить и показать будущим поколениям.

Всегда буду жалеть о том, что на пять минут разошелся с Майклом Коллинзом, когда тот был в Лондоне. Он передвигался скрытно, не желая становиться объектом общественного любопытства, тем более что гостиные Мейфэра очень бы этого хотели. Перед подписанием договора многие дамы мечтали позвать «Мика» Коллинза к себе на обед.

Бывший почтовый чиновник стал удивительным персонажем, одним из тех, кого в судьбоносные моменты истории народы выталкивают на поверхность. Хотя сейчас ирландцы говорят о нем мало, уверен: в будущем о нем станут думать, как об ирландском Красавце принце Чарли. Как и принц Чарли, он был молод, красив, бесстрашен и неуловим. Но, в отличие от Чарльза Эдуарда — которому лучше было бы погибнуть

при Куллодене, — добился успеха и умер, прежде чем разрушилась завоеванная им в ходе войны репутация. Удачливые воины — те, кому посчастливится погибнуть в миг победы.

Я разговаривал со многими английскими солдатами и с журналистами, работавшими во время «беспорядков» специальными корреспондентами. Большинство из них, кстати, симпатизировали шинфейнерам. А что касается военного искусства и личной отваги, то о Майкле Коллинзе все говорили с восхищением. Я прочитал о нем огромную книгу в двух томах. Автор — Пиарас Бислей. Тем не менее книга не дала мне живого представления о человеке, в отличие от менее претенциозных и не таких объемных воспоминаний о том времени. Батт О'Коннор, например, написал искреннюю книгу «С Майклом Коллинзом в борьбе за независимость Ирландии». Автор рассказывает о необычайном хладнокровии Коллинза в моменты опасности, а опасность в те дни означала рейд карательного отряда:

Как-то на штаб шинфейнеров на улице Харкорт-стрит в доме 6 было совершено нападение. У Майкла Коллинза был кабинет в этом здании. Он оглушил полицейского, вбежавшего в комнату, после чего спокойно вышел из помещения, притворившись незначительным конторским служащим. Поднялся наверх и бежал через слуховое окно.

Его бумаги попали в руки налетчиков, и, поскольку помещение в доме 6 стало бесполезным, он велел мне купить выставленный на продажу дом на этой же улице — № 76.

Поскольку я занимался продажей недвижимости, мне нетрудно было покупать

дома, не вызывая подозрений. Нам требовалось осторожно переехать, не вызвав подозрений не только у врагов, но и у людей, с которыми мы вели дела. Шинфейнеры не были в чести у имущего класса. Владелец дома на Стивен-Грин отказался продать недвижимость, когда узнал, что дом станет одним из наших офисов.

Мы научились держать язык за зубами. Когда мне поручали купить дом для одного из наших отделений, я покупал его для «клиента» или «приятеля», которому хотелось приобрести «хорошее жилье в Дублине», или «для бизнеса». Дом покупался на чужое имя.

Оформив покупку дома № 76, я отправился к Майклу Коллинзу.

«Майкл, — сказал я, — они нашли дом № 6, так что, вполне возможно, выследят и дом № 76. Может, подумаем, куда спрятать ваши бумаги?»

Он одобрил мое предложение, и я устроил тайник во встроенном шкафу одной из комнат. Нетрудно было отделить часть шкафа. Чтобы попасть в тайник, следовало нажать на секретную пружинку. Снаружи ничто не вызывало подозрений: все было окрашено и оклеено, как положено.

Я предусмотрел для Майкла и способ бегства через слуховое окно: поставил наготове легкую стремянку, которую он легко мог вытащить. В двух или трех домах от здания была гостиница, и мы договорились с владельцами. Они разрешили использовать их слуховое окно в случае налета на дом № 76. Эти джентльмены держались иного образа мыслей, да и религиозные принципы не позволяли им принимать участие в действиях, связанных с насилием, однако люди они были великодушные,

а потому принимали сторону угнетенных. Они оказали нам дружескую поддержку и в этом, и во многих других случаях. Мы также предупредили служащих гостиницы, чтобы те не закрывали слуховое окно.

И эти предосторожности оказались весьма кстати, потому что вскоре дом № 76 попал в руки врагов. Майкл воспользовался слуховым окном и упал в гостиницу, едва не переломав себе ребра о перила лестницы. Дело в том, что окно оказалось над лестничным колодцем, и Майкл раскачивался взад и вперед, прежде чем спрыгнуть вниз. На дно колодца он не упал, приземлился на перила. Вышел из гостиницы вместе с другими постояльцами, смешался с толпой. С улицы он видел, как полиция ворвалась в здание.

Дом автора книги на Брендан-роуд должен остаться в истории: ведь там хранился государственный заем в сумме 25 071 фунтов в золоте. Его прятали с июля 1920 по сентябрь 1922 года.

Деньги требовались для новой администрации, — пишет мистер О'Коннор, — и для исполнения плана реконструкции. Будучи министром финансов, Майкл Коллинз объявил государственный заем на 1919–1920 годы. Он рассчитывал на 250 000 фунтов, но подписались на 400 000 фунтов, и 25 000 фунтов были обращены в золото.

«Переведите их в золото, Батт», — сказал он, когда я принес ему деньги.

Я подчинился. Обращался к владельцам магазинов и бизнесменам, которые, как я знал, обращали в золото каждый соверен и даже

полсоверена, что попадали им в руки. Постепенно я перевел в золото всю сумму.

Когда в июле 1920 года заем закрыли, мне передали золото с тем, чтобы я спрятал его в тайник. Заем, разумеется, был объявлен незаконным, и всех, кто признался, что подписался на него, посадили в тюрьму. Если бы деньги были обнаружены, их бы конфисковали.

Доктор Фогарти, епископ Киллало, прекрасный, патриотично настроенный ирландец и один из преданных друзей, был в числе многих наших доверителей. Думаю, что и лорд Монтигл — тоже. Главный фонд в банкнотах записан был на их имена, а золото упаковано в четыре ящика. Каждый ящик весил около двух английских центнеров. Все это передали мне на хранение.

Я работал всю ночь один — прятал ящики под бетонным полом моего дома на Брендан-роуд. Ползая взад и вперед, извиваясь, как червяк, я толкал перед собой ящик в двухфутовое пространство между бетонным полом дома и деревянным полом комнаты, в которой работал.

Мне не хватало воздуха, я обливался потом, а потому в самом начале работы разделся почти догола. Работу я закончил через семь часов. Маленькое пространство не позволяло поднять руку. В ней я держал молоток, пробиваясь с его помощью сквозь бетонное основание. Но я терпел и, выбив необходимые углубления, захоронил ящики. Затем снова хорошенько залил все цементом. Работу я проделал очень тщательно и аккуратно, а потому был вознагражден: мой дом проверяли много раз, и пол ни разу не вызвал подозрений. О тайнике,

кроме меня, знала лишь жена. Майкл не спрашивал меня, куда я спрятал золото. Он знал лишь, что оно в надежном месте, и этого ему было достаточно.

Золото так и оставалось нетронутым до сентября 1922 года, когда, вскоре после смерти Майкла, меня пригласил главный бухгалтер парламента Джордж Макграф. Он попросил передать ящики с золотом в банк Ирландии.

Сделано это было в присутствии главного бухгалтера. Четырнадцать банковских служащих пересчитали деньги после того, как в три часа дня банк закрылся для публики. Внутри каждого ящика имелась табличка, на которой было записано количество содержащихся в нем денег. Цифра была указана точно, вплоть до половины соверена.

Золотых монет там было на 24 957 фунтов, в некоторых ящиках имелись золотые слитки и иностранные монеты в сумме 114 фунтов. Квитанция, выданная банком главному бухгалтеру, была выписана на 25 071 фунт.

Произошло это вскоре после гибели Майкла, и все мы испытывали отчаяние от этой потери. Когда я в тот день в банке смотрел на таблички, к которым он прикасался, мне казалось, что я вернулся в первый день траура. Я представил в своем воображении, как три года назад в потайном месте он с гордостью пересчитывал собранное золото. Оно должно было поддержать нас в борьбе, на которую он возлагал такие надежды.

Ни один англичанин, читающий о борьбе горстки молодых ирландских революционеров против организованной армии — омраченной с обеих сторон

жестокостью и убийствами — не может не чувствовать, что в противоположных обстоятельствах подобный образ действий он посчитал бы почетным долгом Англии.

10

Единственное гэльское слово, которое, кажется, известно всем в Ирландии, — *Slainte*, что означает «хорошее начало». Люди произносят его, когда поднимают бокалы.

Закончится ли успехом попытка молодых людей, строящих ирландское государство, возродить гэльский язык? Этого ни один иностранец не знает. Названия всех дублинских улиц написаны по-гэльски шрифтом, введенным в Ирландии королевой Елизаветой. Правительственные объявления напечатаны на английском и гэльском языках. Известный гэльский ученый сказал мне, что нововведение призвано внедрить «государственный гэльский язык», однако человеку, желающему его изучить, кажется, что они написаны кондуктором омнибуса из Бетнал-Грин.

Тем не менее возрождение гэльского языка является первоначальной задачей ирландской революции. Оппоненты утверждают, что современное государство не добьется повсеместного употребления гэльского. Защитники фанатично возражают, поскольку считают, что это одно из средств поднятия национального духа. Есть и люди, которые восхищаются гэльским как литературным языком. Они хотели бы, чтобы его изучали в школе наряду с латынью и греческим языком.

Профессор Р. А. Макалистер в «Археологии Ирландии» приводит по этому поводу интересный комментарий:

Несмотря на то, что английский язык подарил миру одну из самых благородных литератур всех времен, нынешняя речь быстро деградирует, превращаясь в конгломерат ленивых сокращений, таких как «байк», «флю», «соккер», «прэм», «ведж», «марж» и т. п. Эти словечки выскакивают пузырями из отвратительной магмы экзотической тарабарщины, импортированной и пересаженной на родную почву с помощью кино. С экранов кинотеатров их произносят «звезды», снимающиеся в «интригующих трюковых фильмах» и «захватывающих триллерах». Литературные стандарты пока еще существуют, но рано или поздно погибнут под этими атаками. Отвратительные слова «бас» и «кеб» утвердились в литературном английском языке; «байк», «флю» и «прэм» почти утвердились. Скоро обычный англичанин будет пользоваться жаргоном, набирающим силу на наших глазах, и для человека с улицы Шекспир станет таким же непонятным, как англосаксонский поэт Кюневульф. Оппоненты возрождения гэльского языка, читайте, оценивайте и учитесь! В качестве второй стрелы для лука нам следует взять на вооружение язык, который при всей его гибкости не допустит столь варварского обращения с собой. Он даст стабильность даже бытовому английскому языку.

Но сможет ли женщина делать покупки на гэльском языке? Как сказать по-гэльски «подтяжки»?

Глава вторая

Келлская книга и «гиннес»

Я знакомлюсь с Келлской книгой, стою у могилы Стронгбоу, наблюдаю за изготовлением дублинского «черного вина», иду по приглашению на завтрак в зоопарк, обнаруживаю церковь, заполненную мумиями, и наконец покидаю Дублин.

1

Войдя в ворота Тринити-колледжа под взглядами Берка и Голдсмита, приезжий попадает на широкое пространство, вымощенное брусчаткой. Камни эти, похоже, вкопал древний шутник, желавший посмеяться над учеными мужами, сбивающими себе до крови пальцы на ногах. Большинство городов предлагает уголок или делает вид, что предлагает, в котором можно найти убежище от повседневных забот. Это, например, Темпл в Лондоне или Читэм-Хилл в Манчестере. Такие места выглядят более впечатляюще, если находятся в самом центре города. Так и с Тринити-колледжем: войдя в ворота, вы попадаете в задумчивый мир.

Тринити-колледж — единственный памятник елизаветинским временам в Дублине.

Его основание указывает на возникновение в Ирландии настоящей метрополии — Дублина. В нем выражена позитивная и конструктивная сторона елизаветинского правления, — пишет Стивен Гвинн в книге «Знаменитые города Ирландии». — Английские

государственные мужи вознамерились превратить Ирландию в протестантскую нацию, а англичане в Ирландии решили, что этот народ необходимо наставить на путь истинный, как следует обучать протестантов и как обращать католиков. По просьбе нескольких известных клириков, среди которых были архиепископ Адам Лофтус и архидиакон Дублина Генри Ашер, Елизавета даровала хартию об основании университета. Его разместили на территории августинского монастыря Всех Святых. При Генрихе VIII, отце королевы, эти здания были конфискованы, а Елизавета передала их новому учебному заведению. Средства поступали медленно, и лучшим свидетельством того, что поселенцы жаждали знаний, был способ, которым добывались денег. Когда испанская армия в Кинсейле и ирландская армия под командованием Хью О'Нейла и Реда Хью О'Доннелла в 1601 году были разбиты лордом Маунтджоем и Кэрю, солдаты-победители предложили новому колледжу награбленное добро в качестве платы за обучение. Они победили папские отряды силой меча и вознамерились продолжить войну силой знаний.

С самого начала семнадцатого века университет не замкнулся в себе, как Оксфорд и Кембридж, по чьей модели он был задуман. Он принимал участие в жизни метрополии, постоянно поддерживал связь с властями Ирландии. Официально университет разделял их взгляды и подавлял мятежные настроения студентов, но, как уже было сказано, процесс брожения начался: его готовили ирландские молодые протестанты.

Тринити-колледж всегда критиковали как рассадник протестантизма. Мне говорили, что во время мятежа 1916 года были перехвачены письма, в которых этот колледж называли «иностранным».

Дж. Молони высказывает интересные критические замечания в адрес Тринити-колледжа Его последняя

книга — «Загадка ирландцев» — не вызвала внимания, которого заслуживает.

Это, скорее, беда Ирландии, чем вина Тринити, что редкие абитуриенты поступают в колледж (так было и в мое время) без практической цели. Некоторые хотят получать стипендию или, по крайней мере, желают добиться академического успеха; другие сразу поступают на «профессиональные факультеты» (юридический, медицинский, инженерный, богословский) с твердой целью — получить квалификацию, которая даст им средства к существованию. Польза, которую получает Англия от своих студентов, заключается в том, что люди, вышедшие из университета и влившиеся в жизнь страны, даже если не пользуются полученными знаниями, приносят с собой университетский дух — широту мысли, терпимость к чужим мнениям и устремлениям. У Ирландии, по сравнению с Англией, не так много людей, которые могут позволить себе провести три или четыре года просто для усвоения культуры, зачастую без прямой практической отдачи. Однако, как бы мало ни было таких людей в Ирландии, страна получает неоценимую выгоду от того, что некоторое время они общаются с сокурсниками в условиях университетской жизни. Половина бед Ирландии была вызвана тем, что естественные лидеры ирландского народа, джентльмены Ирландии, не вели за собой людей, не были способны на лидерство. Они были отделены от народа и разобщены. У них не было общего стандарта ценностей, и каждый человек имел преувеличенное мнение о собственной

значимости в своем социальном классе. На сквайров в своем графстве я смотрю с чувством жалости. Люди они неплохие, однако не способны понять значения того, что происходит вокруг них. Каждый человек, запершись в своем доме, ждет, что мир успокоится, и чувствует разочарование оттого, что мир не отвечает его желаниям.

Каждый человек, приезжающий в Дублин, должен обязательно посетить Тринити-колледж, чтобы увидеть одну из самых драгоценных книг в мире — знаменитую Келлскую книгу. Каждый вечер ее вынимают из футляра и запирают в сейф хранилища. Каждое утро снова почтительно ставят в стеклянный футляр и каждый день переворачивают один лист.

В чем ценность Келлской книги? Это интересует многих. Говорят, профессора в тесном семейном кругу подсчитывают, сколько бы вышло в год, если бы колледж продал чертову книгу, а вырученную сумму передал бы университету. (Это, разумеется, ирландская шутка!)

Цена Келлской книги — та сумма, которую один миллионер в соревновании с другим миллионером мог бы выложить за нее на аукционе «Сотбис». Имеет значение и глубина ненависти и соперничества между ними. Оба, например, могут подумать, что выиграли, если цена дойдет до 500 000 фунтов! А Келлская книга не застрахована! Нет в мире подобной книги, которая была бы не застрахована. Администрация колледжа, без сомнения, разумно, полагает, что невозможно достать за деньги другую такую книгу, поэтому лучшей страховкой является покупка лишних пожарных шлангов и наем на работу дополнительных охранников.

Вежливый библиотекарь позволил мне посмотреть на книгу. Он даже разрешил перевернуть толстую

пергаментную страницу.

Что же такое Келлская книга?

Когда саксы скитались в Англии по руинам римских городов, а чужестранные божества громко требовали крови на морском побережье Норфолка, ирландские монахи приплыли в Англию и привезли в эту окаянную страну свет христианского учения.

Лондон в то время был покрыт римскими развалинами, на крепостных стенах росла куманика, на болотах за городом горели лагерные костры восточных англов: в город они входить опасались. Париж был разрушен, а в Риме закатилось солнце. Центром европейской культуры была Арма, религиозная столица Ирландии. На протяжении трех самых темных столетий английской истории Ирландия спасала для Европы греческую и латинскую культуру. Из Ирландии — через Айону и Линдисфарн, маленький песчаный остров у Нортумберлендского побережья — на север Англии пришло христианство.

В это время в аббатстве городка Келлс, основанного святым Колумбой, неизвестный ирландский монах переписывал евангелия. Он был одним из величайших художников мира. В Италии, в эпоху Ренессанса он мог бы стать вторым Микеланджело.

Он украсил книгу тысячей фантазий и красот, вложил в нее всю мощь своего воображения. Люди, которые видят ее сейчас, поражаются не только плодovitости авторского ума, но и остроте глаза. Как он умудрился все это изобразить? Может, у него было увеличительное стекло невероятной силы? Иначе как бы он выписал столь микроскопические детали на пространстве не более почтовой марки? Когда миниатюры сфотографировали и увеличили, в переплетении линий и спиралей не нашли ни единого изъяна.

Эту великую реликвию ирландского искусства поместили в дорогой золотой оклад. Позже вор выкрал ее из ризницы Келлского аббатства. Через два месяца книгу нашли спрятанной «под дерном». Вор украл ее ради оклада. Книга, выброшенная столь бездумно, вернулась на свое место. Она остается самым совершенным произведением христианского искусства, уцелевшим со времен золотого века Ирландии.

Техническое совершенство Келлской книги и других ирландских манускриптов поражает всякого, кто их видит:

Использованные чернила, — пишет профессор Макалистер в «Археологии Ирландии», — представляют собой вытяжку из чернильных орешков, которая в большинстве случаев сохранила свою черноту до настоящих дней. Иногда в монастырском скриптории пользовались чернилами худшего качества, и они выцвели до коричневатого оттенка. Жалобы на плохие чернила и плохие перья встречаются на полях манускриптов. Студент шестнадцатого века, занимавшийся копированием отрывков из большой рукописи, названной «Пестрая книга», особенно беспокоился. На странице 17 манускрипта он написал: «Дева Мария, сохрани чернила!» — что справедливо, потому что мы видим очень слабый коричневый цвет краски. Позже, на странице 141, мы находим: «Мария, уже лучше?» На странице 197 он потерял терпение и высказался следующим образом: «Господь, ты все еще посылаешь нам чернила? Я — Кормак, сын Косномаха, пользуюсь ими в аббатстве Дан Дойре (Голуэй) и, боюсь, мы с ними натерпимся. Год от Р. Х. 1575». В этих словах и других схожих надписях на полях

выразилась человеческая натура, многие из них исполнены страдания. Что за неприятности были в монастыре, из-за которых один студент вынужден был написать прочувствованные слова: «Благодарение Господу за то, что вчера меня здесь не было»? И почему другой студент написал: «Брайан — гадкий тип»? В библиотеке Британского музея хранится рукопись, посвященная юридическим и прочим вопросам. Она написана в шестнадцатом веке юристом по имени Домханалл О'Дуивдавойреанн, имя которого, переделанное на английский лад, звучало как Донал О'Даворен. На полях содержится надпись, которая доказывает, что один из главных источников для переживаний у людей пишущих все тот же: «Да постигнет Божья кара женщин, которые разбросали мои чернильницы, краски и книги. Пусть Господь проклянет всякого, кто прочтет это и не осудит их. Боже, что за кощунство!» Донал, кажется, обладал тем, что на современном языке называется темпераментом. Его можно понять, потому что женщины из семейного окружения бесцеремонно обращались с его бумагами. Вскоре после того как он излил свои чувства, одна из них, сунув нос в его записи, обнаружила эти строки и написала в книге спустя две страницы: «Я не из этих женщин, Донал!»

Рядом с Келлской книгой находится «арфа Ирландии», предположительно знаменитая арфа, звучавшая в залах Тары. Правда, никто в это не верит. Тем не менее она является национальным символом Свободного государства.

«История такова, — расскажет вам гид, — после убийства Бриана Бору в сражении при Клонтарфе

(севернее Дублина) эту арфу передали папе Александру II. Она оставалась в Ватикане почти 500 лет, а в 1521 году ее преподнесли Генриху VIII в знак благодарности за защиту семи таинств христианской веры. Через двадцать лет Генрих VIII отдал арфу маркизу Кланрикарду, и она переходила по наследству, пока не попала к антиквару из Лимерика... Я сам видел ее, когда на ней были струны, но сейчас их уже нет...»

История интересная, но археологи утверждают, что арфа не старше четырнадцатого века.

В Келлской книге живет далекое прошлое Ирландии. Оно изображено тонкими линиями и совершенными красками. Переворачивая страницы этой великой книги, человек входит в мир ирландских святых, ирландских поэм и легенд, кораблей, переплывающих море и несущих свет христианской церкви в темные закоулки мира.

2

Келлская книга и «Золотая комната» в замечательном дублинском музее должны поразить тех, кто не знает, какое положение в мире занимала Ирландия с 600 по 800 год.

Интересно, что таят в себе музейные манускрипты? Посмотрим ли мы новыми глазами на ирландскую культуру? Перед учеными стоит непростая задача: отпереть эту сокровищницу в следующие несколько лет. Если англичанин думает, что древняя Ирландия была такой же дикой, как англосаксонская Англия, пусть он пойдет в «Золотую комнату» — одно из самых интересных помещений в Дублине. Пусть посмотрит на ожерелья из битого золота, блестящие лунылы^[6], на ковчеги, украшенные драгоценными камнями, на металлические патерицы, изысканные чаши и вазы. Все

отмечено особой энергичной манерой, столь отличной от того, что мы видели до сих пор. Так искусство Египта отличается от искусства Греции.

Думаю, что самая изысканная вещь в музее — брошь Тары. Ее нашли в 1850 году на морском берегу возле города Беттистаун. Между брошью и Тарой нет никакой связи. Это название ей дал ювелир, в чьи руки она попала. Она представляет собой бронзовую булавку в форме римской фибулы из эмали, янтаря и стекла. Поражает филигранная работа по золоту. У броши такой же необычный вид, как и у Келлской книги. Она украшена и с наружной, и с внутренней стороны. Трудно оторвать взгляд от кельтских узоров — спиралей, переплетений, человеческих голов и зооморфических орнаментов.

3

Служащий Крайстчерч — одного из трех соборов Дублина — любит водить приезжих в жутковатый склеп, который, как говорят, был построен данами во времена правления дублинского конунга Сигтрюгга Шелкобородого. В этом холодном месте, где электричество лишь подчеркивает мрачность арок над лесом низких колонн, и находятся корни Дублина.

Когда строили этот склеп, были еще живы люди, помнившие почти гомеровское по размаху сражение при Клонтарфе. На их глазах поднимался и падал боевой топор Муирхада, старшего сына Бриана Бору. На землю лились потоки крови. Сын короля вел за собой армию против отборной, облаченной в кольчуги тысячи скандинавов. Возможно, строители собора видели битву, разгоревшуюся возле походной палатки Бриана. Вероятно, они первыми узнали, что заморский вождь Бродир убил престарелого монарха в миг, когда тот,

встав на колени, благодарил Господа за одержанную победу.

Но служащий, привыкший иметь дело с английскими и американскими туристами, ведет вас к заложенной кирпичом двери и говорит, что в старые времена отсюда можно было выйти по подземному ходу. Запечатали его в восемнадцатом веке, когда британский офицер, принимавший участие в похоронах некоего генерала, был случайно замурован в склепе. Нашли его мертвым несколько недель спустя. (Служащий сообщает мрачные подробности этого события.) Затем он подводит группу к стеклянному ящику, чиркает спичкой и подносит трепещущее пламя к мумифицированным останкам кота и крысы. Оба животных умерли в движении: кот несся за крысой, а крыса в высоком прыжке спасалась от кота. Служащий объясняет, что кот последовал за крысой в трубу органа, где оба и нашли свою могилу...

Мысли устремляются к мрачным аркадам. Воображение пытается представить историю, породившую досужие рассказы. Строительство собора завершили через двадцать четыре года после сражения при Клонтарфе. До постройки склепа Ирландия успела распасться на мелкие государства. Исторический период подергивается туманом. Туман ненадолго рассеивается, и мы видим длинные драккары скандинавов, вытасченные на восточный берег Ирландии. Сражения и победы сменяют друг друга, и наконец в бухте Дублина появляется маленькое данское поселение.

Служитель ведет наверх, и вы видите красивый норманнский трансепт, а неподалеку, в нефе, лежит тело каменного крестоносца в полном облачении. Это — гробница Стронгбоу. С него начались беды Ирландии. Он хранил Дублин для короля Генриха II и породил пресловутый «ирландский вопрос».

Некоторые воспоминания о безжалостности Стронгбоу удерживаются, по крайней мере, в сознании

служителя Крайстчерч. Он рассказывает, как Стронгбоу вошел в Дублин, грабя и убивая всех на своем пути. Затем указывает на статую мальчика рядом с норманном. Скульптура обрезана на уровне талии.

— Знаете, кто это такой? — спрашивает служитель и делает драматическую паузу. — Это — сын Стронгбоу. Он был еще ребенком, но отец сказал, что сын проявил трусость в бою, поэтому убил его и разрубил тело пополам в качестве предупреждения всем трусам. Вот какой это был человек, невероятно жестокий... Теперь пройдите сюда, я покажу вам сердце святого Лоуренса О'Тула.

Он указывает на металлический контейнер в форме сердца, размером с подушку. Контейнер прикреплен к стене цепью. Там хранится сердце знаменитого Лоуренса О'Тула, архиепископа Дублина. Он умер в Нормандии в 1180 году.

Мне кажется, что среди всех мистических и гротескных исторических экспонатов Крайстчерч служитель особо выделяет скульптуру сироты, по щеке которого течет каменная слеза. Он зажигает спичку и подносит к статуе.

— Видите? — спрашивает он.

Посетители, похоже, считают это большим чудом, чем мрачное и ужасное впечатление, которое произвела на них церковь, основанная Сигтрюггом Шелкобородым...

В соборе Святого Патрика, стоящем неподалеку, вы подходите в состоянии некоторого шока к могилам Свифта и Стеллы, наконец-то соединившихся в смерти. Приходится поискать ту знаменитую эпитафию, которую никто, кроме Свифта, не мог бы написать. Она была снята с его могилы много лет назад, и сейчас ее можно увидеть над дверью, где судьи облачаются в мантии:

Здесь покоится тело
ДЖОНАТАНА СВИФТА,
тридцать лет служившего деканом
в этом соборе.
Здесь яростное негодование уже не может
терзать сердце усопшего.
Проходи, путник и,
если можешь, следуй заветам того,
кто по-мужски участвовал
в защите свободы.

Эти слова обошли мир. И какими банальными в сравнении с ними кажутся надгробные слова Стелле!

В соборе Святого Патрика можно увидеть флаги расформированных ирландских полков, скамьи рыцарей ордена Святого Патрика, несколько хороших памятников, но каждый раз возвращаясь к двум камням в нефе, под которыми лежат тела самых загадочных любовников в английской литературе.

4

В Ирландии есть наука, незнакомая в Англии. Называется она *ерундология*. Почти каждый истинный ирландец закончил ее курс, либо сделался в этой науке настоящим профессором. Американцы называют ее вздором, англичане именуют шарлатанством. А истинного ирландца хлебом не корми, дай рассказать англичанину невероятную историю.

Получив приглашение на завтрак в дублинский зоопарк, я подумал, что за этим предложением кроется рука главного специалиста в *ерундологии*. Однако хватило нескольких минут, чтобы узнать: такое приглашение не только любезность, но и серьезное

мероприятие. Стояло холодное утро, с гор Уиклоу дул ветер; я уселся в потрепанное дублинское такси и поехал в Феникс-парк. Меня встретили у ворот зоопарка и провели в помещение, украшенное чучелами животных. Там я увидел накрытый для завтрака стол.

Дюжина серьезных людей стоя поела кашу из маленьких мисок. Такая здесь традиция: зоологи Дублина никогда не едят кашу сидя. Я был приглашен на завтрак советом Королевского зоологического общества Ирландии. Его члены завтракают раз в неделю в зоопарке на протяжении более девяноста лет. Покончив с завтраком, они открывают собрание.

— Как появилась эта традиция? — спросил я.

— Все началось с той компании, которая каждое утро верхом объезжала Феникс-парк, — ответил управляющий, доктор Фаррер. — В то время состояние зоосада было неудовлетворительным, поэтому в 1837 году решили: члены совета должны завтракать здесь раз в неделю, а в конце года трех самых плохих работников увольняли. Совместные завтраки вынуждают нас быть в форме.

По окончании завтрака мне показали ногу слона. Это — самая трагическая реликвия зоопарка. На ноге высечена надпись:

СИТА,
убившая своего хозяина
и застреленная
11 июня 1903 года.

Члены совета, откушав по тосту с джемом, приступили к делам. Я попрощался и вышел.

Многим ли известно, что Дублин знаменит экспортом львят? Я имею в виду не юных драматургов и поэтов, время от времени дебютирующих в Мейфэре, а

детенышей неприрученных львов. Фабрика по их производству находится в Феникс-парке и называется «зоопарк».

В парке я повстречался с мистером Кристофером Фладом. Он более сорока лет заведует единственным в мире питомником племенных львов. Рассказы о мистере Фладе и его власти над дикими животными столь удивительны и столь достоверны, что всякий понимает: родиться они могли только в Ирландии. Эти истории рассказывали во Франции во время войны, и каждый солдат, полежавший в дублинском госпитале, прибавлял к этим рассказам что-то свое.

— Вы спрашиваете, в чем наш секрет выращивания львов? — переспросил мистер Флад. — Да где же в мире воздух лучше дублинского?

— Не хотите ли вы сказать, что львьятам, как и нациям, для нормального роста нужен особый теплый воздух инкубатора?

— У нас в Дублине и стаут неплох, — шутливо заметил мистер Флад.

Мы оказались в окружении тех, кого известные натуралисты, охотники на крупных зверей, председатели зоологических обществ и другие эксперты единодушно называют лучшими в мире львами, выращенными в неволе. Люди, посещающие зоопарки, как правило, видят жалкое подобие царей джунглей. Глаза апатично сидящих животных слезятся, хвосты облезли. Львы настолько равнодушны, что их не возбуждает даже вид хорошенького розового младенца. Не знаю более печального зрелища.

В Дублине львы совсем другие. Под кожей цвета меда играют мышцы, глаза чисты, словно янтарные кольца в озерной воде; в них сверкают опасные огоньки. Это — настоящие львы.

Некоторые из них готовы отдать что угодно, лишь бы проглотить мистера Флада; другие, завидев его,

ложатся на спину, предлагая почесать себе шею.

Мы вошли в родильную палату и увидели двух играющих львят. Это последняя прибавка к семье, которая насчитывает сотни львов. Львята рождаются в большинстве зоопарков, но редко вырастают до зрелого возраста. Если их не поедает их же родители, они умирают сами, не дожив до шести месяцев. Замечательно то, что мистер Флад вырастил сотни львят, не потеряв ни единого.

Он скажет вам, что его секрет — понимание львов, но эти слова не вносят ясности. Как понять льва? Нет двух одинаковых львов, ответит он вам. Каждый лев, как и человек, — личность с собственными настроениями и чувствами. Их вкусы и аппетиты различны. За их питанием нужно наблюдать, как хозяйка наблюдает, или должна наблюдать, за питанием в пансионах.

— Думаю, секрет в том, — говорит мистер Флад, — что я живу ради них. Ничего другого я делать не умею. С детства мне хотелось ухаживать за львами. Я делаю это, и я счастлив.

— Правдивы ли истории о вашей власти над дикими животными?

— Отчасти. Дело в голосе. В моем голосе, в интонациях — понимаете? — есть что-то такое, что заставляет их подчиняться. Я никогда на них не кричу. Ни разу не замахнулся на животное палкой. Я просто говорю с ними. Они понимают, что должны меня слушаться. Эту власть над ними я приобрел неосознанно. Обратите внимание: каждое животное в вольере смотрит на меня, и только на меня. То же самое происходит, и когда здесь полно народа. Если я тихо войду и встану позади всех, они заметят. Никого больше они не видят...

Это верно. Каждый дублинец может попробовать зайти в вольер вместе с мистером Фладом и попытаться привлечь к себе внимание льва.

Дублинский экспорт львов начался почти пятьдесят лет назад. Рекордная цена за взрослого льва составила 250 фунтов. Львенка можно купить за 50 фунтов.

Когда в начале войны немцы подвергли бомбардировке Антверпен, снаряды упали и на зоопарк. Тех животных, что не погибли, из жалости пристрелили. В антверпенском зоопарке оптимистично полагали, что война закончится через несколько месяцев, а потому тут же написали в Дублин и заказали новую партию львят. Для них зарезервировали помет и спустя пять лет прислали взрослых животных.

Дублинские львы есть в Аделаиде и Торонто. Дублинские львы путешествуют по миру в бродячих зверинцах.

Самой знаменитой львицей была Нигерия, великолепное создание, подаренное королем Эдуардом. За свою долгую и плодовитую жизнь она принесла двадцать шесть львят, каждый из которых выжил. В зоопарке Дублина имеются несколько внуков Нигерии. Она была моложавой дамой, и мистер Флад говорит, что Нигерия выглядела моложе собственных внуков даже перед самой смертью.

Дублинский зоопарк открылся в 1831 году. Его ранняя история неизвестна, поскольку письменные свидетельства отсутствуют. Членам Королевского зоологического общества Лондона небезынтересно будет узнать, что майор Вигорс, принимавший участие в формировании лондонского зоопарка, помог и в создании дублинского собрата, а лондонский архитектор Децимус Бартон создал проект. Первых животных подарил Дублину Вильгельм IV — прислал из королевских вольеров Виндзорского парка. Он же прислал из лондонского Тауэра волка, леопарда и гиену.

Завтраки в зоопарке — странная и забавная черта дублинской жизни. Совершенно справедливо, что

столица в этой парадоксальной стране прославилась выращиванием английского символа!

5

Стаут — напиток, который мистическим образом обвенчали с устрицей. Его можно назвать грубоватым и чуть более тяжеловесным братом пива. Он нравится большинству мужчин, а худенькие женщины пьют его по необходимости. Нам постоянно твердят, что он полезен.

Эту темную жидкость люди с экзотическим вкусом смешивают иногда с портвейном или хересом. В результате получается коктейль, прозванный «реаниматором».

Дублин — родина стаута. Пивоварня Гиннеса самая большая в мире. Можно сказать, что это весь Дублин. Пивоварня — главный работодатель в столице и единственная фирма с мировой известностью. Темная река «Гиннеса» течет во всех уголках испытывающего жажду мира. Так все узнают о существовании Дублина.

Вознамерившись проникнуть в тайну стаута, я вошел в город, целиком посвященный этому напитку. В этом городе проложены железнодорожные пути и канал, по которому идут груженные баржи с ячменных полей Ирландии.

Время от времени до барж, неотъемлемого атрибута местного ландшафта, с берега доносится иронический возглас празднующегося бездельника:

— Привези-ка нам попугая!

Рецепт стаута прост: это хмель (смесь кентского и калифорнийского), солод и некоторое количество жженого солода или жареного ячменя. Жженный солод выглядит точно так же, как кофе, и это объясняет эфиопский цвет «ирландского вина».

Первое, что требуется будущему «гиннесу», — чтобы пивоварня после смешивания приготовила жидкую и сладкую кофейного цвета жидкость, известную как «сусло». Затем сусло варят с хмелем и пропускают через длинные трубы в бродильную камеру.

Для ферментации добавляют дрожжи. Заглянув в стеклянную дверь, вы увидите пену цвета хаки. Она медленно движется, на поверхность выскакивают и лопаются пузыри.

Излюбленная шутка пивоваров состоит в том, что они приводят посетителя к этим чанам и дожидаются того неизбежного момента, когда тот приблизит голову, чтобы как следует все рассмотреть. И тут вздымается волна, запах которой намного превосходит самые ужасные запахи на свете. Это не запах, это газ. Если человека подержать в этом газе пять секунд, он не сможет дышать, а через десять секунд просто-напросто умрет.

Мы открыли дверь и вошли в длинный цех, в котором три сотни мужчин и мальчиков работали в резком запахе горящих дубовых щепок. Мне этот цех показался самым интересным на заводе. Мужчины — бондари, специалисты отмирающей профессии, которая в средние века принадлежала одной из самых мощных торговых гильдий. Дублинское бондарное ремесло наиболее распространено из всех, существующих на сегодняшний день.

Бондарное ремесло — наследственное занятие, секреты которого передаются от отца к сыну. Ученикам платит не пивоварня, а учителя. Здесь сохранилась средневековая дисциплина. Еще бы! Если мастер увидит, что ученик отлынивает, он ему не заплатит.

Каждая деталь бочки выдерживается над огнем из дубовых щепок: дерево нужно освободить от присущих ему вредных свойств, способных испортить вкус стаута.

Выйдя из бондарного цеха, вы увидите странную картину: двадцать пять мужчин засунули носы в отверстия бочек (впоследствии в них вставят затычки). Бочки систематически обнюхивают. Сначала может показаться, что мужчины делают это ради собственного удовольствия. Не тут-то было: эти люди владеют одной из самых странных на свете профессий. Они — нюхачи и специализируются на обнюхивании пустых бочонков из-под стаута.

Деликатные носы, привыкшие ко всем запахам бондарного цеха, тут же сообщают им, что бочонок свеж и чист и его можно снова наполнить и отправить в мир, где он будет радовать людей.

Каждый посетитель пивоварни заканчивает обход в комнате дегустации, где к его услугам отборное пиво. Здравомыслящий человек выпивает одну кружку мистического напитка, называющегося «Форин экстра». Это пиво обладает крепостью ликера. Часто его выдерживают в течение пяти или семи лет. Оно предназначено для иностранцев. Говорят, оно примиряет эмигрантов с нелегкой судьбой. Каждая бутылка бьет по сознанию с силой, сравнимой с ударом копыта взрослого мула.

— Ох! — говорит мне гид. — Его называют небесным напитком!

Я не уверен, что название удачное.

Еще одна шутка здешних рабочих — влить в посетителя содержимое двух бутылок «Форин экстра» и посмотреть, как он потом дойдет до ворот.

6

Под церковью Святого Михана в Дублине меня ожидало самое ужасное зрелище из всех, какие мне довелось увидеть.

Святой Михан был данским епископом. В 1095 году он основал церковь над склепом в древней дубовой роще. В восемнадцатом веке здание перестроили. Единственное, что представляет интерес внутри церкви, — скамья для кающихся грешников. Одно время ее поворачивали вокруг оси, чтобы грешники и паства могли видеть друг друга. Следует также обратить внимание на красивый орган с позолоченными херувимами. Говорят, Гендель репетировал на нем ораторию «Мессия» перед премьерой в Дублине.

Посетители идут в церковь, чтобы взглянуть на тела в склепе. Благодаря некой особенности здешней атмосферы, они сохранились не хуже египетских мумий. Люди, мрачные от природы, и те, кто любит экстремальные зрелища, непременно наведываются в это ужасное место. Для Ирландии оно уникально, да и в Англии точно нет ничего подобного. Смутно вспоминаю, что видел однажды ряды мумифицированных монахов в церковном склепе в Бонне на Рейне, но, если мне не изменяет память, по сравнению с мумиями церкви Святого Михана те просто скелеты.

Служитель проводит вас через двор к тяжелым металлическим дверям, отпирает их, и вы смотрите на уходящую в темноту крутую каменную лестницу. Спускаясь, ощущаете, что воздух здесь не похож на обычный холодный воздух склепа: он почти теплый и на удивление свежий.

— Это, — сказал служитель, оглядываясь, — лучший воздух в Дублине.

С восточной и западной стороны коридора вы видите камеры с металлическими дверями. Служитель подносит фонарь, открывает дверь и ведет вас внутрь, освещая фонарем самую кошмарную картину, которую вы только можете себе вообразить.

Гробы стоят один на другом, почти до потолка. Вы находитесь в склепе аристократического семейства.

Лорды и леди, генералы и государственные деятели, известные и незнакомые, лежат вокруг слоями. Последний гроб стоит на других, а те, в свою очередь, покоятся на гробах праотцев. Нижние гробы формой и цветом заметно отличаются от прочих. Гербы, алый бархат, не только не истлевший, но даже и не выцветший. Иные гробы затянуты в черную кожу и утыканы ничуть не потускневшими от времени медными заклепками.

Приглядевшись, я заметил, что вес мертвецов, давящих сверху, понуждает гробы вламываться один в другой, в результате наружу вылезает рука, нога, а то и голова. Мертвецы, выпихивающие своих предков из гробов... такая идея достойна Эдгара Аллана По. Поражает и ужасает то, что эти мужчины и женщины, скончавшиеся 500 лет назад и более, не рассыпались в прах, а превратились в мумии. Их плоть имеет цвет кожи, и, что еще удивительнее, их суставы не застыли.

— Посмотрите! — сказал служитель и сдвинул мертвое колено. Ему очень хотелось, чтобы я ничего не пропустил.

В углу я увидел тело мужчины, лежавшего со скрещенными ногами — традиционная поза мертвого крестоносца, означающая, что человек побывал в Святой Земле. Эту позу можно увидеть запечатленной в каменных надгробиях лондонского Темпла и в тысячах других норманнских мемориалов по всей Англии, но я никогда не думал, что мне доведется увидеть самого крестоносца.

— Вы можете обменяться с ним рукопожатием! — воскликнул служитель. Я наклонился и внимательно осмотрел ногти человека, умершего почти 800 лет назад.

В том же склепе я увидел тело женщины. Говорят, она была монахиней. У нее были ампутированы ступни и правая кисть. Женщину замучили сотни лет назад.

Мы осмотрели много других склепов, в том числе и склеп умершей в одночасье семьи. Кошмарное место.

Фрагменты тел лежали на полу в коричневой пыли разрушившихся гробов.

Единственными живыми существами в этих склепах были пауки. В некоторых местах они сплели тонкую серую паутину от крыши и до пола. В одном склепе они милосердно занавесили дверь.

— Чем они питаются?

— Друг другом, — сказал служитель. — Ученые, изучающие пауков, приезжают сюда со всех сторон. Мне говорили, что пауки — каннибалы...

Ученые объясняют удивительную сохранность содержимого склепов тем, что они стоят на останках деревьев: в древности здесь была дубовая роща. Гниения нет, пока сохраняется абсолютная сухость. Небольшого количества влаги достаточно для того, чтобы тела и гробы обратились в пыль. В восемнадцатом веке обезглавили двух братьев, Джона и Генри Ширсов. В 1853 году их решили перезахоронить, тела прислонили к стене склепа, а отрубленные головы положили подле ног. Дублинцы принесли в склеп живые цветы и венки. В течение года влага в цветах уничтожила все без остатка.

Я был рад выйти на прохладный воздух, к дневному свету.

— А женщинам вы эти склепы показываете? — спросил я.

— Я всегда предупреждаю дам, — ответил служитель, — иначе они падают в обморок... Не забуду, как в первый раз пришел сюда четырнадцать лет назад. Я понятия ни о чем не имел, взял с собой свечку... в то время не было электричества. Спустился посмотреть. Такого страха я в жизни не испытывал... Да, всякое рассказывают. Вот, например: один вор спустился сюда темной ночью, хотел снять кольцо с пальца мертвой

женщины. Когда он двинулся назад, дама сначала уселась в гробу, потом вылезла наружу и ушла! Говорят, после этого она еще долго жила. Ну, разумеется, это все байки...

Склеп церкви Святого Михана — воистину комната ужасов!

7

В три часа ночи мне вдруг пришло в голову, что пришла пора освободиться из объятий дружелюбного Дублина, надо увидеть и остальную Ирландию. Я понимал, что не смогу предстать перед своими новыми друзьями и просто сказать им:

— Все, я уезжаю!

Они наверняка бы ответили:

— К чему такая спешка? Подожди, давай-ка лучше опрокинем по стаканчику...

Я поддался бы уговорам и согласился. И потому я тайком договорился о такси, написал письма с извинениями и ранним утром, крадучись, словно преступник, покинул Дублин.

Глава третья

Церкви Глендалу, гонки и скачки

Я еду через горы к Глендалу и его церквям; слушаю легенду о святом Кевине и еду в Курраг, где смотрю на лошадей и посещаю конные заводы; присутствую на ирландских скачках и выигрываю деньги.

1

Стояло теплое летнее утро. Я выехал рано, на траве блестела роса.

Вряд ли рядом с каким-либо другим большим городом можно встретить такую же дикую и пустынную местность, как холмы вокруг Дублина. Национальный парк Пик Дистрикт возле Шеффилда кажется небольшим сквером по сравнению с раскинувшимся на миля тоскливым, навевающим уныние торфяным болотом. Человеку здесь нет пристанища.

В часе езды от Дублина можно заблудиться. Будете ходить несколько дней, не встретив ни души. Если поранитесь, сляжете, да так и умрете в болоте, потому что шанс найти помощь у вас практически отсутствует.

Даже Дартмур показался мне менее диким, чем здешние места. Горы складками тянутся друг за другом: некоторые длинные, сравнительно пологие, другие — обрывистые, с острыми вершинами. Во впадинах неожиданно обнаруживаются глубокие озера, такие как Лох-Дан. Оно похоже на оторвавшийся от неба лоскут. Журча пробивают дорогу в болоте маленькие

коричневые ручьи. Ландшафт представляет собой набор коричневых оттенков: болото напомнило темный шоколад; у воды цвет более глубокий, почти черный; трава — светлее, с каштановым отливом; у коричневой дороги выстроились темные пирамиды торфа.

Вечером горы синеют. В долинах поднимается белый туман и тонкой вуалью повисает между вершинами. Заходит солнце. Тихо, лишь ветер шевелит жесткую траву, да журчит вода, сбегая к долинам.

Кажется, ты попал на луну и видишь перед собой ее мертвые горы.

Я ехал в Уиклоу. Изумрудная зелень полей, дикая красота плато. Дорога опускалась и снова взлетала, являя взгляду широкие перспективы. Здесь я ощутил запах страны, дым торфяных пожаров, впервые разглядел лицо сельской Ирландии.

Это не комфортная английская земля. Нет в ней нашей спокойной уверенности. Пейзаж странный и незнакомый. Временами чудилось, будто я во Франции. Я не встретил здесь наполовину бревенчатых домов под соломенными крышами, не попались на моем пути и уютные постоянные дворы с вывесками вроде «Лисица и гончие» или «Лошадиная голова».

Домики здесь маленькие, одноэтажные, каменные, снаружи побеленные. На солнце их белизна слепит глаза. Некоторые домишки такие крошечные, что ребенок может принять их за жилище фей. Взрослые ирландцы часто выглядывают в окошки, размер которых не более салфетки. У всех домов, стоящих вдоль дороги, маленькие зеленые двери, словно предназначенные для размышлений. Человек может отворить верхнюю половину такой двери и задумчиво опереться на нижнюю половину, покуривая трубку и рассматривая окружающий мир. Так моряк, опираясь на леер, смотрит на море.

Когда эти двери открыты, можно заглянуть в полутемную комнатку. Там перед маленьким алтарем горит огонек.

В поле возле стада стоит фермер с трубкой в зубах и с палкой в руке. Он смотрит на дорогу. Его жена направляется в соседний город в тележке, запряженной осликом. По проселочным дорогам Ирландии ходят самые красивые в мире девушки. Одни маленькие, краснощекие, с темными глазами, другие — белокожие, голубоглазые, с веснушками на носу. У всех очень гордая осанка.

Я заметил простоволосую молодую женщину. В одной руке она держала корзину, в другой — завернутого в черную шаль ребенка. В ее внешности не было ничего крестьянского. Я обратил внимание на точеные черты лица и изящные щиколотки.

На ирландской дороге невозможно не встретить всадника. Я видел, как священник беседует с молодым фермером. Юноша, почтительно склонившись в седле, похлопывал лошадь. Его животное не походило на простую английскую кобылу: чувствовалась порода.

Цветов возле домиков я не приметил. Я ехал из одной деревни в другую и думал, что, будь я ирландцем, непременно создал бы общество цветоводов и посадил бы цветы во всех палисадниках. Но больше всего мне не хватало знаменитой доминанты английского пейзажа — деревенского трактира.

В каждом городе, разумеется, есть питейное заведение, названное по имени прошлого или нынешнего владельца — «У Кейси» или «У Демпси». Здания эти скучны до безобразия. Странно видеть их на земле, известной своим гостеприимством и хорошими манерами. В самое жаркое время дня на улице собираются многочисленные повозки — кэбы, двуколки, коляски, а иногда и запряженный в тележку ослик.

Надо всем этим — белыми домиками, зелеными полями в окружении каменных стен, над длинной дорогой-серпантином и неспешными стадами, бредущими по колена в пыли, — плывет сладкий запах горящего торфа. Я слышу мягкие ирландские голоса, вижу быстрые ирландские улыбки. Ощущаю музыкальную магию и в камне, и в кирпиче, и даже в том, что погребено под травой и прячется в кронах деревьев.

В музыке звучит едва слышная минорная нотка. Иностранец, возможно, вообще ее не различает. А вот ирландцы, мне кажется, слышат. Эта музыка струится из земли Ирландии, из воды в ручьях, из травы и полевых цветов. Мистическая мелодия, похожая на росу, падающую на землю.

Что это такое, я, вероятно, никогда не узнаю. Возможно, именно это имеют в виду люди, когда говорят, что Ирландия «трогает за живое».

Ощущение это тонкое, глубинное, древнее. Как его назвать — благословением или проклятием Ирландии? Этого я не знаю. Если бы можно было передать его в звуках, то, наверное, я уподобил бы его пению скрипки.

Я уверен в том, что эта минорная нота, ускользающая от уха, очень важна. Если бы человек мог слышать ее, он узнал бы все, что следует знать об Ирландии.

Ночью я вынул книги, которые вожу с собой, и просмотрел несколько сборников ирландской поэзии в надежде найти то, что могло бы помочь мне объяснить слабое ощущение, не передаваемое словами. Боюсь, мало людей без примеси кельтской крови способны понять здесь хотя бы слово. И в нескольких литературных произведениях я обнаружил интересное внимание к звукам Ирландии. Джон Миллингтон Синг постоянно рисует пейзаж с помощью звука. Вот, например, речь бродяги в пьесе «В сумраке долины»:

Пойдем же со мной, хозяйка, я не стану докучать тебе болтовней. Ты услышишь крик цапель над черными озерами, узнаешь голоса тетеревов да сов, жаворонков да дроздов, а когда дни станут теплее, не станешь слушать разговоры о приближающейся старости, потере волос и потухших глазах. Нет, на закате солнца ты услышишь красивые песни, и не будет старик у тебя под боком храпеть, как больная овца.

И речь Норы Бурк в той же пьесе:

Ты будешь сидеть у двери, такой, как эта, и видеть перед собой лишь туманы, стелющиеся по болоту, и слушать лишь ветер, плачущий в ветвях деревьев, поваленных бурей, да рев реки, вздувшейся от дождя.

И снова в пьесе «Источник святых»:

Чувствуешь, как пахнет распустившийся утесник? И если ты помолчишь немного, то услышишь ягнят, хотя река в долине почти заглушает их блеяние.

Прочтите стихи Фрэнсиса Ледвиджа:

И в час, когда окончится война,
Пойду в холмы и снова запою,
И шепот, как в былые времена,
Из вереска наполнит песнь мою...

Те, кто шепчутся, всегда рядом с вами в Ирландии. Только вам не слышно, что они нашептывают.

Я побывал на ветреном песчаном острове Линдисфарн, где святой Кутберт устроил свою обитель, и на том холме в Сомерсете, где, как говорят, святой Иосиф Аримафейский посадил святой терн, но ни одно место не дало мне более ясного представления о раннем христианстве, чем странный крохотный разрушенный город Глендалу в Уиклоу.

На мой взгляд, в Ирландии нет ничего более прекрасного, чем эта восхитительная маленькая долина, с двумя озерцами, покоящимися в горной впадине. Настолько высоки эти горы и настолько глубоки озера, что даже в солнечный день вода в них неподвижна и черна.

Возле озер над деревьями поднимается высокая круглая башня. Она построена почти тысячу лет назад. В башне скрывались люди, бежавшие от скандинавов. Двери в таких башнях находятся высоко, чтобы беглецы, убирая лестницу, могли чувствовать себя в безопасности.

За башней, затерявшейся в деревьях и покрытой зеленым мхом, находятся руины монастыря, построенного за несколько столетий до того, как Англия приняла христианство.

Когда в Глендалу колокола сзывали к мессе, в Англии слышали лишь звон мечей да крики викингов, причаливающих к берегу.

В Глендалу скажут, что перед вами руины семи церквей, но, как отмечает профессор Макалистер в «Археологии Ирландии», такого количества стоящих рядом церквей никто пока не обнаружил:

Заметной особенностью ирландской жизни является появление множества маленьких церковных зданий. В Глендалу, Клонмакнойсе, Килмадуаге, повсюду на одной и той же общинной земле вы найдете несколько

независимых церквей небольшого размера. В некоторых местах их две или три, в других доходит и до тринадцати. А вот семь церквей, стоящих рядом, никто не видел. Тем не менее часто слышишь, что эту группу руин называют Семь церквей. Люди наивно связывают разрушенные здания с упоминанием в Откровении святого Иоанна и превращают их в символ. Подобный символизм в любом случае не имеет смысла, и даже если бы имелась веская причина для возведения семи зданий, нетрудно доказать, что строителям и в голову не приходило создавать такую группу. Дело в том, что отдельные элементы группы как в этом, так и в других случаях, вовсе и не церкви, а жилые дома, к тому же построенные в разное время.

Чтобы понять настоящее значение этих групп зданий, нужно подумать о средневековом соборе или большой коллегиальной церкви вместе с часовнями, в каждой из которых имеется алтарь. Теперь представьте, что единство такого здания разрушается, и каждая часовня превращается в отдельную церковь. В этом случае мы будем иметь дело с группой церквей, как это и произошло на территории ирландских монастырей. Каждая церковь первоначально являлась часовней, основанной местным благотворителем.

Я сидел на мосту над коричневой форелевой речкой и смотрел на двух мальчишек, которые шли к реке, ведя осла с двумя корзинами, полными дров. Мальчики пообещали прислать мне лодочника. Я хотел переплыть озеро и подняться к могиле святого Кевина.

Святой Кевин основал Глендалу. Он пришел сюда в 520 году, пожелав вести жизнь отшельника.

О Кевине сложена тысяча песен и поэм, из них мы узнаем, что к такому поступку его привела любовь красивой девушки по имени Кэтлин. Его любви она домогалась всеми средствами. Согласно старинной летописи, «праведный юноша отверг обольстительницу».

Однажды в поле Кэтлин повстречала молодого монаха. Он был один. Кэтлин приблизилась к нему и заключила юношу в объятия. «Но воин Христов, укрепив себя крестным знаменем и призвав на помощь Святого Духа, оказал сопротивление, вырвался из ее рук и бросился в лес. Там он сорвал пучок крапивы и много раз ткнул ей в лицо, руки и ноги. Девушка утратила любовный пыл».

Так говорит легенда. Поэт Мур воспользовался другой версией: у него святой Кевин, пытаюсь избавиться от страстной девицы, затолкал ее в озеро!

История подтверждает, что молодой отшельник удалился в Глендалу, где жил сначала в дупле, а позже — в маленькой пещере, которую нашел на отвесной скале.

К Кевину стекались ученики. Постепенно возле озера собралась небольшая компания святых. Кевин дожил до тех времен, когда ученики вышли из Глендалу и основали школы и монастыри в других частях Ирландии. Этот маленький разрушенный город — ирландские Фивы — стал школой ирландских святых.

— Добрый вечер, сэр.

Я поднял глаза и увидел перед собой лодочника. На его голове была «бессмертная» шляпа. Такой головной убор увидишь только в Ирландии. Похоже, их столетиями передают от отца к сыну.

— Хотите посмотреть постель святого? — спросил он. — Подождите, я вытащу лодку... Залезайте!

Пока мы плыли по неподвижной темной воде, он рассказал мне историю святого Кевина и его сопротивления страстной Кэтлин. Я спросил, верно ли, что святой столкнул девушку в озеро.

— Клянусь богом! — воскликнул он. — Ну какой святой позволит себе такое обращение с девушкой? Он всего лишь обжег ее крапивой, и она тут же излечилась от любви и постриглась в монахини. А теперь, сэр, оглянитесь!

Он сжал губы, лицо его приняло торжественное выражение. Такие люди, как он, всегда себя так ведут, готовясь обмануть собеседника.

— На тот камень Кэтлин является каждый вечер в десять часов. Я видел ее собственными глазами. Такой красавицы на всем свете нет.

— А озеро очень глубокое?

— Да что и говорить, сэр. Моя сестра не так давно пошла купаться и утонула... — Он сделал торжественную паузу и прибавил: — Мы ничего о ней не слышали, пока не получили письмо из Манчестера. Она просила прислать ей сухую одежду. Вот такое, сэр, у нас глубокое озеро.

Я знал, что этот человек следует традиции, установленной ради туристов несколько веков назад. От него ожидали подобных разговоров, и я не мог не восхититься его умением.

«Постель» святого Кевина — это келья, в которой святой жил, прежде чем построили Семь церквей. Она находится на вершине скалы. Забираться туда опасно, однако тысячи людей совершают это восхождение каждый год. Забравшись в пещеру, можно посидеть там, посмотреть на воду и задуматься: как же теперь отсюда спуститься?

Лодочник начал читать отрывок из поэмы Мура, о том как Кэтлин столкнули в озеро. Голос у него оказался высокий, напевный. Первая строфа звучала так:

К озеру, где берег дик,
Где не слышен птичий крик,
Где высок обрыв крутой,
Кевин выбрался святой,
И шептал он: «Никогда
Кэтлин не прийти сюда!»
Видно, он не знал дотолё,
Сколько силы в слабом поле^[7].

— И это верно, сэр, потому как ежели леди положит глаз на мужчину, будь он хоть святой, хоть грешник, ему следует беречься... Ну а теперь задумайте три желания, и они исполнятся!

Я перебрался через горы Уиклоу в Килдэйр. Увидев в витрине магазина афишу о скачках в Курраге, я решил поехать туда, а по пути остановился в маленьком городке — перехватить сандвич и кофе. Там я повстречал человека, которому, кажется, приглянулся. Он поклялся, что на коленях проползет по главной улице, если увидит, что британская армия вернется в Курраг. Я прямо сказал ему, что не верю в это. Он снова поклялся в том, что говорит правду, а я подумал, что люди, говорящие подобные вещи заезжему англичанину, делают это из вежливости, хотя вывод армии из Куррага наверняка оставил большую дыру в доходах местных жителей.

— Вы, конечно же, гордитесь тем, что ваша страна стала независимой, — сказал я.

— Да что там, капитан, все только хуже становится, — ответил он.

Я удивился тому, что он назвал меня капитаном. Такое обращение слышишь иногда от хитрых продавцов газет на Пикадилли, которые знают, что почем. Правда,

это немного прояснило ситуацию: он думал, что говорит с английским офицером. Мужчина с досадой плюнул.

— Дела наши идут все хуже, — сказал он. — Несчастливая страна, одним словом.

Я немного рассердился. Жаль, если он и в самом деле так думает. Потом мне стало совестно: неужто он старается сделать мне приятное, неужто считает, что я такой глупец и ему поверю? Поэтому я оставил его без всякого сожаления и направился в Килдэйр, думая, что, когда бар снова откроется, этот человек наверняка станет обличать несправедливую Англию перед более приятной аудиторией.

Базарный день в Килдэйре подходил к концу. Несколько несчастных коров плелись домой по гористой улице.

В эту ночь я улегся спать под заплесневелой гравюрой, на которой лорд Робертс по-отечески держал на своих коленях длинноволосую девочку.

— Неужели вы не видите, что я занят? — говорил его сиятельство бестактному адъютанту, стоявшему у порога с новостью о войне в Южной Африке.

Какой, в самом деле, замшелый голос из прошлого!

3

Семь часов утра. Воздух, словно охлажденное вино. В долине Солсбери ярко светит солнце. Над головой плывут облака, а вдали, в голубой дымке, высятся Дублинские горы, складка за складкой.

Мой конь вскидывает голову, нетерпеливо перебирая копытами: ему хочется помчаться по зеленой траве, но я сдерживаю животное, хотя мне нравится его азарт и жизнь, бьющая в нем ключом. Это что-то чистое и классическое, идущее от зарождения мира.

— Пусти же меня, — словно бы говорит он. — Пусть красота моей силы сольется с красотой мира.

— Ну а теперь — пошел! — Я легонько толкаю его коленями, и конь восторженно несется вперед, к солнцу. Я забываю обо всем. Лишь ветер свистит в ушах, да ритмично, в такт пульсу, стучат по торфу копыта. Сердце рвется из груди: как же хорошо ранним утром промчаться на лошади!

Навстречу нам несется яркий мир. Блестит белоснежная изгородь, за ней — пустой ипподром Куррага. Но долина проснулась. Я вижу беговых лошадей: одни идут шагом, другие мчатся галопом. Здесь готовят к скачкам лошадей, лучших лошадей в мире. Я вижу их, идущих шагом, передвигающихся трусцой, срывающихся в галоп, и мне хочется, чтобы рядом со мной был ирландец, произносящий благоговейным шепотом:

— Это такой-то и такой-то, он выиграл много скачек!

Для жителей Куррага эти кони — местные герои. Дух Куррага в легко переступающем скакуне, с коричневыми бинтами на щетках — воплощении нервной энергии, скорости и породы.

Я въехал в Килдэйр. Городок еще не проснулся, не спит лишь торговец скотом. Вдруг послышался громкий цокот копыт, и из-за угла выехал всадник, ведя в поводу еще одну лошадь, а за ним — целый эскадрон. Кавалерия Свободного государства вышла на утреннюю тренировку. Прошлое мгновенно вернулось, и я проводил коней тоскливым взглядом. Лошади спускались с горы на открытое пространство.

За спиной послышался звук копыт. Он не похож на тяжелую поступь кавалерийского отряда. Шаги легкие, нервные, «дамские». Повернувшись, я увидел вереницу скаковых лошадей. Их шестнадцать. Красавцы!

Рядом с каждой лошадью шагает помощник конюха. Он держит белый ремень, прикрепленный к хомуту. На

каждой лошади наколенники и повязки на щетках. За длинной вереницей следует двуколка, а на ней — мужчина. Он смотрит на лошадей глазами матери. Это — менеджер конезавода. Перед ним плоды тяжелой годовой работы.

— Эти лошади — однолетки. Нервные, как котята. Пугаются топота собственных копыт.

Попадая с солнца в тень деревьев, лошади делают шаг в сторону и вскидывают прекрасные узкие головы.

— Сегодня в Ньюмаркете торгуют однолетками, — говорит человек в двуколке. — И такой красивой партии я не припомню. Бедняжки! Не знают, что их ожидает! Впервые вышли на дорогу. Взгляните вон на ту кобылку, четвертую с конца. Она одна стоит не меньше десяти тысяч фунтов! Перед вами лошадки, цена которым семьдесят тысяч... Да, отправка однолеток в Англию — дело хлопотливое. Сначала поезд, потом по морю переправимся в Холихед, а затем, на специальном поезде, — в Ньюмаркет. Но эти лошадки не знают, что такое путешествие. Опытная скаковая лошадь в поезде прислонится к стойлу и отдохнет, и на судне станет подниматься и опускаться вместе с волной, а однолетки — те же малые детки! Они будут биться друг об дружку в поезде, а на корабле впадут в панику. За дорогу сбросят несколько фунтов веса. Давайте посмотрим, как они впервые поедут на поезде!

Нервная вереница остановилась на некотором расстоянии от железнодорожного моста. Уши поднялись, каждый нерв на взводе. Испуг головной лошади, словно по проводам, достиг той, что стояла в конце.

Мы с менеджером подошли к станции. На железнодорожной ветке стоял специальный поезд с вагонами, разделенными на стойла. Локомотив перестал выпускать пар.

— Правильно, — похвалил менеджер. — Эти машинисты привыкли к лошадям. Будете трогаться,

постарайтесь, чтобы буфера не звенели... — предупредил он машиниста.

— Да уж постараюсь, — улыбнулся машинист. — Тихонечко поеду!

Менеджер взмахнул рукой, и 70 000 фунтов скорости и аристократизма осторожно, с опаской пошли по мосту.

Борта вагонов опустились со звуком, поразившим годовичков в самое сердце. Они стояли, прядая ушами, и с испуганным интересом смотрели на поезд. На сходни насыпали соломы, и первого однолетка медленно, со всеми предосторожностями, повели к поезду. Остальные лошадки внимательно на него смотрели.

Жеребчик спокойно подошел к стойлу, но вдруг отпрянул. Грум стал его уговаривать и снова подвел к вагону. Однолеток помотал головой и заржал. Другие лошади ответили ему.

— Ну-ну, мальчик, ты у нас умница, большой, взрослый, ну же, давай... — увещевал грум.

Прекрасное животное осторожно поставило ногу на сходни и задрожало от недоверия и страха.

— Ну же, мальчик, красавчик мой, ты у нас совсем большой...

Конь встал на сходни двумя ногами, почувствовал, что под соломой твердые доски и ступил в стойло. Грум вошел вслед за ним и закрыл борта на засов.

— А теперь, парни, давайте все следом.

— Они не выпустят поводья до самого Ньюмаркета, — сказал менеджер. — Эти ребята были с ними с самого рождения. Так вот и детей провожают в первый раз в школу.

Шестнадцать однолеток, одного за другим, поместили в стойла, и машинист «тихонечко» тронул поезд. Все прошло спокойно. Ни одна лошадь не пострадала. Только кобылке стоимостью десять тысяч позволили покапризничать: она устроила небольшой скандал, впрочем, ее быстро успокоили.

— С однолетками всегда проблема, трудно их посадить в поезд, — сказал менеджер. — Конечно, они потеряют в весе. Когда приеду в Ньюмаркет, дам им отрубей и позволю отдохнуть... А вы, парни, — крикнул он гругам, идя вдоль поезда, — не выпускайте поводья ни на секунду...

— Не выпустим, — глухо прозвучало из темноты вагонов. Слышно было, как лошадей уговаривают, похлопывают по бокам. Ирландцы приговаривали: «Ну ты мой хороший, хороший мальчик, какой ты у меня большой и умный...»

— Ну, — сказал менеджер, — кончено. Я ходил за ними с самого рождения, так что сам стал похож на лошадь. А теперь я ими горжусь, их не стыдно отдавать в лучшую конюшню мира. Интересно, есть ли в этой группе будущий победитель скачек в Дерби? Как радостно смотреть на этих однолеток. Некоторые из них станут знаменитыми... Ну разве не чудесно?!

Раздался свисток. Послышалось протестующее ржание. Неопытные потенциальные герои двинулись из Ирландии в свое первое приключение, не уверенные ни в чем, кроме собственного высокого происхождения.

4

— Хотите поговорить о Ньюмаркете? — переспросил древний старик, прислонившийся к стене на рынке Килдэйра. — Если вам нужна настоящая лошадь, вы найдете ее в Ирландии. Какие лошади в этом году выиграли большие скачки в Англии? Только ирландские!

— Это верно, — согласились друзья старика, восторженно пришедшие при магическом слове «лошади», и окружили нас, словно старые вороны.

Я спросил, как пройти на конезавод, и с трудом вырвался из толпы, потому что едва разговор заходит на

животрепещущую тему, все клянутся тебе в вечной дружбе. В Ирландии постоянно видишь стариков на уличных перекрестках. Кажется, они не уходили оттуда со времен Бриана Бору.

Конезавод Куррага выглядит как компромисс между конюшнями и санаторием. Люди заблуждаются, думая, что Национальный конезавод, который разводит, продает и готовит лошадей к скачкам, принадлежит Ирландии. Он является собственностью британского правительства. Всем руководит Уайтхолл, и доход — значительный доход — поступает в королевскую казну. До 1916 года на этой территории, площадью 2000 акров, находился личный конезавод полковника Холла Уокера, ныне лорда Уэвертри. В том году он передал эту землю правительству, вместе с жеребцами, жеребыми кобылами, однолетками, жеребятами и натренированными лошадьми.

У входа в конезавод стоит красный домик. В нем живет менеджер, мистер Перселл, веселый, румяный мужчина среднего возраста со слабым, но выраженным английским акцентом. Я прикрыл глаза, прислушался и догадался — Бирмингем!

Мистер Перселл — личность известная. Всю свою жизнь он устраивал скачки. О лошадях он знает не меньше, чем многодетная мать о своих ребятишках, а стало быть, все.

Будь я на месте миссис Перселл, то жил бы в страхе: вдруг муж превратится в кентавра и ускачет в лес?

Национальный конезавод может держать сто пятьдесят лошадей. Его пастбища, как мне кажется, смогли бы разместить у себя кавалерийскую дивизию. Мистер Перселл привел меня на широкую площадь, вокруг которой расположены конюшни. Площадь была выметена и вымыта, словно палуба флагманского корабля. Думаю, если здесь обнаружили хотя бы соломинку, хозяин испытал бы ужас, подобный тому,

который потряс бы матроса, замерившего на шканцах спичку.

— Ну, каковы красавцы, а?! — сказал мистер Перселл, отворяя двери конюшни.

Внутри находились двадцать шесть однолеток, которых он довел до совершенства. Многие из них родились от знаменитых жеребцов — Дилижанса и Силверна.

— И ведь похожи, как по-вашему? — воскликнул мистер Перселл, а гнедые и каурые лошадки наострили уши.

Я заметил, что обращается он с каждой лошадью по-разному: с некоторыми любовно, с другими — шутливо. Были такие, с кем он держался холодно и отстраненно, а с некоторыми разговаривал притворно грубо.

— Да что вы! — сказал он. — Каждая лошадь для меня — личность! Уж не я ли вынянчил их вот с такого возраста, — и повел ладонью чуть выше пола. — Большинство из них на этой неделе отправятся в Англию, в Ньюмаркет...

— Домой ты уже не вернешься, мальчик мой, — сказал он, похлопывая по спине гнедого сына Дилижанса. — Когда услышу о тебе, ты будешь в Новой Зеландии или Индии...

— До завтра, старушка, — обратился он к вороной кобылке. — Ты красотка, настоящая беговая лошадь, чудная девчонка. Ах ты, ведьмочка! Кусаться вздумала?

Он щелкнул пальцами и напустил на себя грозный вид, но в глазах светились любовь и обожание. Мистер Перселл, конечно, никогда не признается, что испытывает нежность, когда выпускает в мир своих красивых легконогих детей, но его обращение с ними, знание повадок, заинтересованность в их будущем и знание их способностей напомнили мне директора школы.

Мы шли по конюшням, обсуждая то одну, то другую лошадь, ее родителя и прародителя, и мне казалось, что Национальный конезавод — это привилегированная школа для четвероногих. Что-то вроде Итона. Из нее выходят жеребцы из исторических родов, прошедшие тот же процесс обучения, что и родители, и вступают в мир собственных достижений.

И мистер Перселл показался мне талантливым учителем — его ученики воспитаны согласно науке.

— Здесь родильное отделение.

Мы осмотрели стойла, в которых стояли жеребые кобылы. Гм... Когда лошадь вот так раздуется, она меньше всего напоминает скакуна. А разве можно представить себе, как в Эпсоме или Ньюмаркете вот эти младенцы помчатся с жокеем на спине?! Каждый раз, когда мы открывали дверь стойла, кобыла оглядывалась на нас, жеребенок прибежал к ней, ища защиты, а мать, успокаивая, прикасалась носом к его маленькому тельцу.

— Посмотрите на них через год, — пригласил мистер Перселл. — Этот — сынок Дилижанса.

На меня из соломы посмотрело странное крошечное существо, похожее на фавна. Неужели он когда-либо выиграет скачки Дерби?

Впервые в жизни я почувствовал притяжение конюшни. Подумал, что если бы был миллионером, занялся бы разведением скаковых лошадей. И не только ради общения с удивительной и редкой породой мужчин, тративших свою жизнь на лошадей — эти люди воплощают в себе мирские страсти и доисторическую хитрость, — но и потому что мало что на свете способно захватить сильнее, чем постоянное смешение крови, преобразование породы в резвый бег.

Мне показали Силверна и Дилижанса, огромных и грозных, в обитых войлоком стойлах. Увидев нас, они раздули ноздри и словно превратились в олицетворения

энергии. Мне показалось, они готовы обрушить ворота и перепрыгнуть через нас во двор.

По-моему, я очень удачно сравнил Национальный конезавод с элитной школой.

Это круглое здание, в центре открытое небу. Там юные лошади обучаются секретам профессии. На земле толстый слой соломы. Здание пропитано духом протекционизма. Вокруг на блестящем металлическом обруче прибиты подковы лошадей конезавода, выигравших соревнования.

Но ни один директор школы не показывает награды своих учеников с такой гордостью, с какой это делал мистер Перселл. Он обходил здание и называл имена победителей и денежные призы, которые те завоевывали с 1917 года. В прошлом году лошади конезавода выиграли по ставкам 12 607 фунтов. В 1922 году они выиграли 34 750 фунтов. Суммарное количество денег, добытое лошадьми этой школы с 1917 года, равняется 130 946 фунтам.

— Почему Курраг так прославился выращиванием лошадей?

— У нас здесь известняковая долина, и пастбища Куррага считаются лучшими в мире для формирования костей животных.

— Все пастбища одинаково хороши или лишь отдельные участки?

— Если захотите устроить здесь ферму, следует подыскать лучшую землю, а когда найдете, сможете выращивать на ней настоящих лошадей.

К Национальному конезаводу примыкает одна из неизвестных жемчужин Ирландии. Это сад при старом доме лорда Уэвертри. В доме никто не живет, но за растениями ухаживает старый садовник, мистер Тейлор. Он с любовью относится к каждому дюйму земли.

Я никак не ожидал, что попаду в маленький рай на краю Куррага. В саду поет ручей, отбрасывают тень

старинные деревья, благоухают цветочные клумбы, да так и увядают в неизвестности: никто этот сад не посещает.

Мистер Тейлор провел меня по своему раю к калитке, за ней я увидел удивительный японский сад. Многие годы назад его заложил японский ландшафтный архитектор, настоящий гений. У японца было сорок пять помощников, и на устройство сада ушло четыре года.

Сад, конечно же, символический. Новелла в камне и цветах. Он рассказывает историю человеческой жизни — с рождения и до смерти. Начинаете вы с темного туннеля, воплощающего тайну рождения; затем следуете по беспорядочно раскиданным ступеням от юности до зрелости; поднимаетесь к двум расходящимся тропам: это — символ неопределенности молодости; затем петляете между скалами, преодолеваете водные потоки и взбираетесь на гору. Гора означает амбиции. В цветах переживаете любовное приключение, приводящее к свадьбе: в горном потоке стоят два прижатых друг к другу камня.

Жизнь в браке нелегка. Ступеньки, идущие в гору, широко расходятся, и по ним трудно взобраться. Начинаются ссоры, и две тропинки идут розно: мужчина одной дорогой, женщина — другой. Но за вершиной они снова соединяются, ссорам конец. Так и продолжается: изгибы, повороты, переходы через ручьи, каждый год полон поэтических символов.

Японский сад в Ирландии, собственность Англии, — чистая радость, от начала и до конца.

5

Старик в шляпе, похожей на черный пудинг, прислонился спиной к палатке. Он извлекал из скрипки слабые дрожащие звуки. Никто, похоже, его не замечал.

Никто не давал ему денег. Над шумом толпы — когда кричат «Пошли!», и становится тихо, так что слышно пение жаворонков в небе — его скрипка хрипела и хрипела, словно птенец в гнезде. Он наигрывал одну и ту же джигу, продвигая смычок по струнам не более чем на дюйм в ту и другую сторону. У старика злые бледно-голубые глаза, красные щеки и смешной рот бантиком. Впрочем, у многих ирландцев я замечал такие рты. Старик невероятно неухожен и отстранен. Играл он быстро, глаза устремлены в траву, словно он исполнял джигу для невидимого танцующего гнома.

Я дал ему полкроны.

Что такое полкроны? Ничего! Тридцать пенсов. Но когда монета легла в его грязную ладонь, и солнце ее осветило, он с изумлением глянул на нее, а потом — на меня. Поднес монету к глазам, и я понял, что он почти слепой. Светлые глаза оживились, он по-прежнему держал в ладони монету, освещенную солнцем. Потом посмотрел на меня так, словно я дал ему полный кошелек золота.

— Благодарение Богу! — воскликнул он. — Да благословят вас все святые!

Прежде чем я успел что-то ответить, он протиснулся через толпу к палатке, торгующей алкоголем.

Над Куррагом плыли золотые облака. Блестела ограда ипподрома. Свет создавал ощущение пространства, полета. По широкой дороге двигались двуколки в облаках пыли. По зеленой равнине непринужденно и легко скакали всадники и всадницы и маленькие дети в вельветовых костюмчиках верхом на пухлых пони. Возле белой ограды вырос небольшой палаточный городок. Пахло горящими дровами и дерном. Чувствовался запах мятой травы. Я видел убогие тележки лудильщиков, обвешанные кастрюлями и сковородами. В ларьках сверкали бутылки с желтым лимонадом, бросались в глаза пестрые пирожные. Народ

толпился у палаток, где мужчины пропускали стаканчик портера или ирландского виски. Были здесь и прилавки, уставленные жареными свиными ножками. Выглядели они так же ужасно, как заливные угри у кокни. Я заметил круглые столики: там ставили деньги на лошадей. Слышны были крики букмекеров, гомон голосов тысяч мужчин и женщин. Солнечный свет, отражаясь от предметов, зажигал искры; краски, сливаясь, превращались в прекрасный, сияющий ковер. Типичная картина всех скачек.

Скачки в Ирландии, похоже, привлекают эксцентричных персонажей со всей округи. Ирландия — страна ярких индивидуальностей. Такой была и Англия в восемнадцатом и девятнадцатом веках, пока на жизнь не повлияла стандартизация. Единственными персонажами прошлых времен можно считать старых фермеров и рабочих из глухих уголков. Они скоро уйдут, и на смену им явятся их сыновья, которые и выглядят, и думают одинаково. Пользуются рекламируемыми бритвами, читают одни и те же газеты, слушают приемники. Индивидуальность ирландской толпы стимулирует. Она полна жизни. Оригинальна. В ней есть хогартовская грубоватая основательность.

Старая женщина со свалевшимися седыми волосами выпростала из шали руку и попросила милостыню. Голос был жалобен и слаб, словно свет, струящийся в витражное церковное окно. Когда я дал ей монету, она излила на меня слова благодарности. Ирландские нищие по-настоящему благодарны дающему, и их слова греют душу. Она пошла к ларьку и постучала по мокрому прилавку монетой.

— Стакан виски, пожалуйста...

Бармен посмотрел на нее с неодобрением:

— Разве я не говорил тебе, Бриджет О'Брайен, что если будешь пить, полиция придет к тебе и запрет, как они уже заперла в Панчестауне?

— Полиция! — воскликнула она, оставив свою позу Мадонны и оскалив зубы. — Полиция! — Женщина яростно перегнулась через прилавок.

Слово «полиция», похоже, приводило ее в ярость.

— А ну, приведи их ко мне! — закричала она, зайдясь от гнева. — Нет на свете полицейского, который посмеет тронуть меня своими грязными лапами. Давай, приведи!

Она приняла позу воина, готового к сражению.

— Да ладно, успокойся, — примирительно сказал бармен. — У меня нет для тебя виски.

— К черту полицию! — закричала Бриджет, превратившись в настоящую фурию. — К черту всех! Это говорю я, О'Брайен!

Она покачала головой и погрузилась в адскую пучину горя, которое, по видимости, разделяла с душами всех О'Брайенов. Подняла полные слез глаза. Это было лицо оскорбленной аристократки.

— Ох, тяжело быть бедной старой женщиной. Да ладно, налей один стаканчик, и я тебя больше сегодня не побеспокою. — Она посмотрела на бармена так, словно увидела его впервые, и обнаружила в нем что-то невероятное. — Неужели красивый, светский молодой человек, такой, как ты, может прогнать старую женщину? Ведь она не просит больше того, за что может заплатить...

Бармен, потеряв терпение, сделал движение, словно собираясь выставить ее за дверь. Она мгновенно вспыхнула, как спичка.

— К черту тебя! — завизжала О'Брайен и стукнула рукой по стойке, представлявшей собой всего лишь покрытый клеенкой столик на треноге. Столик подпрыгнул. — Пусть тебе пусто будет, отправляйся ко всем чертям... Полиция?! Хочешь напустить на меня полицию? Хочешь меня оскорбить?

В этот момент в проеме палатки появился охранник. Он ничего не сказал, просто молча замер. Старая

женщина пронзила бармена взглядом. Это был взгляд трагической актрисы, играющей королеву. Я увидел и гнев, и достоинство, и гордость, и страшное оскорбление, и величественное преувеличение того, что произошло. Она вышла из палатки на солнечный свет. Охранник подмигнул бармену, а тот с бешеной энергией принялся вытирать мокрые стаканы.

— Она бы напилась до чертиков, если бы я ей позволил, — сказал он, — бедная старая чертовка... Жаль старушку.

В толпе двигалась унылая фигура старой Бриджет.

— Ради Господа нашего... — шептала она голосом, тихим, как свет алтарных свечей.

Фермеры, принарядившиеся в свои лучшие наряды, бродят в толпе со странно несчастным видом. Я вижу целый парк невероятно древних повозок и вагончиков. Их владельцы ходят среди публики, продают места. То и дело вспыхивает ссора. Вокруг двух спорщиков образуется толпа. Каждую секунду ждешь, что кто-то поднимет кулак и приложит его к челюсти собеседника. Ссора достигает высшего накала, и спорщики обращаются к зрителям. Кажется, что примирение невозможно, тем не менее мужчины договариваются и уходят рука об руку.

Я вижу тир, игорные столы и «теток Салли». Вокруг игорных столов собирается толпа. Они кидают пенни на разные квадраты и... либо терпят поражение, либо выигрывают три пенса!

На противоположной, привилегированной стороне поля, находится трибуна, круг для лошадей и комната, где можно выпить чая. Там толпятся в основном мужчины. Это лошадаики.

Невозможно найти более профессиональную толпу. Ты смотришь на них и сочувствуешь букмекерам: разве смогут они заработать? Их клиенты не обычные жучки,

слышавшие что-то от «лошадиной морды», они и есть «лошадиная морда»!

— На кого мне ставить?

— Подожди немного, — говорит приятель. — Пойду потолкую с Джонни и выясню, победит ли его лошадь.

Он исчезает среди жокеев и владельцев информации, затем возвращается и говорит голосом конспиратора, прикрыв рот программой скачек:

— Черный и Диоген.

Я иду к букмекеру и обнаруживаю, что в скачках участвуют всего четыре лошади. Маленькие поля — обычное дело в Ирландии. Узнаю, что Диоген — фаворит, и выиграю я лишь два к одному.

— Ну что, поставил на Диогена? — спрашивает приятель.

— Да.

— Правильно.

— Откуда ты знаешь?

— Просто знаю. Смотри, вот они идут.

Мимо трибуны медленно движется кавалерия Свободного государства, облаченная в зеленую форму. Люди освобождают дорогу. Выскакивают беговые лошади, мчатся непринужденным галопом. К их холкам прижались маленькие жокеи в шелковых цветных рубашках. Слышится стук копыт по траве. Лошади скачут к старту.

Толпа стихает. Букмекеры заключают последние ставки.

— Пошли!

Толпа молчит. В небе заливаются жаворонки. В ярком солнечном свете кажется, что до Дублина и гор Уиклоу рукой подать. Вон они, впереди, в голубых тенях, под большими облаками. С другой стороны бегового круга мчатся галопом всадники. Часть людей отходит в сторону, чтобы получше разглядеть лошадей. Запоздавший кабриолет мчится на бешеной скорости,

чтобы поспеть к финишу. Водитель останавливает машину и подбадривает криками свою лошадь. Лошадь несется галопом по узкой коричневой дорожке...

— Черный выигрывает! — кричит мужчина, глядя в бинокль.

Но это еще неясно.

— Он впереди... Намного оторвался от остальных... Внимание! Диоген! Ускоряет ход... Догнал!

Лошади идут голова к голове, жокеи охаживают блестящие бока маленькими хлыстами; дробно стучат по траве копыта. Диоген и Черный... голова к голове... белая пена на уздечках... Неожиданно Диоген совершает рывок, продвинулась вперед голова... половина корпуса... весь корпус... Диоген побеждает!

Мне выдают пять фунтов.

Я оказываюсь в толпе экспертов. Они знают все, что происходит в Курраге. Знают каждую лошадь. Знают, что думают о них владелец, тренер и жокей.

— Твоя кобыла выиграет следующий забег, Билл?

— Нет, она кашляла всю зиму... Слышал, что говорят о Зеленой Мантии?

Такие разговоры продолжаются весь день.

Вечером ипподром пустеет. Жаворонки спускаются с неба, и на огромную известковую долину падают тени.

Глава четвертая Святые места Ирландии

*Я задерживаюсь в лошадиных городах,
слушаю в Кэйре «Ангелус» и еду в Кэшел.*

1

Из Килкуллена в Карлоу идет хорошая дорога.

Города в этой части Ирландии очень похожи. В них часто видишь бараки, обгоревшие во времена беспорядков, и изрядно выцветшие надписи «Де Валера», некогда сделанные белой краской. Попадаются призывы, выписанные буквами высотой в фут. Они обращены к мужчинам по имени Даффи и Мэлоун: «Давай, Даффи! Вперед, Мэлоун!» — кричат каменные стены.

Затем вы въезжаете в спокойное местечко, которое, кажется, никогда не знало политического безумия. На аптеке величавая вывеска — «Медицинский центр». Городские часы навсегда остановились на половине пятого.

Последним волнением в таких городах была гражданская война, предыдущая — при Оливере Кромвеле. Ирландия забудет Кромвеля только тогда, когда Уилтшир запомнит судью Джеффриса^[8]. Но как бы ни возмущала людей сама мысль о Кромвеле, они тем не менее восхищаются им как безжалостным, но честным борцом, и предпочитают его нынешнему министру по делам Ирландии сэру Гамару Гринвуду.

В городках всего одна беспорядочно застроенная улица. Маленькие дома, крошечные магазины, да и желания у людей немудрящие. Интересуют жителей

главным образом подтяжки, башмаки, передники, апельсины, картошка, седла, упряжь, липкие конфеты и портер.

Коровы ходят по улице в любое время дня. В тележках, запряженных осликами, едут сгорбленные старики в потрепанных шляпах. Бедный осел искупает мистические грехи так же полно, как и в Египте. Старухи в черных шалях, согнутые работой и ревматизмом, ковыляют, оттягивая руки тяжелыми узлами. Единственное событие, вызывающее интерес жителей, — скачки.

Когда они проходят, весь город прекращает работу. Лошадь — неизбывная страсть Ирландии. Нет таких ирландцев, будь то женщина или мужчина, которые не обернулись бы при виде нервного скакуна, высоко вскидывающего ноги. Лошадиные бока лоснятся; стук копыт по брусчатке — сладчайшая музыка для ушей.

Если в городе есть конюшня, то конь, готовящийся к национальным скачкам, становится местной знаменитостью. Жители знают его родословную, отца и мать. Знают его особенности, достоинства и недостатки. Придет день, когда весь город поставит на него, и он выиграет «Гранд нэшнл».

Я смотрю в широкие ворота на главной улице и вижу вереницу лошадей, которых ведут по кругу.

Молодые люди с лошадиными лицами и тонкими ногами в обтягивающих лосинах смотрят на лошадей с вниманием сатиров, наблюдающих за нимфой. Эти парни живут в деревенских и фермерских домах, увешанных изображениями лошадей на картинах, старинных гравюрах, либо фотографиях. Когда им приходится исполнять болезненный долг — написать письмо, — они опускают перья в чернильницу, сделанную из обрамленного в серебро копыта знаменитого гунтера. Любимые их книги — путеводитель Рэффа «Справочник по скачкам» и каталоги продаж однолеток.

Когда они мечтают — что, я полагаю, случается не часто, — то думают о выигрыше главного приза скачек «Гранд нэшнл».

Никто не знает о лошадях больше, чем эти молодые люди, никто не знает меньше обо всем остальном! Они — совершенные специалисты.

Атмосфера конюшни складывается из надежды и отчаяния. Поверх половинчатых дверей смотрят из своих стойл жеребые кобылы. Некоторые из них никогда не произведут чемпиона. У других такая возможность есть. Во всяком случае на кобыл рассчитывают. Ирландский фермер, скорее, заморит голодом себя и свою семью, чем случит посредственную кобылу со знаменитым жеребцом.

Кто знает? Жеребенок может стать знаменитым конем. Это самая большая игра в жизни среднего ирландского фермера.

Молодые люди перегибаются через двери стойл и взвешивают шансы...

Кобыле О'Фланагана в пору тележку возить с молочными бидонами, а не занимать место в стойле фермы. А вот черная кобыла мистера Лири — стоящая лошадка. Взгляните-ка на ее ноги и вес: все, как нужно. Из нее может выйти толк. Шансы у нее хорошие. Но — клянусь небом — гляньте-ка на Черную Жемчужину Пэта О'Брайена! Если эта кобыла не произведет на свет чемпиона, тогда в разведении лошадей нет никакой логики...

Вот так они размышляют, опершись на двери конюшни.

Они обсуждают «гостящих кобыл» и новорожденных жеребят. Обсуждают однолеток. Молодых кобылок. В своем энтузиазме они заткнут за пояс самую любвеобильную матрону из родильного дома.

Эта гнедая кобылка от Джекдо, кстати, на три четверти сестра Брайтеру из Лондона и Джекдо из

Реймса, лошадь высшего класса: компактная, среднего размера, красивая, мощная. А что скажете о той красивой гнедой молодой кобыле от Джекдо? На редкость хороша: длинная и невысокая.

И так они долго рассуждают.

Толпа у ворот растет. Люди оставляют тележки у обочины, выворачивая шеи, смотрят на большой черный султан, гордую голову и выгнутую спину производителя чемпионов, собравших на ставках 45 000 фунтов. Если завидят у ворот незнакомца, одним духом выпаливают все достижения производителя.

И люди, рожденные для выращивания лошадей и для езды на них, по окончании рабочего дня отдыхают над стаканчиком виски и говорят о лошадях, пока не придет время ложиться спать.

2

Очарованию Ирландии, до некоторой степени, способствует неспешность жизни. Ирландия — страна католическая, и вы чувствуете здесь, как и в большинстве католических стран (особенно в Испании), что материальный мир представляется нереальным и даже детским, потому что затмевается миром духовным. Церковь, не выносящая тайных организаций, тем не менее создает в любой католической стране атмосферу тайного общества; поведением людей руководит некая мощная и влиятельная сила.

Владельцы магазинов не выглядят настоящими владельцами. Кажется, что они таковыми лишь притворяются. Так же и люди, катящие по дороге тачки: они словно бы катят тачки не для того, чтобы заработать деньги, а для собственного удовольствия. Американская религия, покоряющая Англию, в Ирландии не имеет ни малейшего шанса. Те верят в святость

производства. В отличие от американского производителя, католику почти невозможно поверить в то, что производство нового вида зубной пасты или безопасной бритвы является благодеянием для человечества. Эта неспособность поверить в духовный триумф работы делает Ирландию ненавязчиво отстраненной. В этой неспособности отражается внимание к человеческой личности.

В Англии и в других странах, ценящих материальное, человека рассматривают в первую очередь как бакалейщика, предпринимателя, санитарного инспектора и только потом как человека. По воскресеньям мы с изумлением смотрим на полицейского, переодевшегося в гражданскую одежду и ведущего за руку детей. В Ирландии все не так. Таможенник здесь — прежде всего мистер Кейси, а то, что он служит на таможне, — дело десятое!

Если ирландец хочет разбогатеть, ему нужно покинуть родину и стряхнуть с себя почти восточную отстраненность. Из-за этой отстраненности ирландцы и кажутся нам людьми несерьезными. Их отношение к жизни приводит материалиста в ярость. Он считает, что это лень. Но ирландцы не ленивы, они несерьезны, неактивны, метафизичны. В ирландской жизни ощущается наполовину грустная, наполовину веселая субъективность, это-то и придает стране облик задумчивой отстраненности.

Жестокое и циничное подчинение человека машинам — проклятие индустриальных государств. Может, Ирландия и бедна, но, по крайней мере, ее плоть и кровь не унижены тиранией механического, неотделимой от производства современного богатства.

Одним из последствий небрежного отношения Ирландии к работе является то, что эта страна полна забавных паллиативов. Предметы, давно отслужившие свой срок, приспособляются для функции, к которой

изготовители их не предназначали. Старая входная дверь закрывает прореху в ограде, обрывками веревки подвяжут какой-нибудь древний мотор, и он невероятным образом продолжит работу; ничто — на вид старое и бесполезное — не выбрасывается. Механическая неэффективность, позор современного мира, ирландцу представляется отличной шуткой. Ирландец, подобно ребенку, часто сделает вид, будто машина работает, хотя она безнадежно испорчена. Это свойство ирландца красиво иллюстрирует рассказ, приведенный в книге Дж. Молони «Загадка ирландцев»:

На домике у моря висело объявление «Соленые души Кэссиди». Туда и направилась ни о чем не подозревающая англичанка. Мистер Кэссиди провел ее в *salle de bain*^[9] и объяснил процедуру. «Вы потянете за эту велевочку, мадам, и вода на вас польется свельху. О да». Дама, предварительно раздевшись, вошла в кабинку и «потянула за велевочку». Каскад соленой воды обрушился сверху, но промахнулся, не долетев на фут до купальщицы. И вдруг до англичанки донесся голос: «Встаньте немного в столону, мадам, пожалуйста». Сверху из люка на даму смотрело доброжелательное лицо мистера Кэссиди в обрамлении золотистых бакенбард. В руках он держал большое ведро воды. Кэссиди приготовился к залпу, ожидая, когда купальщица встанет на линию огня.

Как я уже пытался объяснить, у ирландцев дар к импровизации!

При мысли о Килкенни я каждый раз вспоминаю самого потрясающего храпуна на свете. Приехал я туда поздно ночью. Замок Килкенни тянулся к звездам, мимо каменных стен бежала темная река. Мне понравился вид древнего города, и, страшно усталый, но довольный, я отправился спать.

Проснулся я посреди ночи с ощущением того, что происходит нечто непонятное. Спросонья подумал, что слышу шум моря, бьющегося о скалы. А может, это наступает армия? Сомнения длились долю секунды. Я осознал, что это храп — такой громкий, вибрирующий, такой самоуверенный, что, если бы человек производил эти звуки сознательно, его смело можно было бы назвать гением.

Я ненавижу храпунов. Считаю храп недостойным и позорным явлением. Думаю, что женщине, вышедшей замуж за храпуна, следует без проволочек разрешить развод. Удивляюсь, что современная наука не изобрела никакого средства против этой напасти. Во время войны, когда все мы спали в палатках или хлипких хибарках, башмак являлся хотя и примитивным, но действенным способом. Но храпуна из Килкенни башмаком вряд ли можно было утихомирить. Он потрясал воздух, заполнял пространство. Стены дрожали от басовых звуков.

Как этот человек заставил меня страдать! Чудовищный храп звучал дьявольски ритмично. Так работает лесопилка. Каждые полчаса с храпуном происходило что-то вроде конвульсий. Я надеялся, что он умирает. Разлагающиеся звуки доходили до пианиссимо и пропадали, после чего следовал громкий вдох. Казалось, его душат, человек рычал, переводил дух и снова заводил свою лесопилку.

Каждому мужчине перед свадьбой надо предъявлять справку, что у него нет этого ужасного заболевания. Приятно сообщить — ради чести Ирландии, — это был английский коммивояжер.

Король ночных песен! Чтоб ему пусто было!

Утром я был не в состоянии восхититься Килкенни, так как глаза слипались, и нервы были ни к черту. Я пошел к собору, построенному из черного неполированного мрамора. Служитель сообщил мне довольно злорадно, что на похороны я опоздал: англичанина из Бедфорда уже «засыпали шестью футами земли».

Я почувствовал, что сегодня мне уготован плохой день.

Тем не менее собор Килкенни — одна из самых красивых церквей Ирландии. Рыцари Плантагенетов лежат там в полном военном облачении, держат мечи и смотрят в вечность. В соборе стоит древний каменный стул. Служитель настойчиво приглашал меня сесть на него и загадать желание. В Ирландии много стульев, исполняющих желания, больше, чем в какой-либо другой стране мира.

У замка феодальный вид. В нем хранится много красивых картин, и есть автографы всех английских королей, начиная с Генриха II.

В Килкенни в 1367 году наместник короля герцог Кларенс созвал парламент, на котором произошло одно из главных событий ирландской истории: был принят статут Килкенни. Он регулировал взаимоотношения ирландцев и английских колонистов, прижившихся в стране и прозванных «выродившимися». Целью закона было разделение двух народов — «ирландских врагов», как их называли в документе, и «выродившихся англичан». Поскольку лишь один англичанин из двадцати тысяч слышал об этом законе, следует обрисовать несколько главных его пунктов.

Союз с ирландцем путем вступления в брак, усыновления (ирландская традиция воспитания детей в семьях другого члена племени) и принятия на себя обязанностей крестного отца (матери) были запрещены,

считались государственной изменой и могли караться смертью.

Любой англичанин по рождению или крови, взявший ирландское имя, говоривший по-ирландски, носивший ирландскую одежду или усвоивший ирландские обычаи, должен был лишиться своей недвижимости.

Англичанин не должен был позволять ирландцам пасти скот на его лугах, оказывать помощь ирландским священникам или приглашать в свой дом ирландских бардов, музыкантов и рассказчиков.

Необходимость принятия такого закона доказывает, как быстро после вторжения формировалась ирландская нация и происходило слияние англо-норманнов и ирландцев. Если бы это слияние поощряли, а не подавляли, англо-ирландская история могла бы пойти совсем другим путем.

Улицы Килкенни старомодны и довольно мрачны. Около реки есть симпатичные тропинки, крепостные стены и руины прекрасных церквей. Впрочем, они не привлекли моего внимания. Я ходил по улицам Килкенни, надеясь увидеть парочку дерущихся котов.

Как ни странно, в Килкенни полно собак! Их так много, что кошки, если и существуют, благоразумно сидят дома.

— Почему, — спросил я местного жителя, — коты Килкенни прославились как бойцы?

Он сказал, что не знает.

Я задал тот же вопрос другому человеку. Тот сказал, что сам приезжий, и ничего не знает. В конце концов я обнаружил знатока:

— Все очень просто, — сказал он. — На этот счет есть два рассказа. В старые времена были два города; один считался ирландским, другой — английским. Они сражались, как коты! Согласно второму рассказу, когда здесь был Кромвель, его солдаты протягивали через улицу веревку, связывали веревкой хвосты двух котов,

вешали их и смотрели, как они дерутся. Сейчас говорят, что это жестоко. Как ни странно, и Кромвель был того же мнения, потому он отдал приказ, чтобы солдаты больше этим не занимались... Однажды, когда группа солдат наблюдала за дракой котов, к ним направились два офицера. У солдат не было времени разъединять котов, поэтому они попросту отрубили им хвосты! Офицерам они сказали, что коты так вошли в раж, что оборвали друг другу хвосты.

— Это, конечно, ирландская версия?

— Да.

Я поблагодарил его и взял курс на Типперэри.

4

Мне нравится город Кэйр. Из окна отличной уютной гостиницы (раньше здесь был частный дом) я наблюдаю за неспешной жизнью на широкой главной улице.

Часто здесь ничего не происходит. Я вижу нескольких стариков возле тележек, запряженных ослами. Они заняты серьезным разговором, обсуждают цены на овощи. Любопытная улица. Зачастую она почти пуста, однако никогда не спит. Улица широкая, словно плац. Думаю, если что-нибудь на ней произойдет, об этом немедленно прознает весь город.

Атмосфера ирландских городов сильно разнится. Некоторые погрязли в безнадежной убогости. В таких местах невозможно заняться какой-либо работой. Остается лишь напиться, тосковать и оправдывать себя. Но в нескольких милях от этих городов все до удивления по-другому: тут ярко, чисто, жизнерадостно, по-деловому. Вот и Кэйр такой же.

Посреди улицы бредет стадо коров. Ближе к обочине движутся красивые лошади с заплетенными в косички гривами и хвостами, с пронумерованными табличками на

боках. Где-то поблизости проходит шоу лошадей и коров. На перекрестке стоит священник. Во время беседы он делает паузу и следует взглядом за лошадьми, впрочем, все на улице на них смотрят. Вокруг так мирно, и кажется, будто мы перенеслись в восемнадцатый век.

Послеполуденное солнце освещает площадь. Мужчина ведет большущего черного быка. В ноздри животного вдето кольцо. Спина блестит, как полированный эбонит. Бык переступает слоновьими ногами и оглядывается по сторонам с бессознательной свирепостью.

Звонит колокол, сзывая к «Ангелусу».

Мужчина и бык останавливаются. Человек снимает потрепанную шляпу и склоняет голову в молитве. Огромное животное неподвижно стоит подле него. Старик у тележки с ослом тоже снимает шапку. Два человека, по виду коммивояжеры или стряпчие, крестятся. Молится весь город.

Момент, когда звонят к «Ангелусу», кажется мне самым трогательным и красивым за весь день. Приезжий поначалу не обращает на колокол внимания. Он может ехать в дублинском трамвае. Неожиданно все приходит в движение. Мужчины и женщины осеняют себя крестом. Или на оживленной улице мужчина, с которым ты говоришь, замолкает и снимает шляпу. Но в маленьких городах Ирландии время «Ангелуса» прекраснее всего. И не важно, является ли человек фанатичным атеистом, насколько искренно он верит в то, что все священнослужители — мошенники, играющие на суевериях невежественных людей, однако, если в нем есть хоть искра почтительности и чувство прекрасного, в этот миг он обязательно обнажит голову и произнесет молитву.

Это молчаливое единение с Богом, утром, в полдень и на закате, наступающее посреди жизни и бизнеса,

призывает людей, работающих в поле, городах и селах, оторваться от того, чем они в настоящий момент занимаются, и обратить свои мысли к небесам. Это выражение духовности ирландской жизни. Взаимопроникновение видимого и невидимого миров многое объясняет в загадочной и временами смущающей нас ирландской душе.

Вспоминаю, как однажды в Египте старый мошенник, пытавшийся обмануть меня в лавке, неожиданно выкинул из головы и меня, и мои дела, повернулся на восток, встал на колени и ткнулся лбом в пыль. Затем повернулся ко мне и таки надул. Жизнь для него была забавной игрой, призванной убивать время. Вот так и ирландцы: они смотрят на людские дела как на какой-то пустяк. Возможно, это объясняет, почему здесь смеются над тем, что мы считаем важным. Ирландцы, «лентяи» в глазах англичан, на самом деле — люди метафизического склада.

Замок Кэйр — одно из лучших сооружений, которые я видел в Ирландии. Он стоит на реке Шур возле красивого моста. Когда смотришь с крепостного вала на мельничную плотину и широкую гладь реки, кажется, что попал в Стратфорд-на-Эйвоне. С противоположной стороны река, петляя, прокладывает себе дорогу в лесу. Яркие сельские поля поднимаются к горам в шахматном порядке, а сами горы тянутся к небу, поражающему нежными голубыми оттенками.

В замке есть чудесный зал. Иногда в нем устраивают танцы и проводят другие мероприятия. Если бы я владел этим замком и имел бы деньги для воплощения в жизнь фантазии, я бы отреставрировал его и украсил комнаты оружием и мебелью времен застройки. Для замка, испытавшего на себе пушки Кромвеля, здание замечательно сохранилось. Думаю, если сюда вложить

немного денег и мысли, замок Кэйр станет подлинной достопримечательностью Ирландии.

Вечером я пошел прогуляться к реке. Возле брода мальчик тащил лодку по веревке, перетянутой с одного берега на другой. Я прогулялся по великолепному парку возле воды. Все бы отдал за то, чтобы забросить в нее удочку. И время самое подходящее. В реке были глубокие черные омуты. Соблазнительное место.

На берегу я увидел «большой дом». Местный старик сказал, что во время гражданской войны в нем жил де Валера.

«Они вели себя как джентльмены, — добавил он. — Когда их куда-то приглашали, они непременно расписывались в книге посетителей».

В тот вечер в Кэйре я впервые прочитал несколько стихов Томаса Макдонаха. Мне сказали, что он родился в этой части Ирландии. Одно из стихотворений особенно меня восхитило. В нем выражено до некоторой степени то, чего я не могу объяснить, применительно к маленькому ирландскому городку, такому как Кэйр. Вот это стихотворение:

Ты снился ночью мне, Джон-Джон,
Ты был со мной опять,
И я проснулась утром, Джон,
Спеша тебя обнять.
Но я была одна, а сон
Манил куда-то вдаль, —
И я на ярмарку, Джон-Джон,
Пошла, накинув шаль,
Искать тебя среди шума, Джон,
И толкотни.

Все было так же, как тогда,
Пять лет назад, весной,
Когда отсюда навсегда

Ушел ты вслед за мной.
Вновь суетились шулера,
Колоды теребя,
И шла торговля и игра —
Лишь не было тебя
Меж тех, кому всегда, Джон-Джон,
Ты был сродни.

Кляня себя, я шла домой,
Как мне на ум взбрело,
Что ты оставил, боже мой,
Бродяжье ремесло?
К обедне ходишь, пост блюдешь,
Над грядками корпишь...
Я распахнула дверь — и что ж?
Ты за столом сидишь.
Как будто не прошли, Джон-Джон,
Года и дни^[10].

5

В долине Типперэри стояла такая глубокая тишина, что я слышал лай собак из Кэйра и Роузгринна. Заходящее солнце было почти горячим. Не чувствовалось ни дуновения ветерка.

Передо мной, в центре Золотой долины, вздымался Кэшел. Это могучая скала, одинокая, словно большой корабль в море. Она поднимается над плоской землей, совсем как Эли, вздымающийся над болотами Кембриджшира. Странно, что одну из самых священных реликвий Ирландии поставил сюда дьявол. Каждый школьник Типперэри знает, что, когда дьявол летел домой (по всей видимости, в Англию) через долину

Типперэри, то по пути он откусил кусок горы, но уронил ее в центре Золотой долины.

И в самом деле, если посмотреть на горы Слив-Блум, вы увидите там проем, в который Кэшел точно бы уложился. Его называют «Укусом дьявола».

Звонил «Ангелус», когда тихим вечером я шел по крутой тропе к древней крепости королей Мунстера.

На вершине этой высокой скалы, окруженной каменной стеной, находится то, что осталось от королевского города древней Ирландии. Я постучал, мужчина отпер мне ворота, и я очутился на широкой и неровной травяной лужайке с руинами дворца и церковью. Мужчина указал на грубый камень с древним крестом.

— Тут, — сказал он, — в старые времена святой Патрик крестил короля Энгуса.

Здесь до сих пор помнят историю крещения короля Энгуса. Мне нравится фамильярный тон, с каким ирландцы говорят о героях и королях древности. Они говорят, что, когда короля Энгуса крестили на древнем коронационном камне, святой Патрик был стар и слаб, и чтобы поддержать себя, он воткнул острый конец своего епископского посоха в землю. Когда церемония закончилась, святой Патрик и все, кто стоял вокруг, увидели в траве кровь. Посох воткнулся в ногу короля. Святой спросил Энгуса, почему он не закричал, на что король ответил: он слышал так много о страданиях нашего Господа, что счел нужным перетерпеть боль.

Более удивительной, чем круглая башня Кэшела, более интересной, чем невыразительные очертания древнего дворца, более красивой, чем остов собора является часовня короля Кормака. Это — самая загадочная, самая странная, самая замечательная часовенка на Британских островах.

Если вы посетите Ирландию только для того, чтобы увидеть это поразительное здание, вы не зря

переплывете море. Это самое странное зрелище для человека, привыкшего к церквям Англии, построенным норманнами, скорее всего, с зубилом в одной руке и с выдернутым из ножен мечом — в другой. В Даремском соборе, самой большой норманнской церкви Англии, чувствуется суровость местного епископа Фламбарда. Даже маленькие часовни, такие как часовня Святого Иоанна в лондонском Тауэре и практически неизвестная подземная часовня в Черной крепости Ньюкасла, чрезвычайно мрачны. Их проектировали архитекторы, строившие крепости. Но часовня Кормака в Кэшеле — единственное радостное произведение норманнской архитектуры, которое мне довелось увидеть. Ее можно даже назвать примером архитектуры, построенной с чувством юмора! В мире нет ничего подобного.

Как это объяснить? Это единственное здание норманнской работы на Британских островах, построенное не норманнами. За полстолетия до норманнского завоевания его построили странствующие ирландские монахи, которые в стародавние времена побывали во всех уголках Европы. Монахи пытались скопировать то, чем они восхищались во Франции, но вносили в работу кельтские отличия: к круглому куполу этой часовни они прибавили стрельчатые арки. Такое оригинальное решение можно найти лишь в Келлской книге и саркофаге святого Патрика.

— Не кажется ли вам что-то странным в этой часовне? — спросил гид.

Я проследил за его взглядом и заметил, что здание слегка наклонено по отношению к нефу. Это символизирует склоненную голову Христа на кресте. Пожалуй, это самый ранний архитектурный наклон, который мне приходилось увидеть.

Гид провел меня в каменное помещение над часовней. Здесь размещалась библиотека в те времена, когда Кэшел был Тарой и Армой.

Профессор Макалистер рассказывает о миниатюрных ирландских церквях в своей книге «Археология Ирландии»:

О небольших размерах древних ирландских церквей писали часто. Все мы помним, как Теккерей в «Книге ирландских очерков» умилялся при виде миниатюрного собора в Глендалу. Но следует помнить, что сохранившиеся каменные дома были, скорее всего, более мелкими и бедными строениями; о строительстве зданий для приема как светских гостей, так и священнослужителей архитекторы задумывались редко. В большинстве случаев люди, пришедшие на мессу, оставались снаружи здания, да и сейчас в сельских районах Ирландии это не редкость.

Большинство людей, осматривающих эти церкви, бывают очарованы мастерским исполнением каменных крыш.

Двойная крыша основной части «кухни» святого Кевина представляет собой пример изобретательности конструкции. Похоже, это чисто ирландское изобретение. Этот элемент можно найти в древней часовне кафедральной церкви в Киллало, в доме святого Колумбы в Келлсе, в часовне Кормака в Кэшеле и еще в одном или двух зданиях. Изобретение заключалось в возведении высокой покатой крыши, чего требовал дождливый климат. В этом случае крыша, опираясь на стены, не раздвигала их в стороны, так что можно было не опасаться обрушения всей конструкции. По окончании возведения боковых стен устраивалось

деревянное кружало, формирующее свод, выпуклую часть которого покрывали досками или валежником. Поверх кружала сооружали каменный свод и хорошенько заливали его раствором. Жидкость протекала через все соединения и собиралась над валежником, отпечатываясь на растворе. (Хорошим примером служит ризница собора в Клонфарте.) Когда раствор застывал, кружало убрали; в результате церковь покрывалась солидной «крышкой» с плоским верхом и сводчатой внутренней стороной. Сверху и сооружали покатую крышу. В результате не происходило давления наружу, вес крыши направлялся вертикально вниз. Здания небольшого размера могли быть поставлены без каких-либо подпорок. В крыше устраивали помещение, в которое можно было подняться по лестнице через отверстие, оставленное в своде.

Профессор Болдуин Браун изучил технику создания такой крыши и сделал следующее заключение: «Хотя в большинстве случаев в зданиях были проведены значительные реставрационные работы, своды остались крепкими и не подверглись переделке, причем ни в одном случае наружные стены подпирать не понадобилось. Этот факт свидетельствует о достоинствах ирландских каменщиков, которые не только привнесли новую схему строительства, но и с успехом воплотили ее на практике».

Не устаю восхищаться часовней Кормака. Интересно, какой бы стала ирландская архитектура, если бы продолжился процесс преобразования романского стиля в гэльский? Одной из архитектурных трагедий мира является, на мой взгляд, то, что ирландцы не развили

этот стиль, а вынуждены были принять готику, которая им не свойственна.

Готический стиль в Ирландии отличается от готики соседних стран в очень значительном и важном отношении, — пишет профессор Макалистер. — В других странах готический стиль развивался органично, эволюционным путем, естественным образом переходя от одной стадии к другой. В Ирландии готику насадили, и она там не акклиматизировалась.

Местные архитекторы не усвоили принципы готики, так же, как ирландцы не усвоили английский язык. Люди вынуждены были приспособляться к кельтским идиомам. Язык, на котором говорят в Ирландии, по-прежнему ирландский; английские слова заменены соответствующими ирландскими; автор «ирландских» шуток опирается на синтаксические аномалии, и его попытки создать идиомы на этом чрезвычайно трудном языке, как правило, обречены на неудачу. Архитектура, созданная в Ирландии во времена Средневековья, по сути своей, кельтская с готическим налетом. В результате в ирландских средневековых церквях мы находим бесконечную последовательность аномалий: трансепт в церквях длиннее, чем неф (Черное аббатство в Килкенни); абаки на капителях вырезаны в виде изящных цветов (аббатство Коркомро, графство Клэр); оригинальные «веревочные» арки в церкви Монахинь в Клонмакнойсе; стрельчатые арки с замковыми камнями (маленькая церковь на Арранских островах); отсутствие симметрии в группах окон (Гленогра, Лимерик); алтарь под

цилиндрическим сводом под прямым углом к главной оси здания (Килмайне, графство Мэйо). Похоже, архитекторы, проектировавшие готические церкви, не обращали внимания на «правила игры». Но как фраза, исходящая из уст иностранца, не имеющая ничего общего с английским языком, фраза, до которой никогда не додумался бы англичанин, обретает необычайную выразительность, так и в архитектуре ирландцы часто, в силу незнания традиций, вносили в свои работы смелую оригинальность.

Будь я ирландцем, то поехал бы в Кэшел, потому что только там заметна связь с гэльской Ирландией, которая, несмотря на завоевание и давление, вопреки всему выжила. Это — Ирландия Келлской книги, ардагского потира, креста из Конга и броши из Тары. Все эти предметы свидетельствуют о богатой и полной воображения народной жизни, у которой не было возможности развиться. И, если здесь появится Вальтер Скотт, в котором так нуждается Ирландия, думаю, первую свою книгу он сочинит в Кэшеле.

Пока важным событиям ирландской истории не придадут живости и глубины путем романтической подачи, они так и останутся для нас неясными, — пишет Падрейк Колум в своей работе «Дорога вокруг Ирландии». — Необходимо через типическую фигуру проиллюстрировать великие эпизоды определенной эпохи. Но сделать это сможет лишь большой художник и настоящий патриот. Он должен обладать чувством национального достоинства. Другими словами, мы испытываем потребность в писателе, который сделает для

ирландской истории то, что Гоголь сделал для казачества, написав «Тараса Бульбу», и то, что автор «Чести дона Рамоны» сделал для Испании в отношении мавританского декаданса. Возможно, причина, по которой этого не произошло, состоит в том, что официальные историки слишком были заняты взаимной борьбой, а потому и не дали полную и достоверную картину нашей жизни. В противном случае нашелся бы художник, сумевший развить эту тему. Впрочем, положение дел меняется. Сейчас у Ирландии есть историки, вникающие в реальные события нашего прошлого.

В середине шестнадцатого века, после войны, произошла здесь одна история. Джентльмены из этой и других частей Ирландии уезжали за границу и служили там в качестве наемников. Некоторые тем не менее оставались здесь. Романтичный новеллист мог бы проследить карьеру кого-нибудь из гордых «сыновей Миля», живших на краю земли, перешедшей во владение солдат Кромвеля или Вильгельма. Летописи рассказывают нам о некоем Эдмунде О'Рейли, правнуче солдата, боровшегося против Оливера Кромвеля, и внуке солдата, нанесшего поражение командующему английской армии генерал-лейтенанту де Гинкелю. Ему разрешили поселиться на бедной фермерской земле. Однажды в соседнее поместье приехал знатный джентльмен на великолепном коне. Он разыскивал Эдмунда. Крестьяне, опасаясь, что чужестранец замыслил недоброе, отрицали, что слышали о нем. Эдмунд, подслушав эти разговоры, сильно обеспокоился, потому что приезжий был его родственником. Он приехал из-за границы специально ради него.

Больше об этом человеке он ничего не слышал. Мы можем встретить здесь потомков лордов, на протяжении пятисот лет верховодивших в Западном Брейфни. По словам одного из местных историков, они переплавились в крестьянство.

Где же все-таки, спрашиваю я себя, ирландский Вальтер Скотт? У него в запасе было бы больше романтических историй, чем даже у страны, что породила писателя, заставившего весь мир полюбить Шотландию. Ирландия обязана открыть миру лучшие качества ирландского характера: безудержную удаль, отвагу, юмор, страстное воодушевление и духовность. Эта задача требует гения. Пусть он приедет в Кэшел.

Вид со стены, находящейся на уровне вершины круглой башни, воистину грандиозен. Я могу сравнить его только с видом из шотландского замка Стерлинг. Вокруг расстилается плоская зеленая земля Золотой долины. Узкие ленты дорог, пересекаясь, бегут через поля и фермы. Отсюда видны небольшие леса, а к югу — горы.

Стемнело, на небо выкатилась большая желтая луна и повисла над Кэшелом. На отдаленных фермах лаяли собаки. На перекрестках улиц болтали и смеялись молодые люди, собиравшиеся небольшими группами. Они сплетали английские и гэльские слова. Я поднял глаза и увидел на горе темные руины замка. Там было тихо, пустынно и заперто на ночь. Лунный свет изливался на развалины зеленым дождем.

Казалось, замок плывет по Типперэри, как корабль-призрак.

Глава пятая

В монастыре траппистов

Я посещаю траппистов из обители Маунт-Меллерей, провожу с ними ночь, слышу голос в ночи, рано поднимаюсь, обследую монастырь, наблюдаю за молчаливыми монахами в их служении и снова пускаюсь в дорогу, в Корк, где слышу Шендонские колокола и целую камень Бларни.

1

Дорога, что идет из Кэшела на юг, через Кэйр, Клогхен и горы в Лисмор, — одна из самых красивых, по которым я когда-либо путешествовал. Вокруг широкая, раскинувшаяся на мили долина Типперэри, впереди горы Нокмилдаун. Сразу же за Клогхеном дорога идет вверх, и вы быстро поднимаетесь в горы, потом выскакиваете на крутой поворот Чертов Локоть (другой «локоть» находится в Шотландии, на дороге от Блэргаури до Бреймара!), и когда почувствуете, что можете без риска остановиться, сделайте это и посмотрите назад.

Это один из грандиознейших видов на Британских островах. Внизу лежит долина Типперэри с перекрестьем маленьких белых дорог, проложенных по зеленым полям и более темной зелени лесов. К западу от Кэйра горы Галти, а на востоке — Сливнаман. В ясный день вы можете увидеть скалу Кэшел, поднимающуюся из зеленой долины в двадцати милях к северу.

Трудно оторваться от этой панорамы. Но дорога продолжается, поднимается в голые, коричневые горы.

Потом она спускается, и вы видите очаровательную лесную долину. Рядом с вами до самого Лисмора весело журчит река.

Здесь, на берегах широкого медленного Блэкуотера — могучей форелевой реки — поднимается величественный замок Лисмор, принадлежащий герцогу Девонширскому; самый настоящий ирландский Уорик. Возможно, Лисмор не так красив, как Уорик, однако мысленно невольно их сравниваешь. Оба величавы, оба стоят на поросших лесом скалах, оба отражаются в воде.

Двор замка поражает красотой.

Из окон гостиной страшно смотреть вниз. Неудивительно, что робкий Яков II, проведший ночь в Лисморе во время бегства с поля битвы при Бойне, отпрянул в ужасе, выглянув в окно.

Лисмор восхитителен — чистый, сдержанный, достойный городок. Я обрадовался, увидев на улице двух волынщиков в тартанах расцветки шотландской «черной стражи». Когда я поприветствовал их как шотландцев, они ответили мне с акцентом жителей Корка.

— Мы все ирландцы, — сказали он. — Не желаете ли пожертвовать немного оркестру волынщиков из Корка?

2

Сто мужчин, поклявшихся молчать до самой смерти, живут высоко в горах в монастыре траппистов в Маунт-Меллерей. Это люди с разным жизненным опытом и разных национальностей. Если бы они могли говорить друг с другом, то, вероятно, обнаружили бы: единственное, что их объединяет, — усталость от мира. Среди них, одетых в грубые коричневые сутаны ордена и известных по имени, которое дают монахам по

приходе в обитель, как мне говорили, есть некогда знаменитый лондонский букмекер.

Было уже поздно, когда я вскарабкался на крутую гору к обители. Монахи возвращались с плодородных фермерских земель. Я остановил одного и спросил дорогу к гостинице. Он приложил палец к губам и покачал головой. Ему не позволено говорить, но он показал рукой направление. Я повернул за угол и позвонил в колокольчик на двери гостиницы.

— Добрый вечер, — сказал послушник, мужчина среднего возраста. — Чем могу служить?

— Вам разрешено говорить?

— Меня освобождают от послушания, пока я принимаю гостей и, — добавил он через паузу, — пока заведу кладовой.

Он сказал, что уже поздно осматривать монастырь. Братья ложатся спать в 7.30, так как им нужно вставать к службе в 2 часа.

— Оставайтесь на ночь, а монастырь посмотрите утром. Оставайтесь на неделю! А если хотите, то и на месяц!

Он улыбнулся, словно время ничего не значило.

Трапписты из обители Маунт-Меллерей держат свой дом открытым для мира. Любой человек — любой веры — может оставаться здесь столько, сколько захочет. Плату с него не спрашивают, но приветствуют желание оставить что-либо в ящике для пожертвований. Если человек не может ничего дать, братья все равно его благословляют.

Типперэри — единственный монастырь в Ирландии, который дает приют женщинам. Если сюда приезжают муж и жена, мужчина спит в гостинице, а женщина — в коттедже рядом с монастырем, возле дороги. Приходской священник в Типперэри рассказал мне забавную историю о молодоженах, отказавшихся расстаться в монастыре. Но это — другая история.

— Я бы и рад остаться, но вечером я должен быть в Корке.

— Корк! — воскликнул послушник, словно я произнес «Сан-Франциско». — До него почти сорок миль! Как же вас всех мотает! Что за смысл?

— Я обещал пообедать там с одним человеком.

— Обещание — дело святое. Вы должны ехать. Если хотите посмотреть наш монастырь, я сам вам его покажу. Входите...

В уютной комнате, мебелированной с большей роскошью, чем может позволить себе средняя гостиница в Ирландии, сидели несколько мужчин. Некоторые задержались в горах и нашли приют в монастыре, другие явились сюда из любопытства, ибо о гостеприимстве траппистов в Ирландии наслышаны; один был священником, находящимся «в отпуске»; от одного человека в красивой городской одежде пахло (боюсь, я не ошибся) виски!

Монахи обитатели, живущие на самой скудной диете и пьющие только воду, прославились умением излечивать пьянство. Многих молодых людей из Дублина, страдающих пагубным пристрастием, отправляют в Маунт-Меллерей на излечение.

— Вот здесь, — послушник показал мне большое здание, — наша кладовая. Мы даем еду и питье любому человеку, который попросит его накормить.

— А вас не обманывают?

Послушник обратил на меня бледно-голубые глаза. Взгляд был до удивления детским.

— Да, — ответил он, — случается. Мне положено отделять зерна от плевел, но — понимаете — когда я вижу их, то закрываю глаза и даю, что попросят.

Мы оказались в длинном каменном коридоре. Наверху начал звонить колокол. Послышалось шарканье ног. Из — за угла вышла навстречу нам процессия фигур в капюшонах. Они шли склонив голову, по два человека

в ряду, сначала священники в грубых белых одеяниях, потом монахи в коричневых сутанах, подвязанных веревкой. Ни один не взглянул на нас. Они вошли в часовню для вечерней молитвы, и двери тихо затворились за ними.

Кем были эти люди в капюшонах, прежде чем удалились от мира? Что узнали о жизни? Никто не сможет ответить. Когда-то у них были имена, по которым мир знал их, теперь они брат Доминик, брат Пол или брат Алоиз. Они удалились от жизни, жизнь для них лишь преддверие смерти.

Тишина обители Маунт-Меллерей почти угрожающая. Фигуры в капюшонах проходят по темным коридорам молча, как привидения. То тут, то там тыловишь взгляд человека, но он в страхе избегает тебя, опасаясь, что ты с ним заговоришь. Мимо друг друга они проходят так же быстро, опасливо.

— Неужели им не хочется заговорить? Неужели они не боятся, что так и умрут, не обменявшись ни единой мыслью с собратом?

— С какой стати? Они ведь дали обет молчания.

Послушник снова обратил на меня взор бледно-голубых глаз. Теперь они были, как лед.

В трапезной накрыли стол для легкого завтрака. В окна заглядывал серый утренний свет.

Помещение было холодным, голым, с кафедрой по центру. Длинные деревянные столы и скамьи. Против каждого места — по две жестяных кружки и тарелка. К каждой тарелке прислонена карточка с написанным на ней большими буквами именем монаха — брат Джон, брат Майкл, брат Габриэль, брат Пий.

Ни причин для споров, ни побуждения к разговорам. Все устроено так, чтобы молчаливые братья могли есть, опустив голову и не произнося ни слова.

Наверху, в библиотеке, послушник рассказал мне удивительную историю монастыря. В 1830 году группа

траппистов, бежавших из Франции, явилась на голые склоны гор Нокмилдаун, имея на всех сумму в 1 шиллинг и 1 пенс! Они построили себе что-то вроде жилища и маленькую ораторию. Крестьяне из горных деревень приходили днем к ним работать. Монахи осваивали земли. Они зарекомендовали себя хорошими работниками. Богатые люди составляли на них завещания, и постепенно, в течение ста лет, нищее поселение превратилось в большую, процветающую общину. Монастырские уголья свидетельствуют об энергии и знаниях монахов. Некогда дикая земля дает богатый урожай зерновых, в садах зреют фрукты, на тучных пастбищах кормится скот. В Ирландии они сделали то, что их предшественники сделали в Англии на йоркширских болотах, в аббатствах Фонтен, Риво, Джерво и многих других диких областях.

Мы вышли из сада, и я увидел ряды открытых могил. Поначалу я не понял, зачем они здесь. Послушник объяснил, что долг трапписта — самому выкопать себе могилу...

— До свидания, — сказал послушник. — Помолитесь за меня сегодня, а я помолюсь за вас. Если бы все в мире так поступали, все могло бы быть по-другому...

Голубые глаза на худом морщинистом лице были глазами ребенка.

В сгущающихся сумерках я пошел вниз по холму. Слышался стук сандалий людей, добровольно обрекших себя на молчание.

3

В ту ночь я лежал без сна и думал о монахах из Маунт-Меллерей. Я пообещал себе, что вернусь и следующую ночь проведу у них как гость. Друг, с которым я обедал, рассказал мне бесчисленное

количество историй об их добрых поступках. Он — то, что называется «плохой католик»: у него не нашлось добрых слов о священниках. «Дрозды» — так он их называл — держат страну в состоянии безграмотности и суеверия. А вот о траппистах из Маунт-Меллерей мой друг говорил исключительно в восторженных тонах. Он порылся в своей библиотеке и дал мне книгу об этом ордене.

Для большинства англичан траппист — человек, которого они представляют себе по роману Роберта Хитченса «Сад Аллаха». В этом романе описываются чувства трапписта, бежавшего из монастыря и столкнувшегося с проблемами жизни, которые он блестяще решает. Прошло много лет, с тех пор как я прочитал эту книгу, но до сих пор помню свое впечатление от того монастыря. В романе он не описан, но ощущается его гнетущая атмосфера: это молчаливые монахи и полное отрицание того, что мы, миряне, называем счастьем. Даже беглое знакомство с обителью Маунт-Меллерей сказало мне, что на ней лежит древний «мир церкви». Это — святилище. Оно сохранило все хорошее и искреннее, что было в средние века. Бескомпромиссная суровость монастыря немного меня напугала, но в то же время и привлекла. Мне хотелось вернуться и выяснить самому, что за жизнь идет за этими молчаливыми стенами.

Я открыл книгу и начал читать захватывающую историю траппистского ордена...

В 1140 году несколько монахов пришли в долину Ла Трапп в поисках настоящей пустыни, в которую они могли бы удалиться от мира. Эта долина, затерянная среди гор департамента Орм в Нормандии, известна как «ловушка» (*trappe*) из-за ее отдаленности и недоступности. Там и поселились монахи, постепенно обживая эти дикие места. Молва об их святости облетела все цистерцианские аббатства того времени.

Затем накопилось богатство. Во время войны армия вошла в Ла Трапп, и монахам пришлось уйти. Они снова стали нищими и бездомными.

В начале шестнадцатого века монахи вернулись в свою долину, но это были уже другие люди. Большинство монашеских орденов лишилось прежнего аскетизма и святости. Одной из причин такого изменения послужило то, что, благодаря конкордату 1526 года, король получил право назначать аббатов в монастыри своего королевства. Нетрудно догадаться, что произошло. Королевские фавориты транжирили богатые доходы монастырей. Люди, назначавшиеся аббатами, являлись аббатами только на бумаге. Интересы их были чисто финансовыми. Для Ла Траппа, завоевавшего авторитет святостью и аскетизмом, настали трудные времена. Циничные светские люди тратили деньги, монашеству пришел конец, и только горстка так называемых монахов оставалась в аббатстве и вела беззаботную жизнь — охотилась, ловила рыбу.

Примерно в это время — в 1626 году — родился ребенок, которому дали звучное имя Арман-Жан Ле Бутилье де Рансе. Его отец был придворным. Крестным отцом мальчика стал кардинал Ришелье. Де Рансе был старшим сыном, и, стало быть, ему надлежало служить в армии. Но младший брат умер, и де Рансе в двенадцать лет принял духовный сан, получив вместе с ним три аббатства и несколько небольших монастырей, что дало ему 20 000 дохода ливров в год. Когда юноше исполнилось двадцать четыре года, умер отец и оставил ему имение, приносящее в год 30 000 ливров.

Богатый молодой священник пустился во все тяжкие. Он держал большой штат прислуги, закатывал банкеты и выезжал на охоту вместе с многочисленными друзьями и прихлебателями. Сохранилось интересное описание этого периода его жизни:

На нем было легкое платье из красивой ткани лилового цвета. По спине и плечам струились длинные локоны. Кружевной воротник украшали два изумруда, на пальце сверкал большой бриллиант. Во время охоты он отставлял в сторону все признаки своей профессии и носил меч и два пистолета. Шею обнимал вышитый золотом черный шейный платок. В более солидном обществе ему приходилось напускать на себя вид истинного клирика, и тогда он надевал костюм из черного бархата с золотыми пуговицами.

Вот таким был юный аристократ, которому судьба предназначала совершить отречение, не столь уж редкое в истории христианства, и отправиться в глушь в поисках Христа.

Десять лет удовольствий ему наскучили. Проснувшись совесть, и молодой человек решил уехать в Париж, к монахам оракторианского монастыря. С этого момента он решительно переменился, забросил богатых дружков, продал имение и передал огромные средства на благотворительные нужды. Он отказался от своих аббатств и монастырей и сохранил самую бедную обитель — Ла Трапп. Заключительным актом самоотречения стало решение обрубить последние нити, что связывали его с миром, и поступить в Ла Трапп простым монахом.

Он нашел Ла Трапп в жалком состоянии. Там проживали семь мирян, которые встретили его с возмущением. Они отказались ему подчиняться, не захотели штопать свои сутаны, даже грозились убить его. Он решил обратиться к королю, и это их, по видимому, напугало, потому что они уступили и позволили пустить в братство монахов «сурового обета».

В послушничество он вступил как обычный человек, но через некоторое время Патрик Планкетт, ссыльный епископ Ардага, назначил его аббатом обители Ла Трапп. С этого времени в истории монастыря начинается новая эра. Первым делом аббат реставрировал строгие правила святого Бенедикта: восстановил обет молчания, запретил употребление мяса, рыбы, яиц и вина, возродил обычай ручного труда. Его монахи спали на жестких соломенных тюфяках и вставали в два часа ночи для службы, длившейся до 3.30 утра. Затем наступало время личных молитв, за которыми в 5.30 утра следовала заутреня; в 7 часов начиналась серия обрядов — *sext*, *terce* и *none*. Все в монастыре направляло мысли монахов на непродолжительность земной жизни и радость жизни загробной.

Шли годы, и святость обители Ла Трапп стали сравнивать с обителями прежних веков — аббатствами Клерво и Сито. Строгость, чистота и бескомпромиссная суровость жизни этих молчаливых монахов сделала обитель Ла Трапп знаменитой на всю Францию. Люди со всех концов света шли туда, чтобы раскаяться и умереть очищенными от грехов. Именно туда и отправился молиться ссыльный Яков II Английский. Автор статьи в «Дублин ревью» трогательно описал этот визит:

Его любезно принял аббат, после чего они вместе выстояли вечернюю службу в часовне. На следующее утро, ознакомившись с аббатством, король посетил отшельника, жившего в горах, в некотором отдалении от обители. Одиночество подвижника лишь изредка нарушалось посещениями аббата. Большую часть времени отшельник проводил в молитвах. Яков немедленно узнал в этом человеке офицера, которого ранее отличал по службе. Он спросил, в котором часу утра тот посещает службу зимой в

часовне, и отшельник ответил: «В половине третьего». «Да это невозможно, — прокомментировал лорд Дамбартон. — На дороге темно и чрезвычайно опасно». «Пустое! — сказал старый солдат. — Я много лет служил моему королю в мороз и снег, ночью и днем, и мне было бы стыдно, если бы я не сделал того же для Господина, призвавшего меня на службу, чью форму теперь я ношу». Несчастный монарх отвернулся. Свита заметила, что глаза короля налились слезами. На следующий день перед отъездом он встал на колени, принимая благословение аббата и, поднявшись, оперся на руку стоявшего рядом монаха. Желая поблагодарить его, король вдруг увидел, что это еще один из его сподвижников, достопочтенный Роберт Грэм. Он тоже служил офицером в королевской армии, причем потерял большое состояние. Его величество сказал Грэму несколько добрых слов. Даже монахи почувствовали остатки прежнего королевского величия.

Де Рансе умер в возрасте семидесяти четырех лет. Здоровье его было сильно подорвано, он страдал от ужасной физической боли, которую переносил без единого стога. Когда понял, что конец близок, лицо его просветлело, и он воскликнул: «О, вечность, какое счастье! Боже, я буду вечно с Тобой!»

Его реформы не погибли.

Почти через сто лет после его кончины разразилась французская революция. Траппистов выгнали из монастыря. Они бродили по Европе, селились то тут, то там, если позволяло правительство. Яркая звезда Наполеона поднялась и померкла, но траппистов все же не пускали домой. Однако после Ватерлоо им разрешили

вернуться. Они выкупили развалины Ла Траппа за 3000 фунтов и с энергией, отличавшей их орден, перестроили и восстановили все так, что через двенадцать лет не менее десяти монастырей стали следовать их уставу.

Сегодня в мире около семидесяти траппистских монастырей. Вы обнаружите молчаливых монахов в Китае, Японии, Америке и Канаде. В Англии единственный такой монастырь — обитель Святого Бенедикта в Лестершире.

4

Рано вечером я позвонил в колокольчик Маунт-Меллерей. Тот же послушник подошел к двери. Он улыбнулся, узнав меня:

— Вы недолго отсутствовали, — сказал он. — Входите, брат.

Я сопротивлялся его попытке внести мой маленький чемодан, но он настоял.

— Это моя обязанность, — сказал он. — Позвольте мне ее исполнить.

Я очутился в пустом холле гостиницы. Здесь стоял особый церковный запах, он исходил от голых стен, старых ковров, протухшего ладана и средства для чистки мебели. Это не исключительно католический запах; я сталкивался с ним в протестантских ризницах. И снова он приветствует меня в этом монастыре.

— Будьте добры, — сказал послушник, — прочитайте перечень правил и оставьте свое имя в книге гостей.

Я быстро глянул на отпечатанный список правил, висевший в рамке на стене. Уделил им столько же внимания, сколько и человек в таможне, знающий, что не везет контрабанду. Поставил свое имя.

— Ну а теперь, — сказал послушник, — я отведу вас в вашу келью.

Мы поднялись по деревянным ступеням. На первом этаже он отворил дверь и внес в комнату мой чемодан.

Я удивился. Это была келья лишь на словах. Кровать оказалась гораздо удобнее, чем в отеле Лисмора. Гардероб, умывальник, стол... все создано трудом монахов. Стены голые, за исключением той, где висел большой крест, а под ним — аналой.

В молчании послушник помог мне распаковать мои вещи: бритву, мыло и, к моему смущению, потому как здесь она казалась неуместной, шелковую фиолетово-черную пижаму. Я купил ее несколько недель назад в Париже. Монах, не выказав ни малейшего удивления, положил ее на подушку, хотя она символизировала комфорт, который осуждает орден траппистов. Как же терпима католическая вера, подумал я. Шотландский пресвитерианский священник прочел бы мне целую лекцию об этой бесстыдной пижаме.

— А теперь, — сказал послушник, когда мы закончили с распаковкой, — оставлю вас на час с вашей совестью.

Он вышел, закрыв за собой дверь. Слышно было негромкое шарканье его сандалий, удаляющихся по коридору и вниз по лестнице.

Я обнаружил, что моя келья находится над крыльцом гостиницы. Я мог бы тростью дотронуться до головы человека, вставшего внизу. Окно было готического стиля, с маленькими рамами. Я уселся на узкий подоконник и посмотрел в сад, напомнивший мне об Италии. В окруженном каменными стенами саду росли высокие деревья. Там было несколько кипарисов, и на темном фоне их листья ярко выделялась белая статуя Мадонны, сделанная в человеческий рост.

Стоял жаркий летний вечер. Заходящее солнце поливало деревья золотым дождем, пели птицы. Пчелы хлопотали в цветах. Мне захотелось выйти в сад. Я чувствовал беспокойство. Подумал, что в Лондоне в это

время люди одеваются к обеду, в отелях собираются на вечеринки, официанты с поклоном вручают гостям винные карты в сафьяновых переплетах, женщины, чувствуя, что все на них смотрят, и довольные этим, величественно проплывают к позолоченным креслам, шурша вечерними платьями. Актрисы готовятся к представлению. Танец жизни затягивается до рассвета...

Я заметил в саду фигуру. Вокруг дома медленно ходил траппист в белой рясе и черном нарамнике. Руки он держал перед собой, спрятав их в длинные рукава. Голова его была опущена. Думаю, он не сознавал, что ходит по саду. Когда он подошел поближе, я увидел, что его губы шевелятся. Это был тощий анахорет. В его сосредоточенности было что-то ужасное. Интересно, кем он был, прежде чем поступил в эту духовную тюрьму? Есть ли где-нибудь женщина, бывшая ему женой? Он был мужчиной во цвете лет. Что бы сказала женщина, когда-то любившая его, если б увидела его сейчас, ждущего смерти, выпавшего из жизни? Как бы взглянула на него, бродящего по саду с потухшим взором, не обращающего внимания на красоту летнего вечера, сосредоточившего все мысли на холодном предбаннике будущего рая?

В сад вошел еще один человек. Это был пожилой монах. Он тоже шептал молитву. Монахи поравнялись и прошли мимо, даже не взглянув друг на друга. Я заметил едва заметное отстранение одного от другого. Я потрясенно смотрел на них. Молитвы перенесли их на другой уровень бытия.

История траппистского ордена изобилует рассказами о нечеловеческой изоляции, в которую погружает себя каждый монах. Я слышал о братьях, объединившихся у смертного одра человека, до своего последнего мгновения не знавшего, что все они долгие годы живут рядом, поскольку до сих пор все проходили

мимо друг друга с опущенными глазами, как и те монахи, которых я видел сегодня в саду. Какими бы недостоверными ни казались эти истории в мире людей, в стенах траппистского монастыря они выглядят правдивыми. Этот орден хранит священный огонь — или, как скажут некоторые, фанатизм, — который прогнал ранних святых в фиванскую пустыню.

Я сидел у своего маленького окошка, размышляя о странном событии: стоило мне войти в ворота, и я оказался в Средних веках. Все мои католические пращурсы зашевелились во мне, узнав священный мир церкви; все мои протестантские предки восстали и начали биться с католиками, а я сидел между ними, смотрел в окно и чувствовал в голове полную сумятицу. Знал лишь, что душа моя одобряет искренность этих людей и их веру в бессмертие.

Страшно хотелось курить. Меня раздражала многочасовая медитация. Как странно! Монахи проводили всю свою жизнь в безмолвных молитвах. Тишина этого места действовала мне на нервы. Казалось, сами камни пропитаны молчанием. Казалось, что и деревья имеют об этом представление. Молчание — предвестник смерти.

На столе лежала маленькая черная книжка, «Исповедь» святого Августина. Я перевернул листы и оказался в очаровательном апреле христианства. Но на страницах я увидел странные фразы, нацарапанные гостями, проживавшими до меня в этой келье. Предложения были написаны торопливым, почти пьяным почерком, съезжавшим с листа: «Святая Мария, помолись за меня!» Я прочитал эту фразу на одной, потом на другой странице. Они были написаны синими чернилами. Казалось, слезы автора выплеснулись на книжные листы: «Я жалкий грешник — помолись за меня!»

Я захлопнул книгу с неприятным чувством, словно приложил ухо к замочной скважине.

Все было тихо: на улице штиль, деревья не шевелились. Малиновка хрустальным голоском выводила элегию умирающему дню. Казалось, это журчит фонтан: каждая нота, высокая и округлая, взлетала и снова словно падала в воду. Солнце садилось, однако до наступления сумерек оставалось еще несколько часов. Я слышал мычание коров. Должно быть, монахи гнали домой стада с пастбища. Я высунулся из окна, надеясь увидеть их, но высокие деревья сада закрыли мне обзор.

Дверь отворилась. На пороге стоял послушник. Прошел час.

— Следуйте за мной, — сказал он.

Он повел меня вниз. Мы вышли из гостиницы и оказались в каменном коридоре. Я почувствовал запах ладана и понял, что мы идем в часовню на вечернее богослужение. Мы прижались к стене, пропуская братьев. Они шли по два человека в ряд, с опущенными головами. В первых рядах священники в белых сутанах и черных нарамниках; мужчины всех возрастов, всех типов; ученые и неграмотные; горожане и крестьяне; все с бородами, все с выражением святой отстраненности. Это напомнило мне фреску Беллини. За ними, тоже по двое, следовали монахи в грубых коричневых сутанах, подпоясанных веревкой.

Церковь была простой, с голыми стенами. Все монахи низко поклонились в сторону алтаря.

Я уселся на скамью, предназначенную для гостей. В этот вечер в Меллерей были шесть или семь посетителей, включая и молодого священника, двух юношей, путешествующих пешком, молодого англичанина, решившего «уединиться», и оборванного и несчастного на вид мужчины среднего возраста, с жидкими седеющими волосами.

По окончании службы монахи повернулись к алтарю спели «Salve Regina». Мне очень хотелось услышать этот гимн, особенно дорогой для траппистов.

Я был растроган: пение было исполнено любви, веры, жажды вечной жизни. Все это помогало перенести испытания, добровольно принятые на себя траппистами. Как только гимн закончился, колокол стал отбивать «Ангелус». Все монахи пали ниц. Братья произнесли несколько молитв — «Отче наш», «Радуйся, Мария», «Славься», после чего наступила пауза. Монахи поклонились алтарю и молча, со склоненными головами, вышли из церкви. Мы последовали за ними. У дверей часовни стоял аббат с кропильником, и он побрызгал каждого из нас святой водой. Монахи, словно серые призраки, исчезли в белом коридоре — разошлись по своим кельям. Мы в молчании прошли в гостиницу, где нам предложили готовиться к отдыху.

По солнцу было 8 часов вечера, ибо Меллерей не признает распоряжение о летнем времени. Во внешнем мире было 7 часов, а меня отправили в постель, как ребенка! Я уселся у окна и стал смотреть в сад. Несмотря на удобную кровать, я чувствовал, что мне предстоит бессонная ночь, так как атмосфера Меллерей интересовала и волновала меня. Молчаливая мрачная рутина отправления церковных обрядов, установленная несколько столетий назад святым Бенедиктом, исполнялась неукоснительно, и ночью я узнал об этом по шлепанью ног по каменным ступеням и по звону колокола. Страшно захотелось курить, но в правилах я прочитал: «Курить воспрещается», и потому положил сигареты и табак на дно своего чемодана и постарался забыть о них. В дверь постучали. Это был послушник.

— Не хотите попить? — спросил он. — Вода или молоко?

Я покачал головой и поблагодарил его, думая, что лучше бы выпил виски с содовой. Мне показалось, что он

не хочет уходить, да и я с удовольствием поговорил бы с ним. Послушник закрыл дверь и посмотрел на меня с живым, детским интересом. Он смотрел прямо мне в глаза. Он выглядел замечательно: спокойные, святые глаза, гладкая кожа, борода, откинутый на плечи капюшон грубой коричневой сутаны. Должно быть, он был не слишком молод, но у него был любопытный взгляд, который я замечал на лицах многих траппистов — юношеское выражение, напомнившее мне о молодом актере в школьном драматическом кружке, загримированном под старика.

Я редко встречал человека, который возбуждал бы во мне большее любопытство. Глядя на него, я вдруг подумал, что гладкость кожи трапписта вызвана отсутствием зла и сильных эмоций, отпечатывающихся на лице человечества. Алчность, зависть, злоба, несдержанность, похоть — все то, что в большей или меньшей степени отражается на лице обычного человека, в облике этих монахов отсутствует. Это не то чтобы простые, сколько незамутненные лица. Они отражают души, отбросившие все чувства, кроме веры, надежды и милосердия. Возможно, поэтому они одновременно и бесчеловечны, холодны и отстранены, как лица на полиптихе Якобелло ди Бономо.

Когда послушник, до сих пор общавшийся со мной лишь краткими фразами, заговорил более свободно, я узнал, что он шотландец, вернее, ирландец из Глазго. Он рассказал, что родился в Партике, рядом с Глазго, и что в монастырь поступил двадцать три года назад. В своем привилегированном положении послушника при гостинице он, естественно, знал кое-что о событиях, происходящих в мире, но не слишком ими интересовался. Он поразил меня тем, что многие монахи в монастыре никогда не слышали о войне в Европе или о создании Ирландского Свободного государства.

Я задал ему несколько интимных вопросов о монашеской жизни: как часто монах нарушает правила? и так далее. Он сказал, что траппист — это заключительный акт в долгой серии духовных деяний, и человек, ставший монахом, остается им навсегда. Но я не мог понять, почему молодые парни — несколькими монахам было всего по двадцать лет — отреклись от мира, прежде чем испытали мирские соблазны. Я забыл его возражение. Помню только, что оно было убедительным.

Затем, разумеется, как настоящий католик, он сплел вокруг меня такие кружева, что я побоялся с ним спорить. Он сказал, глядя на меня чистыми глазами ребенка, что будет молиться за меня каждый день и попросил принять маленькое священное сердце, в котором был воск, благословленный папой.

Я рассказал ему, как, будучи в Риме несколько недель назад, видел папу, которого вносили в паланкине в собор Святого Петра под бой барабанов и пение труб. Никогда не думал, что так поражу кого-нибудь этой историей. Послушник задал мне бесчисленное количество вопросов, а затем спросил:

— А вам не захотелось упасть на колени?

— Нет, — сказал я. — Я стоял вместе со всеми на возвышении.

Он этого не смог понять, однако я почувствовал, что сделался для него кем-то особенным, потому что побывал в Риме и посетил мессу понтифика.

Пошел десятый час. Брат извинился передо мной за то, что задержал меня так долго! Прежде чем уйти, он сказал, что трапписты, лежащие сейчас на своих жестких постелях, поднимутся в 2 часа ночи на заутреню.

— Доброй ночи, да благословит вас Господь!

Он закрыл за собой дверь, и я услышал шорох удаляющихся сандалий.

Я сидел на подоконнике, не в силах настроиться на сон. Стемнело, невидимая луна изливала на сад серебряное сияние. Белые статуи на фоне кипарисов мерцали и казались живыми. Уснул я около полуночи.

Мой сон нарушил крик. Крик повторился. Я проснулся, уселся на кровати и прислушался. Стонал человек — то ли в соседней келье, то ли в той, что была наверху. Он говорил сам с собой, как лунатик. Я взглянул на часы: три часа ночи. Затем я услышал, как он громко кричит:

— О Мария, мать Божья, я хочу пить...

Он повторил это шесть или семь раз, обращаясь к разным святым ужасным голосом, который подсказал мне, что хочет он не молока и не воды. Я содрогнулся, слушая этот одинокий, страдающий голос в окружающей нас мертвой тишине. Казалось, что это отчаянный крик человека, похороненного заживо.

Я знал, конечно, что он, должно быть, из числа алкоголиков, явившихся в обитель для излечения от своего недуга. Отец Брендан, как мне говорили, — один из величайших в мире экспертов в области лечения алкоголизма. Когда алкоголик приходит в Меллерей, ему каждый день дают спиртное, к которому он привык, но в маленьких дозах. Под конец лечения он пьет воду. Главное, однако, моральное влияние монастыря.

Голос кричал около получаса, а потом послышался глупый смех.

В коридоре громко зазвенел колокольчик. Дверь отворилась. Брат Габриэль, улыбаясь, посмотрел на меня и пожелал доброго утра. В одной руке он держал кружку

с водой для бритья, а в другой — колокольчик. Было шесть часов утра.

Он упрекнул меня за то, что я не выставил свои ботинки за дверь в коридор. Я ответил, что не позволил бы ему чистить мою обувь. Я прекрасно могу сам их почистить. Он покачал головой, и я понял, что сказал что-то не то. Долг траппистов — обслужить каждого посетителя, какой бы грязный нищий к ним ни явился, словно это сам Господь Бог. Я понял, что обидел скромного послушника, посчитав недостойной услугу, которая являлась для него священной привилегией.

Я встал, отдернул занавески, и солнце ворвалось в мою келью. Сад был прекрасен: на траве лежала роса, солнце разбрасывало повсюду кружевные тени. Вдруг передо мной предстало чудесное зрелище: по траве мчался заяц, оставляя на росе черную дорожку. Он уселся прямо под моим окном, поднялся на задние лапы и прислушался. Я подумал о святом Франциске. Интересно, не приручили ли монахи это робкое животное? Заяц опустил на четыре лапы и пропал из вида.

Пока я брился, почуял, почти с ужасом и возмущением, запах табака. Тонкие завитки сигаретного дымаплыли в мою келью. Кто-то курил на крыльце под моим окном. Интересно, кто это нарушает правила? Я выглянул в окно и увидел спутанные седеющие волосы. Это была голова оборванного немолодого гостя. Я заметил еще кое-что: рука, держащая сигарету, дрожала, словно от лихорадки. Он едва мог донести сигарету до рта. Значит, сегодня ночью я слышал голос этого несчастного создания.

Пока он стоял там и крадучись курил, из огорода, находившегося позади монастырского сада, вышел монах. Это был отец Брендан, человек, излечивающий пьяниц. Курильщик увидел его, поспешно раздавил сигарету о стену и бросил окуроч в куст. Глядя сверху, я

мог сказать, что он напустил на лицо невинное выражение. У меня не было намерения подслушивать. Я остался стоять у окна: мне было интересно, почувствует ли монах табачный дым и упрекнет ли нарушителя. Монах, крупно шагая, приблизился к гостю. Носки его толстых башмаков покрылись росой.

— Доброе утро, — сказал он приветливо, — как вы сегодня себя чувствуете?

— Ох, отец, — ответил человек заискивающим голосом, — плохо, очень плохо... Ночью на меня набрасывались бесы.

— А почему вы меня не разбудили? — строго спросил монах. — Я бы пришел и успокоил вас.

— Я боялся разбудить вас, отец. Вы были так добры ко мне.

Алкоголик поднес к голове дрожащую руку. Монах дружелюбно взял его за плечо и голосом человека, пытающегося утешить ребенка, сказал:

— Не надо беспокоиться... Пойдем, я налью вам капельку, чтобы снять тоску с вашего сердца.

Они ушли вдвоем, и я услышал звук ключа, поворачивающегося в замке шкафчика.

Когда я оделся и вышел в сад, то увидел отлично обработанный огород. Там монахи выращивали все свои овощи. Тут я повстречал других гостей обители. Молчание сыновей святого Бернарда действовало на них столь же тяжело, как и на меня, поэтому мы быстро познакомились и пошли гулять, обмениваясь впечатлениями. Английский юноша и ирландский священник были единственными гостями, явившими сюда ради уединения; остальные, как и я, были путешественниками, просто гостями, приехавшими с ночевкой. Один из них рассказал мне, как трудно заплатить за постой гостеприимным братьям, если только собираешься остаться у них меньше чем на неделю. Хотя в холле и стоит ненавязчивый ящик для

пожертвований, никого не просили туда что-либо положить. Если путешественник, остановившийся на ночь, пытался заплатить за гостеприимство, его сурово отчитывали.

— Был тут как-то один человек, — сказал гость, — который не верил, что путешественник может оставаться здесь бесплатно. Поэтому он заключил пари и остался на месяц. С него не попросили ни пенни, а когда в конце месяца он засобирался домой, то получил благословение аббата. Он выиграл пари и послал в монастырь чек на крупную сумму...

Мы услышали звон колокола, призывающий к мессе. Было почти семь часов утра. Все заняли места в часовне. Возле меня уселся человек со спутанными седыми волосами. Трясся он чуть поменьше: мудрый монах придал ему немного уверенности из бутылки.

Перед нашими глазами творился торжественный и прекрасный канон. Мои мысли унеслись на столетия назад, отыскивая параллели этой удивительной сцене: зажженные свечи, священник и помощники, безошибочно совершающие перед алтарем сложный ритуал.

7

За несколько минут до восьми нам устроили завтрак в гостинице. Мы сидели за длинным столом, и еду нам подавал мой милый друг-послушник. Во главе стола сидел священник, наливая чай из огромного чайника. На столе были яйца, хлеб, масло, только удивительно чудесный хлеб и превосходное масло! Все продукты местного приготовления. Мы ели молча. Аппетит у меня был волчий. Я вспомнил, что накануне пропустил ужин.

Я услышал голос и оглянулся. Молодой монах — его лицо было скрыто белым капюшоном — сидел в алькове

возле двери и читал молитву «О подражании Христу». Голос был странный, притягивающий — холодный, бесстрастный. Казалось, он пришел к нам неохотно, из какого-то ледяного царства. Это был голос ученого и человека, предпочитающего молчание. Священник вопросительно оглядел стол. Все ли закончили еду? Он позвонил в колокольчик, и читающий молитву монах тут же остановился. Казалось, он едва закончил фразу, и, когда, помолившись, мы поднялись, он выскользнул из комнаты.

— Ну, чем бы вы хотели сейчас заняться? — спросил священник.

У двоих гостей, явившихся сюда в поисках одиночества, были дела. Другие захотели исповедаться; один или два попросили, чтобы им позволили сделать это в часовне, а я попросил священника показать мне монастырь.

Мы посетили пекарню, кладовую, столярные мастерские, свинарник. Как странно было видеть трапписта, работающего сноровисто, но при этом почти не глядящего на трудящегося рядом с ним человека. В свинарнике я увидел монаха, обслуживавшего визжащих розовых поросят. Что за картина для художника! Пока мы смотрели на него, подошел другой монах и сделал знак пальцами. Первый монах ответил кивком и покинул рабочее место.

Трапписты, пояснили мне, объясняются знаками, но не ради разговора, а только для исполнения приказов.

Пока мы беседовали возле пшеничного поля, мой маленький приятель, которого я заметил ранним утром, выскочил из колосьев, уселся на задние лапы и взглянул на нас. Я думал, что священник скажет о нем что-то в духе святого Франциска, но он прошептал:

— Посмотрите на этого бесенка, вон там, на поле!

Священник нагнулся, украдкой поднял камень и метко швырнул.

— Это тебе наука, демон, нечего топтать пшеницу!
Потом повернулся ко мне и улыбнулся, как мальчишка.

— Промазал, — грустно сказал он.

Мы пошли дальше, и траппист рассказал мне о распорядке монастырского дня. Монахи спят полностью одетыми, обувь, правда, снимают. Ложатся в восемь вечера, встают в два часа ночи, идут в церковь. Аббат читает «Аве Мария», за этим следует короткая служба Богоматери. В три часа начинается каноническая служба. Хвалебные гимны заканчиваются к четырем утра, за ними следуют мессы. Их проводят послушники. Затем все расходятся: священники покидают церковь после месс, послушники — примерно в половине шестого утра, так что большая часть ночи проходит в богослужении. В 7.15 монахи снова встречаются в трапезной и пьют утренний кофе с сухим хлебом, после начинается исполнение рутинных обязанностей в часовне и работа на ферме. И так день за днем, неделя за неделей и год за годом, до самой смерти.

Мы вошли в спальни. Каждый монах спит в маленькой келье, размером семь на четыре фута. Кровати грубые, деревянные, приподняты на два фута от пола, на каждой кровати соломенный матрац, одеяло и набитая соломой подушка. Комнатки голые, как тюремные камеры. Я выразил сочувствие трудной жизни трапписта, но священник повернул ко мне удивленное и негодующее лицо.

— Неужели вы думаете, — сказал он, — что удовольствия материального мира могут сравниться с радостью духовной жизни?

Я покинул монастырь до полудня с благословением доброго священника и мягкосердечного послушника. Они проводили меня до ворот и помахали вслед рукой. Мне жаль было оставлять их, но снова оказаться в миру было радостно. Хотелось бежать вприпрыжку.

Чуть дальше на дороге стоял местный «форд», который я нанял заранее.

— Добрый день, сэр. Как поладили с монахами? Я уж думал, вы там совсем останетесь.

По пути в Лисмор шофер рассказал мне о многих людях, которых он привозил в Меллерей.

— Среди них был один джентльмен, любитель выпить... ну, вы понимаете. У него уже и видения начались, а так он был хороший человек. Однажды его жена говорит священнику: «Отец, — говорит она, — если бы только я привезла его в Маунт-Меллерей, то, может, там бы его вылечили. Я бы все за это отдала». Священник пошел к аббату, и я привез его в монастырь. Он вошел туда тихий, как мышь, и монахи предложили ему стакан. Мы с его женой поехали назад, ненадолго задержались в Каппокуине, а, когда снова приехали в Лисмор, кого, думаете, мы увидели в баре отеля? Его самого! Стоит себе у прилавка и пьет из бутылки шампанское — празднует побег! Хотите верьте, хотите нет: он перелез через стену...

8

В маленьких деревнях юга непременно есть почтовое отделение, где вывешены плакаты с атлантическими лайнерами, весело прокладывающими себе путь к новому миру. Их можно считать символом трагедии Ирландии: о, эта необходимость отъезда людей с родины ради того, чтобы выжить. На плакатах все выглядит как приятное путешествие. Такое впечатление, что они советуют богатым людям совершить путешествие вокруг света и посмотреть на прославленные достопримечательности той или другой страны. Они обещают веселое времяпрепровождение,

танцы, а католикам — богослужение во время путешествия. Все выглядит весьма привлекательно.

Над этими плакатами в пыльных витринах вы заметите отличный товар всех маленьких ирландских магазинов — почтовые открытки.

Ирландские почтовые открытки бывают двух сортов — религиозные и светские. Есть такая открытка, которую турист покупает бог знает почему — наверное, желая убедить друзей, что он побывал в очень странной стране. На открытке яркими красками изображен стереотипный ирландец, ведущий себя так, как этого от него ожидают, и говорящий то, что ему надлежит (эти фразы заключены в маленькие кружки, исходящие из рта ирландца, так обычно рисуют карикатуры).

Любимый персонаж — человек с лицом мопса, во фраке, поношенных чулках, бриджах до колен, смешной шляпе. Он курит короткую глиняную трубку, крутит трость и расточает комплименты девушке с шалью на голове. Либо тот же герой на безвкусной машине мчится по камням, а испуганные туристы шарахаются от него в канаву. Или он стоит, прислонившись к свинарнику, либо собирается вступить с кем-то в драку. Последняя картинка — единственная, в которой можно найти хотя бы крупицу правды.

Интересно, думаю я, верят ли англичане в эти картинки? (Впрочем, возможно их и изготавливают в Англии?!)

Как же отличаются от них настоящие ирландские открытки! Они в высшей степени трогательны. Вы видите их в витринах маленьких деревенских магазинов, торгующих всякой всячиной; они лежат среди кружев и чулок у торговца мануфактурой; они сложены в стопки на длинных полках деревенских почтовых отделений. Их цель — порадовать сердце эмигранта.

Наивная сентиментальность и патетическая искренность открыток трогают сердце. Они почти

интимно заглядывают в домашнюю жизнь Ирландии.

Вот одна, изобильно украшенная веточками трилистника. На фоне красного заката, обрамленный кружком, стоит идиллический белый домик, а позади, среди полей, вздымается к небу круглая башня. Поля тоже идеализированы. Это не каменистая почва, прогнавшая эмигрантов в Нью-Йорк. Под открыткой подпись — «Милый дом». Открытка входит в серию под названием «Прекрасная родина». К открытке прикреплен маленький зеленый пакетик со словами: «Настоящие семена трилистника».

Полагаю, что тысячи таких открыток дарятся сыновьям и дочкам на день рождения, день святого Патрика, Рождество другие праздники. Возможно, что и в жилищах Нью-Йорка на подоконниках стоят горшки с посаженными в землю «настоящими семенами трилистника». Они прорастают, после чего их пересаживают в чужую землю, и взрослые растения символизируют родной дом.

Во всех этих открытках чувствуется страх, что эмигрант может позабыть Ирландию. Такое впечатление, что матери и отцы беспокоятся: а вдруг их Майк или Бриджит там, в Америке, утратит связь с домом.

«Не забывай место своего рождения» — строго предупреждает открытка, на которой изображен ирландский мостик в кружочке, много трилистника и, на наш взгляд, неправильно подвешенная лошадиная подкова. В Англии мы вешаем подковы концами вверх (чтобы не растерять удачу), но даже на стойлах ирландских конезаводов (а им-то уж точно требуется удача) подковы вешают концами вниз. К этой открытке также прикреплен пакетик с «настоящими семенами шемрока».

Трилистник в Америку посылают так часто, что время от времени во всех почтовых отделениях

вывешивают предупреждения, что, если шемрок пускает корни или «способен к размножению», американская таможня выбросит его в порту.

Плакаты, зазывающие в Америку, кажутся, в зависимости от вашего настроения, мрачными или патетичными. Какими же странными должны они казаться на деревенской улице в Уилтшире или Сомерсете! В крошечных деревнях, не отмеченных на карте, эти яркие постеры висят на стене почты или мануфактурного магазина, и человек с недоумением смотрит на плывущий по морю огромный лайнер.

Нет людей, более страстно привязанных к земле, чем ирландцы. Наши люди готовы на убийство ради женщин, а ирландцы совершают убийство за картофельный участок.

С изумлением подмечаешь в этой стране почти сумасшедшую отвагу и усердие людей, живущих на жалкий доход от клочка земли, который английский фермер никогда не взялся бы обрабатывать. И все же земля, которую они так любят, слишком бедна, чтобы прокормить большое семейство. Собираясь вокруг очага, над которым висят черные кастрюли, люди задаются вопросом: кто поедет в Америку?

Затем эмигрант устремляется в Корк. Семья воет, корабль отчаливает, а мать или сестра идет в магазин и долго выбирает почтовую открытку:

«Не забудь землю, на которой родился... пакетик настоящих семян шемрока».

Нет, на мой взгляд, ничего более трогательного, чем открытки в ирландской деревне.

Стоял жаркий солнечный день. На главной улице Корка у тележки с запряженным в нее ослом на полном

ходу отлетели колеса. Солнце щедро изливало лучи на смеющуюся оживленную толпу, так похожую на толпу в Севилье.

Не знаю другой страны, которая находила бы юмор там, где неживые предметы обнаруживают почти злобную неподатливость. В Англии авария на дороге — постыдное зрелище, дискредитирующее ее участников, а в Ирландии лишь смеются. В этом отражается разная жизненная философия. Возможно, только нации с глубоко духовным отношением к жизни могут смеяться над случайными неудачами в материальных делах. Или, возможно, человек здесь настраивается на поджидающую его неудачу, ибо в Ирландии, как и в Испании, никто и недели не проживет, не найдя религиозного объяснения любому досадному происшествию.

Старик, с которым произошла такая незадача на главной улице Корка, был, очевидно, популярным персонажем. Толпа его знала. По натуре он был актером, а потому, заметив, что происшествие вызвало всеобщий смех, не смог отказать себе в удовольствии сыграть перед столь большой аудиторией. По всей видимости, он решил извлечь из аварии все возможное. С идиотскими ужимками старик принялся бранить смиренного осла, чувствуя, что такое проявление эмоций еще больше насмешит народ. Он разыграл представление, которое вкуче с глупым спокойствием животного, принесло бы ему тридцать фунтов, если бы он повторил его на сцене английского мюзик-холла.

Корк — самый иностранный город, который я видел в Ирландии. И дело тут не во внешнем облике, а в атмосфере. Я удивился, услышав, что люди здесь говорят на правильном английском языке. По моим ощущениям, Корк такой город, где в летний день раскрывают яркие полосатые зонты, чтобы приезжие попивали в тени гренадин.

В 1920 году в разгар «беспорядков» половину Корка сожгли дотла. Жаль, что Корк не перестроил улицы в соответствии с характером своих горожан.

Корк — столица Манстера, и, если что-либо случится с Дублином, именно он станет главным городом Свободного государства. Стоит он на острове посреди реки Ли. Знающий человек рассказал мне, откуда произошло название города. Дело, мол, в том, что он, словно пробка, плавает на воде. Тем не менее слово это ирландское и означает «болото».

В Ирландии думают, что житель Корка сделает состояние там, где любой другой человек обратится за сторонней помощью. Доказано: горожане Корка отличаются от людей, проживающих в других частях Ирландии. Они, как и дублинцы, придерживаются аристократических традиций. Это клановое общество. Браки столетиями заключали в родных стенах, поэтому в городе царит семейная атмосфера. Неудивительно, что, когда человек из Корка открывает бизнес, скажем, в Дублине, другие жители Корка, словно по волшебству, оказываются в его фирме.

Еще в восемнадцатом веке Корк обращал на себя внимание прекрасным языком его жителей, и эта речь сохранилась до наших времен. Говорят здесь быстро, с музыкальным валлийским акцентом. (Или, может, это у валлийцев акцент горожан Корка?)

В Корке допоздна сочиняют эпиграммы, видно, поэтому на следующее утро магазины открываются не раньше половины десятого.

По широким улицам и красивым набережным Корка толпы ходят чуточку быстрее, чем в других ирландских городах. Среди гуляк попадаются женщины, замотанные в черные шали. Это напомнило мне ланкаширских работниц. На них сразу обращаешь внимание, как и на женщин в парандже на улицах Каира.

Волосы некоторых женщин темны, как и их шали. Они чудесно бы выглядели в ярких мантильях и с высокими гребнями в прическах. Говорят, что на севере и юге Ирландии в жилах людей течет испанская кровь. Это отголосок тех времен, когда Корк на юге и Голуэй на западе являлись важными центрами, торгующими испанским вином.

Появлению в городе самой современной торговой улицы Ирландии Корк обязан трагедии «беспорядков». Сгоревшая в 1920 году улица Святого Патрика ныне восстановлена. Улица Графтон-стрит в Дублине — это Бонд-стрит Ирландии. Улица Святого Патрика в Корке — это Риджент-стрит.

Существуют определенные поступки, которые в исторических городах никто, кроме туристов, делать не станет. Местные жители смотрят на них в этом случае как на полоумных. В Корке вам надлежит поцеловать камень Бларни и послушать Шендонские колокола.

Когда я встал под красноватой колокольней Шендонской церкви, звонаря еще не было, и меня окружила возбужденная толпа, состоявшая из женщин в черных шляхах и босоногих детей. Все они очень хотели, чтобы я немедленно послушал колокола. Самой услужливой среди них оказалась некая миссис Дрисколл, благодаря энергии которой я в конце концов обнаружил мистера Альберта Веллингтона Мередита, звонаря Шендона. «Единственный Мередит в Корке, сэр» — обладатель как исторического, так и политического имени.

Мы поднялись на звонницу, там свисали веревки восьми колоколов. Раскачивая тело вперед и назад, мистер Альберт Веллингтон Мередит вызвонил мелодию «Сына менестреля», как настоящий виртуоз.

Звон Шендонских колоколов, согласно знаменитым словам отца Праута, «плывет величественно... над полной речкой Ли»^[11]. И Корк, должно быть, знает эти

слова наизусть! Каждый раз, когда любопытный турист входит в помещение звонницы, мистер Альберт Веллингтон Мередит устраивает городу концерт. Он делает это двадцать девять лет. Мередит сказал, что летом, когда американцы мчатся через Корк по пути в Килларни, колокола Шендона звонят весь день.

Мы прослушали «День святого Патрика», «Арфа мощного Тары...», «Гарриуэн» и свадебный перезвон.

Я посмотрел в окно и увидел внизу босоногих детей, изумленно обрадованных тому, что туристский сезон открылся так рано.

Мистер Альберт Веллингтон Мередит в силу привычки предложил сыграть для меня некоторые американские мелодии, но мне показалось, что Корк уже достаточно наслушался колокольного звона.

Мы поговорили о супруге правящей королевы, и о железном герцоге Веллингтоне, и о британском флоте, в котором в 1877 году служил мистер Мередит. Он рассказал, как поступил на судно «Ривендж» в Куинстауне, как объездил весь мир. В Китае их выбросило на мель, и его подобрала на «Корморант», который случайно проходило мимо...

Внизу шумела толпа детей. Ничего не оставалось, как выбросить горсть мелочи. Дети быстро подобрали монеты и разбежались.

10

Самое печальное место в Ирландии находится в нескольких милях от Корка. Это — порт Куинстаун, известный еще как Коб. Мне не довелось увидеть, как стоящий на глубине недалеко от берега атлантический лайнер дожидается посыльного судна с молодежью, покидающей родину. Тем не менее это характерная черта Куинстауна.

Это место слышало и будет долго слышать стон матерей, оплакивающих своих детей, словно покойников. Говорят, за последние двадцать пять лет около семисот пятидесяти тысяч молодых ирландцев покинули страну из этого порта. Куинстаун — незаживающая рана. Отсюда постоянно струится поток молодой ирландской крови.

Из того, что я слышал, отправление эмигрантского корабля из Куинстауна не сильно изменилось с тех пор, как об этом почти сто лет назад написали мистер и миссис Холл в увесистой книге «Ирландия»:

В июне мы стояли на набережной Корка и видели, как эмигранты садятся на пароход, отправляющийся в Фалмут, чтобы плыть в Австралию. Было их около двухсот человек, и огромная толпа собралась проститься с ними. Трогательная сцена. Трудно смотреть на это без сердечной боли и слез. Матери висели на шеях крепких сыновей; юные девушки прижимались к старшим сестрам; отцы, старые седовласые мужчины, падали на колени и простирали руки к небу, прося у Бога защиты для уезжающих детей: «Ох, — воскликнула одна пожилая женщина, — без тебя у меня ничего больше в жизни не останется! Ты все, что у меня было! Из семи сыновей оставался лишь ты! Ох, Деннис, Деннис, не забывай о своей матери, своей бедной, старой матери, Деннис!» И Деннис, молодой человек, хотя и с сединой в волосах, подхватил упавшую в обморок мать и посадил ее в тележку, привезшую к пристани его багаж. Затем поцеловал рыдающую молодую женщину, прислонившуюся к лошади, и сказал: «Ты, Пегги, с этого дня будешь ей дочерью, а я вызову вас к себе в следующем году, и мы будем вместе».

Когда мы снова посмотрели в ту сторону, молодой человек уже ушел, а Пегги обняла старую женщину. Другая девушка подносила к ее губам щербатую чашку.

Среди гвалта и шума огромная масса людей, толкая друг друга, двигалась к месту отплытия. Казалось, перед нами плещется беспокойное море. Мы были свидетелями многих печальных эпизодов. Мужчины, среди них и старики, обнимали друг друга и плакали, как дети. Некоторые люди прижимали к груди маленькие реликвии родного дома — пучок таволги или ветку боярышника, нежные цветы которого и зеленая листва уже слегка завяли.

Невозможно описать последнее расставание. Стоны, молитвы, благословения и причитания соединились в один крик, исторгнутый из груди людей, собравшихся на набережной, и тех, что поднялись на борт корабля. Оркестр, стоящий на полубаке, грянул «День святого Патрика». «Выбей мозги из большого барабана, а то мы оглохнем от женских криков», — сказал барабанщику один из матросов...

Думаю, самое пронзительное описание отъезда молодого ирландца с сестрой в Америку передано в рассказе «Отъезд в ссылку» писателя Лиамы О'Флаэрти. Рассказ включен в сборник «Весенний сев». В нем описывается вечеринка с танцами, а фоном служит грусть от грядущего расставания:

Отец вошел в комнату в своей лучшей одежде. На нем был новый шерстяной жилет — спереди черный с серым, сзади белый. В одной руке он держал мягкую фетровую шляпу, а в другой — бутылку со святой водой. Он кашлянул,

тронул сына за плечо и сказал слабым, мягким голосом, какого раньше никто не слышал: «Что ж, пора».

Мэри и Майкл поднялись. Отец сбрызнул их святой водой, и они перекрестились. Затем, не глядя на мать, лежавшую в кресле со сцепленными на коленях руками и молча, без слез, уставившуюся в пол, все вышли из комнаты. Торопливо чмокнули маленького Томаса (он не должен был ехать в Килмурраджд) и, взявшись за руки, покинули дом. Выходя из дверей, Майкл отщипнул со стены кусочек штукатурки и положил ее в карман...

11

Когда я спросил в отеле *drisheen*, служащие подумали, что я хочу пошутить. Они отнеслись ко мне с той снобистской ухмылкой, с какой в «Ритце» отнеслись бы к человеку, спросившему черный пудинг или фунт требухи. Я, однако, настаивал, поэтому они пообещали послать человека, чтобы тот купил мне его на завтрак.

Этот *drisheen*, похожий на большую ядовитую змею, — уроженец Корка, хотя его и повторяют с некоторыми вариациями в других районах Ирландии. Коренные жители Корка, уезжая по делам, часто берут с собой ярд дришина, чтобы порадовать менее просвещенные города и заявить о приоритете Корка в приготовлении блюда, которым гордятся все ирландцы. Если увидите в Уотерфорде, Уэксфорде, Голуэе, Дублине или Лимерике человека, уплетающего то, что похоже на шоколадного питона, можете быть уверены: этот человек приехал из Корка.

Этот продукт — разновидность колбасы, приготовленной, как я понимаю, в основном из овечьей

крови и молока. Это ирландский кузен пудинга Бери. Ревнивые дублинцы говорят, будто он жжет горло. Они морщатся, когда говорят об этой колбасе, так же, как люди, рассуждающие о сыре стилтон и хаггисе. Но дришин выше всех этих мелких нападок: его можно назвать икрой Корка.

«Двенадцать лет назад я женился на английской девушке. Теперь мы живем в Лондоне, — рассказывал мне урожденный житель Корка. — Когда я тяжело заболел инфлюэнцей, друзья прислали мне из Корка дришин. Это первое, что врачи Корка дают тяжело больному, потому что наша колбаса — самая питательная и хорошо усваиваемая еда. Жена никогда дришин не видела, и, когда открыла коробку, колбаса вдруг вытянулась в длину. Жена вскрикнула и выронила дришин: она подумала, что это змея...»

Мне принесли на тарелке вареную колбасу. В нарезанном виде она похожа на твердое шоколадное бланманже. В своем энтузиазме они переусердствовали и облили колбасу распущенным маслом, но я инстинктивно почувствовал, что настоящие любители дришина этого никогда не делают. Это особенное, тонкое блюдо, приятное, где-то даже женственное.

Я бы предпочел его в жареном виде.

12

Поцеловать камень Бларни — дело трудное и не особенно приятное. Непонятно, почему поколения путешественников делают это, и еще непонятнее, почему именно этот камень, возвышающийся над землей на 150 футов, обрел мировую славу.

Толковый словарь объясняет, что глагол «бларни» означает «подольщаться, улаживать красноречивыми словами, убаюкивать приятным разговором». Когда

лифтер в отеле узнал, что я поцеловал камень Бларни, он с улыбкой сказал:

— О, сэ, теперь все молодые женщины будут ваши.

Согласно циничному местному поверью, камень Бларни дает человеку дар красноречия, перед которым не сможет устоять ни одна женщина. Я не могу в это поверить. В качестве смиренного исследователя человеческой натуры я заметил, что женщины наслаждаются лживыми уверениями и иногда даже требуют их, хотя прекрасно видят, что они, словно скалы в море, выпирают из речи мужчин. И все же влияние лести на отношения полов — плодотворный и неизученный предмет.

У меня на этот счет не сформировалось никакой теории.

Деревня Бларни находится в пяти милях к северо-западу от Корка.

Посреди красивого леса поднимаются руины замка Бларни, над ними орут грачи, камни обросли мхом, в темницах зеленая слизь. Бларни — третий замок, построенный на этом месте. Первым было деревянное строение, сооруженное в стародавние времена Дермотом Маккарти, королем Южного Мунстера. Второй замок возвели около 1200 года, а нынешний, существующий в виде развалин, построили в правление королевы Елизаветы. Он был самым крепким замком в этой части Ирландии. Жили в нем представители младшей ветви Маккарти — лорды Маскери, бароны Бларни и графы Кланкарти.

По слухам, слово «бларни» появилось в языке, когда Елизавета приказала Дермоту Маккарти в качестве доказательства преданности королеве сдать замок. Он сказал, что с радостью это сделает, но каждый раз в последний момент что-то происходило, и сдача откладывалась. Его извинения стали столь частыми и были такими витиеватыми, что лорд Джордж Кэрю,

требовавший сдачи замка от имени королевы, сделался объектом шуток у придворных.

Королева Елизавета будто бы сказала, вновь выслушав извинения Маккарти: «Это все сплошное бларни! Он не сделает того, что обещает».

Было так или нет, но термин «бларни» вошел в английский язык и означает лживые льстивые речи.

Первый вопрос, который вы задаете, входя в замок: «Где камень Бларни?»

Смотритель указывает пальцем на главную башню, и вы видите с внешней стороны стены, на высоте 150 футов от земли, большой коричневый камень. Ваш энтузиазм начинает ослабевать! И все же вы поднимаетесь по винтовой лестнице.

В былые времена люди, целовавшие камень Бларни, подвешивались за пятки на краю парапета. Однажды пилигрим сорвался и упал вниз. С тех пор к камню подбираются другим способом.

Вы садитесь спиной к пропасти. Гид усаживается вам на ноги, держит вас за ступни, просит отклониться назад и взяться за железные поручни. После этого вы распластываетесь над пропастью, приготовившись к встрече с вечностью. Извиваясь, опускаетесь (при этом закрываете глаза, чтобы убрать из поля зрения отдаленный перевернутый пейзаж) и дотягиваетесь до основания камня. Сделав свое дело, приподнимаетесь над бездной и кричите: «Вы уверены, что удержите меня?» Наконец садитесь и говорите: «Все, я сделал это!»

Откуда взялся этот обычай?

Никто не знает. Ответ на этот вопрос в момент вдохновения может сочинить смотритель, обладающий знанием психологии. В восемнадцатом веке камень Бларни никто не целовал.

С тех пор, я думаю, здесь перебивало много камней Бларни. До сих пор спорят о том, где находился

первоначальный камень. Некоторые утверждают, будто он стоял в двадцати футах от вершины башни, с южной стороны, и в камне была высечена надпись: «Сормас McCarthy fortis mi fieri fecit. A. D. 1446». Другие говорят, будто в настоящем камне есть трилистник, и о месте, где тот камень находится, известно немногим. Неприятно услышать все это после того, как вы совершили свой подвиг!

Спустившись по винтовой лестнице, вы спрашиваете гида: «А что сделает для меня камень Бларни?»

Со скучающим видом человека, уставшего отвечать на один и тот же вопрос, гид произносит слова отца Праута:

Там камень лежит;
Коль его поцелуешь —
Даром тебя ублажит:
Станешь речистым
Пуще Нечистого,
И знатная дама
Уже в предвкушеньи дрожит.

Вы задумчиво идете прочь, успокаивая себя мыслью, что все это — сплошное бларни!

13

Я поехал по западной дороге в Керри через Макрум. В Кенмэре на улицах встречалось множество черных коров. День обещал быть хорошим.

Кенмэр — типичный южноирландский городок. Это вы поймете, поездив день по здешним дорогам. Приятное место на берегу реки. Улицы длинные и

широкие, магазины маленькие и скучные, однако хорошая погода вносит в них жизнь и краски.

Меня вдохновила атмосфера домашней суеты, и я решил купить отрез на редкость привлекательного твида, который изготавливают в здешних местах. Выбрал ткань цвета овсянки. Затем я сделал нечто более трудное: вошел в монастырь Бедной Клары, где мать-настоятельница любезно помогла мне выбрать изысканные кружева, плетению которых монахини обучают дочерей Керри.

Но Кенмэр прежде всего запомнится мне своими шляпами. Кто может забыть старые шляпы Ирландии?! Это неотъемлемая черта ландшафта. Если каждому сельскому жителю выдать новую шляпу, Ирландия почувствует себя неловко и утратит свою самобытность.

Я говорю о столетнем котелке, предмете античного величия, пережившем времена бури и натиска. За ним стоит большой опыт с утратой иллюзий и грузом прожитых лет, тем не менее он легок и воздушен, словно готовый рассыпаться гриб-дождевик.

Вот она, бесформенная масса из поношенного фетра с уплощенным краем и не знавшей ленты лысой тульей, залихватски заломленная над дерзкой физиономией. Лицо это красного цвета, с носом-картошкой, светлыми, внимательными глазами и забавным маленьким ртом. Казалось, человек прежде пробует слова на вкус, а уж потом выпускает их наружу.

Пожалуй, мне удалось увидеть самую старую ирландскую шляпу. Носил ее очень старый человек, однако древний котелок скинул ему годы и превратил едва ли не в мальчишку. Невозможно поверить, что этот головной убор когда-то был совсем новеньким и ожидал покупателя в витрине магазина. Первоначальный цвет шляпы был торжественно зеленым. Ныне, благодаря вмятинам и следам былых повреждений, шляпа полностью утратила форму котелка. Она была такой

старой, что казалась новой и оригинальной. Я почувствовал, что все остальные котелки Ирландии должны почтительно склониться перед этим патриархом. Совершенно невероятно, чтобы где-нибудь в Ирландии нашелся претендент на столь фантастически древний трон.

Я с интересом и уважением смотрел на старого хулигана, на голове которого сидела эта шляпа. Казалось, он носит на себе всю историю Ирландии. Когда король принимает корону, появившуюся всего лишь во времена Реставрации, то, хотя она и украшена более старыми камнями, символом нации ее не назовешь. То ли дело котелок Кенмэра!

В Ирландии носят и мягкую шляпу. Она прожила так долго и ярко, что первоначальная форма затерялась в дымке времени. Ее можно надеть задом наперед, или набок — никто ничего не заметит, потому что, с какой стороны ни посмотри, она напоминает грязный фетровый пудинг, вылитый на голову владельца. Поношенный котелок говорит вам о человеке, имевшем профессию, но опустившемся по причине пьянства. («Вы не поверите, что он когда-то был великим врачом, правда?») А вот рваная фетровая шляпа — признак бездельника, о благополучной судьбе которого не идет и речи.

Обожаю старые шляпы. Мужчины всегда меня хвалили, а женщины упрекали за то, что я слишком долго ношу одну и ту же шляпу, но до ирландцев мне далеко. Я смотрю на них с восхищением и завистью. Знаю, что никогда у меня не будет такой же старой шляпы, даже если я очень постараюсь: стану выставлять ее на ночь на улицу, топтать ногами или сбрасывать с высокой лестницы. Моя шляпа будет выглядеть просто поношенной, быстро перейдет границу между удобной и той, которую невозможно носить. У нее никогда не будет

достойного и индивидуального вида, какой я встречаю в Ирландии.

Старая шляпа — удивительная вещь. Она поразительным образом вбирает в себя характер и даже внешность ее обладателя. Вам стоит лишь взглянуть на висящую на крючке старую шляпу, чтобы понять, чья она. Часто думаю, что, если бы расположенная ко мне женщина попросила меня оставить ей что-то на память, чтобы во время моего отсутствия этот предмет живо напоминал бы ей обо мне, я дал бы ей самую старую свою шляпу.

Но в Ирландии старые шляпы обладают столь мощной индивидуальностью, что вдова, глядя на шляпу покойного мужа, не может поверить, что он оставил ее навсегда. Эти шляпы разве только говорить не умеют.

Итак, я с глубоким уважением снимаю шляпу перед могучим ветераном, отцом всех шляп, котелком Кенмэра.

Глава шестая

Языческая магия Керри

Я рассказываю о языческой музыке Керри, исследую дом в руинах, предаюсь размышлениям на стене свинарника Пэта Фланнигана, наблюдаю за «ярмаркой» и пью опасный напиток — ирландский самогон.

1

Керри — магический уголок Ирландии. Как на острове Скай вы ждете, что в темноте из-за любого валуна выскочит что-то ужасное, так и в Керри вам кажется, что в горах на вас в любой момент может быть совершенно нападение. Проведите хотя бы день в Керри, в одиночестве, в стороне от дорог, круто спускающихся к морю, и тогда поймете, почему ирландцы, живущие в глухих местах, верят в колдунов и неземных существ.

Деревни в Керри бедные и маленькие, многие к тому же грязные. В городках не заметно никакой социальной жизни. Нет книжных магазинов. Нет учреждений, и библиотек тоже нет. Похоже, что и общественный настрой отсутствует. Бывают дни, когда кажется, что в городки пришла смерть. Чудится, что их поразила чума. Улицы пусты. Владельцы маленьких убогих лавчонок безучастно стоят на пороге. Несколько бездельников маячат на углу с прутьями, вырезанными из ограда. Кажется, что они потеряли стадо коров. Безжизненность стагнирующих городов производит подчас ужасное впечатление. Однако в некоторых местах — в Англии городки такого размера могут обеспечить скудное

существование лишь трем стряпчим — имеется своего рода юридический квартал, маленький Темпл, чьи медные таблички, сияя, подтверждают неуживчивость ирландского фермера. Эти города живы судебными тяжбами!

Время от времени из магазина выходит человек и медленно пересекает пустую главную улицу. Мне сказали, что он — местный Мидас: у мистера Мэлони в банке двадцать тысяч фунтов. Деньги лежат там мертвым грузом. Инвестировать их мистер Мэлони не собирается. Ему и в голову не приходит сделать что-то для оживления или улучшения жизни в городе. Церковные колокола исправно отбивают время.

Во многих отдаленных шотландских городах и деревнях всегда найдется более или менее разговорчивый старичок, который, если ему поднесут стаканчик виски, расскажет вам, как он почти изобрел то-то и то-то, и это изобретение сделало бы ему состояние, но — увы! — как только он его собрался запатентовать, кто-то другой опередил его и снял сливки! В отдаленных ирландских городках его «коллега» специализируется в генеалогии. За кружкой портера он расскажет вам все о местных предках. Он стоит в пивной Майка Финнигана и размышляет о родословных. Он знает все о каждом.

— Видите вон того человека? — спрашивает он, наполовину развернувшись от стойки бара и указывая трубкой на мужчину на улице. — Это Пэдди Миллиган, он ворует овец!

— Что? — изумляетесь вы. — Он ворует овец?

Лицо собеседника мрачнеет, и он торжественно заявляет:

— Ну конечно, ведь его деда повесили за кражу овцы!

Его деда! Вы едва удерживаетесь от смеха. Только потому, что несколько поколений назад предка человека

варварски повесили за кражу, его потомок обречен ходить по улицам современной Ирландии с клеймом вора! Интересно, сколько бед в Ирландии произошло из-за того, что люди смотрят в прошлое, а не в будущее, либо не желают забыть старых обид и сыплют соль на раны. Патриот скажет, возможно, что у Ирландии никогда не было ничего, что давало бы ей возможность смотреть вперед, и поэтому стране ничто не остается, как оглядываться назад. Верно ли это? Такая привычка жить в прошлом свойственна гэльскому уму. У горных шотландцев это проявляется особенно ярко. И такой настрой всегда сопровождает страсть к генеалогии.

Даже в наше время в Керри уважают носителей благородных имен, — пишет Падрейк Колум в «Дороге вокруг Ирландии». — Владельцы магазинов в маленьких городах — даже они — благоговеют перед ними. Человека въезжающего в город на осле, с уважением примет владелец магазина, который мог бы дать приданое в тысячу фунтов его дочерям. Этот приезжий — представитель старых родов, О'Салливан или Макгилликади, и у него манеры, осанка и hauteur^[12] аристократа.

Однажды вечером на дороге я разговаривал со стариком-пенсионером, выезжавшим из города в тележке, запряженной ослом. К нам подошел молодой человек. «Он принадлежит к одной из старинных фамилий», — с придыханием сказал юноша о старике. «Совершенная правда, — подтвердил пенсионер. — Я из старой породы и могу проследить генеалогию своего рода за триста лет, и даже дальше. Шеймус Уа Монгейн — так звучит мое имя на ирландском языке».

Пропасти в горах заполняются голубыми тенями. Перед самым заходом солнца наступает тишина, в воздухе чувствуется волнение, даже птицы не поют, ничто не шевелится, только облака меняют цвет, и ветер стонет среди камней. Даже приезжему и иностранцу кажется, что весь мир ждет звука горнов, которые потрясут тишину, и с гор спустятся старые боги Ирландии.

Хотя в деревне колокол может звонить «Ангелус», вечерняя печаль в горах — языческая печаль — струится из-под корней национального сознания. Вы смотрите на камни. У них странная форма — в сумерках они похожи на лежащих мужчин, — и вы думаете, что если бы сейчас кто-то произнес волшебное слово, камни бы зашевелились, тяжело поднялись и пошли бы, вооруженные копьями. Люди узнали бы в них Кухулина, героев Красной ветви, Фергуса Мак Ройга, Келтхаира и трех великих сыновей Усны.

Внизу в темнеющем городе нет ничего, лишь звонит колокол часовни. И делать нечего, остается только пить, смотреть на языческие горы и погружаться мыслями в прошлое.

2

День за днем ходил я среди руин большого дома возле дороги. Вокруг было тихо и таинственно. Сорняки задавили сад, но розы все еще цвели. Все, что я знал о большом доме, — то, что во время «беспорядков» владельцев отсюда прогнали, а нерегулярные войска сожгли дом. Неподалеку, в кустах, я обнаружил руины старинной стены и башни — все, что осталось от крепости. Судя по всему, это место было обитаемым несколько столетий.

Мертвый дом заинтересовал меня. Я бродил здесь, оглядывая закопченные стены и вылинявшие обои, на которых заметны были места, где когда-то висели картины. Я видел зияющие оконные проемы, двери, которые никуда не вели, заканчивавшиеся в воздухе ступени. Интересно, что за люди здесь жили и что они сделали, чтобы заслужить это?

Я задавал вопросы и постепенно, по кусочкам, складывал историю дома. В рассказе об этой земле была и история Ирландии.

Когда в 1171 году Генрих II стал отсутствующим ирландским землевладельцем, он оставил здесь управляющим норманнского барона (валлийца по материнской линии, как и многие первоначальные захватчики). Стоящая в кустарнике стена толщиной в шесть футов — вот и все, что напоминает сейчас о замке, построенном этим человеком.

Эта норманнская семья поселилась здесь и если бы не вступила в спор с идеей об английском правлении, то могла бы давным-давно решить пресловутый «ирландский вопрос». Сменилось несколько поколений, и семейство сделалось совсем ирландским. Они говорили по-ирландски, вступали в брак с ирландцами и ирландками, соблюдали брегонские законы (кельтское обычное право), приняли ирландскую систему воспитания чужого ребенка и изменили свою фамилию, став Макферрисами. Вестминстеру очень не нравился союз англичан и ирландцев. Такие семьи назывались «выродившимися английскими». В 1367 году был принят Статут Килкенни. Согласно этому закону, англичанам под страхом обвинения в государственной измене запрещалось жениться или выходить замуж за ирландцев, говорить по-ирландски, носить ирландскую одежду и перенимать обычаи ирландцев. Семье Макферрис, однако, удалось пережить бури трех столетий, пока яркий свет зарева в небе не объявил о

появлении Кромвеля и начале войны на уничтожение. Макферрисы переселились в горы. Это произошло в 1653 году.

Новым владельцем имения стал один из пуританских последователей Кромвеля, солдат по имени Бакли. Он взял участок Макферрисов, построил себе дом и прижился на этой земле. Бури эпохи Стюартов он перенес столь же успешно, как пережил времена Плантагенетов его предшественник.

В век Георга семья Бакли позабыла о скромном солдате Кромвеля. Ныне это были знатные джентльмены с картинами Гейнсборо и Ромни на стенах дома, хорошим вином в подвале и с конюшней, где стояли породистые лошади. Дом их предков превратился в особняк с портиком, поддерживаемым коринфскими колоннами. По сравнению с соседями, землевладельцами они были хорошими и популярными. Бывало, они надолго уезжали в Англию, и им туда пересылали ренту. Процесс превращения в ирландцев, за который при Плантагенетах жестоко карали, стал теперь модным явлением. В Англии на Бакли смотрели, как на очаровательных ирландцев. От них ожидали забавных поступков и рассуждений, приперченных сумасшедшинкой. Но они не умели говорить по-гэльски и были убежденными протестантами. (Когда они возвращались в Ирландию, все считали их англичанами.)

Своих сыновей они посылали в армию и в церковь. Один Бакли отличился в Крыму. Другой сделался английским епископом. В правление Виктории — славное и благополучное время для Англии и жалкое и голодное для Ирландии — Бакли услышали первые слабые звуки приближающегося бунта. Они участвовали в англо-бурской войне, и один из Бакли командовал английским добровольческим подразделением во время войны с Германией

В 1922 году полковник Бакли приехал сюда для встречи с агентом. Оказалось, что предупреждения фениев не зря звучали при жизни его прадеда и деда. По Ирландии словно шторм пронесся. Молодой управляющий в поместье Бакли, похоже, был членом тайного общества. Бакли увидел на стенах сделанные мелом надписи. Арендаторы походили на шпионов. Однажды вечером, когда в большом георгианском зале он сидел за обеденным столом, возможно, поздравляя себя с тем, что хорошие поступки его предков сохранили ему ирландское наследство, послышался топот, и в зал вошел добровольческий отряд — крепкие молодые люди в надвинутых на глаза шапках. Бакли успел заметить среди них сыновей своих арендаторов.

— У тебя есть четки? — спросил один из них по привычке, а потом, вспомнив, что полковник — протестант, мрачно улыбнулся и сказал: — Пошли на вершину.

Бакли, как и большинство неудачливых англо-ирландцев мог поглупеть, но струсить — никогда! Полковник понял, что его сейчас убьют, понял и то, что спорить бесполезно. Попросил разрешения найти шляпу. Его довели в темноте до вершины горы. Дюжий парень встал рядом с ним.

— Кому принадлежит это поместье, полковник Бакли? — спросил он.

— Оно принадлежит мне, — ответил полковник.

— В самом деле? — В голосе парня слышался сарказм. — Присмотрись-ка ко мне, пока у тебя есть время! Это имение принадлежало мне, прежде чем ты явился сюда со своим Кромвелем. Меня зовут Макферрис! А теперь — на колени!

Но полковнику повезло. В последний момент Макферриса и его спутников спугнула группа скаутов Свободного государства, и они бежали, оставив коленопреклоненным пожилого англо-ирландца. Он и

понятия не имел о том, что когда-то солдаты Кромвеля сражались с Плтагенетами. Полковник встал, посмотрел с вершины вниз и увидел, что его дом горит. В этот миг он поклялся, что никогда больше не ступит на ирландскую землю, и сдержал свое слово. Он вернулся в английский соборный город.

Итак, день за днем я хожу на руины дома. Есть что-то неуловимое, сродни греческой трагедии, в истории Макферриса, который был, возможно, работником на ферме. Ненависть, копившаяся в его роду несколько столетий, выразилась в кратком мгновении, когда он наставил на обидчика пистолет. Если эта долгая память не национализм, тогда что?

Нет в Ирландии ни одного большого поместья, ставшего собственностью солдата, пришедшего с Кромвелем, которое не сохранило бы в памяти народа прежнего владельца. Возможно, это был легендарный персонаж или тот, кто «ушел жить в горы», однако он не забыт.

Все это доказывает, что в Ирландии нет древней истории: вся история современна.

3

Есть признак, по которому заметно, что писателю начинает нравиться Ирландия: он прекращает писать. Есть и другой: он исчезает из вида. Происходит это чаще всего, когда писатель попадает в Керри.

Его знакомые, живущие в Англии, проявляют беспокойство и шлют письма. Письма возвращаются. Люди злятся, строчат телеграммы. Телеграммы не находят адресата. И все это время человек, который должен бы работать, сидит, погрузившись в восточную летаргию, на стене свинарника Пэта Фланнигана и курит трубку.

Никому в Англии не дано понять состояние осознания тщетности усилий, которое наваливается на человека в Ирландии, хотя то, что католическая церковь называет «проверкой совести» — чрезвычайно тяжелое занятие. Есть что-то такое в воздухе Ирландии — то, что поднимается с торфяных болот или падает с гор. Это «что-то» погружает душу в спокойствие, которое философ, возможно, назовет «переоценкой ценностей». Иногда это приятная меланхолия, или человек впадает в спокойную отстраненность. Теперь я понял: пока вы этого не испытаете, и не надейтесь, что узнаете Ирландию.

Целую неделю я просидел на стене свинарника: признавался старой свинье Пэта Фланнигана в грехах и глупостях, совершенных за всю свою жизнь. Свинья была опытной мамашей и, видно, потому сочувственно меня выслушивала. К тому моменту она произвела на свет девятерых детей. Цвет поросят напоминал мне вареных креветок, а размер — фокстерьеров.

Зачарованные горы Керри тянутся к небу фантастическими хребтами, большие желтые облака мягко наплывают на них, а вечернее солнце окрашивает их в цвет пурпура. В долине изгибается белая дорога, за яркими полями с пшеницей и овощами, в шахматном порядке карабкающимися по горным склонам, виднеются необработанные участки с серыми камнями, выглядывающими из травы.

По дороге изредка проезжают телеги с впряженными в них осликами. Опираясь на палки, ковыляют старики и старухи, закутанные в черные шали. Иногда проходит бродяга в невероятно потрепанной одежде. Я смотрю на него и думаю: уж не забытый ли он всеми писатель, приехавший несколько лет назад в Ирландию, чтобы написать книгу об этой стране?

И вся эта сцена — зеленые горы, белые дороги, желтые облака — вырисовывается с четкостью граней драгоценного камня и завладевает моим вниманием без остатка.

Пока я сидел на стене, ко мне подъехал Майк О'Брайен. Он доставляет почту, объезжая горную местность на велосипеде.

— У вас, должно быть, черт знает сколько друзей. Я чуть спину не сломал, пока вез все эти письма.

И он отдал мне пачку писем, переправленных из Лондона.

— Майк, — сказал я, — какая тут у вас пыльная дорога.

— Пыль у нас с самого Всемирного потопа, — согласился Майк.

— А это значит, что нелишне было бы пропустить кружку портера.

— Верно, — ответил Майк.

Мы покинули свинарник и вошли в темный, мрачный, пахнущий дрожжами винный магазин. Такие магазины по всей Ирландии работают и как питейные заведения. Почему Ирландия, самая дружелюбная, самая словоохотливая и самая компанейская страна, не завела у себя очаровательные кабаки, такие, какие на протяжении веков были и остаются знаменитой достопримечательностью Англии, — этого я никак не возьму в толк.

На прилавке спала кошка. Продавец с лицом поросенка, у которого в процессе копчения кожа обрела цвет испорченного лимона, а в ушах запеклась соль, косо взглянул на нас из-за бочонка. Мне стало нехорошо от запаха пролитого пива и плохого табака.

— Майк, мне нужно поработать.

— Вот как? — Майк из вежливости изобразил интерес.

— Возможно, ты этого и не знаешь, но ты явился ко мне, как посланец из другого мира, и эти письма напомнили мне о моем долге. Я вдруг вспомнил, что собирался написать книгу об Ирландии. Боюсь, что так ее и не напишу.

— Ну и что такого! — Майк вдруг забыл о вежливости. — Да кому захочется ее читать?

— Вот и у меня такое же чувство! Это Ирландия так на меня подействовала. А в самом деле, может, кому и захочется!

— Вы когда-нибудь слышали историю о тигре, который умер у циркача Даффи? — спросил Майк.

Коренастая фигура в синей форме вдруг обрела важность. Забавный рассказ в Ирландии так же важен, как корпоративное собрание в Англии. И в этом, подумал я, вся суть. Не успеет человек напомнить себе о своем долге, как эта чертовски вкрадчивая страна берет его под локоток и рассказывает анекдот, и все благие намерения выскакивают из головы...

— Погодите, я вам расскажу, — сказал Майк. — Когда тигр умер, Даффи не знал, что делать. «Все пропало, — сказал он, — я не смогу открыть цирк без тигра!» «Я скажу тебе, что делать», — говорит ему Пэт Демпси. Он приехал из Корка и был способен на всякие хитрости и обман. «Что помешает мне стать тигром, — говорит он, — надену на себя его шкуру, выпью стаканчик виски и зарычу. Буду не хуже твоего тигра», — говорит он. Послушайте, что было дальше...

Пэт снял с тигра шкуру и надел ее на себя. Когда началось представление, все сказали, что такого рева еще не слышали. Можете мне поверить: я сам там был и видел все своими глазами. Пэт был настоящим дьяволом в тигровой шкуре! Послушайте, это еще не все.

Майк поднял стакан, выпил и утер рот рукой. Придвинулся поближе, не спуская с меня веселых глаз:

— Пока он так рычал и делал вид, что хочет выскочить из клетки и добраться до зрителей, маленькая дверь отворилась, и кто, как вы думаете, вошел в клетку? Спокойно и непринужденно, но очень грозно. Это был лев! Пэт глянул на него и понял, что настал его последний час! Лев рыкнул и пошел по клетке, стуча хвостом по земле. Пэт тут же протрезвел и взмолился: «Ради бога, Майк, выпусти меня отсюда». И он побежал к двери, а лев — за ним. «Святые угодники! — заверещал Пэт, — Откройте дверь! Выпустите меня отсюда!» Но лев прыгнул на него, и Пэт услышал, как он сказал: «Спокойно, Пэт, все в порядке, — я тоже из Корка».

— Ну а рассказ о том, как миссис Миллиган ходила к священнику, слышали? Тогда погодите, сейчас расскажу...

Взгромоздившись на стену свинарника, я уселся с письмами в руках. Смотрю на горы. В долинах сгущаются фиолетовые тени. На черных горных хребтах вспыхивают бледно-зеленые искры. Лачуги блестят, словно их вылепили из снега. Неизвестно откуда бежит торфяной ручей, издали слышится скрип телеги, движущейся по пыльной дороге, и наступает молчание, глубокое, как океан, — молчание зачарованных гор, молчание неба.

А ведь Лондон всего в нескольких часах езды от Керри. Невозможно поверить! Когда-нибудь усталые люди узнают об этом и приедут сюда — погрузить измученные тела в спокойствие Ирландии. Они, правда, еще больше устанут и будут просто сидеть на стене свинарника Пэта. Станут наблюдать за тем, как меняют цвет горы. Будут слушать колокол, а он, своим звоном объявив об окончании дня, прославит красоту Божьей земли.

Если ваша спальня находится в передней части дома, то в Керри вас разбудит, еще до рассвета, странный, настойчивый стук на дороге. Вы взглянете на часы: пять. Отодвинете занавеску и увидите стадо, бредущее в лунном свете. Пастухи идут позади, опираясь на посохи. Они покуривают трубки и время от времени окликают собак, вступающих в драку на краю стада.

Наступает пауза, по пустой дороге идет человек с коровой и теленком. Исчезает в темноте. А вот движется маленькая телега, тащит ее сонный осел. На телеге выводок поросят. И снова стада, потом осел, нагруженный, словно Атлас — тонкие голенастые ноги еле волокут огромную копну сена. И еще осел, на обоих боках по плетеной корзине, а в них — коричневые блоки сухого торфа.

Вы видели достаточно для того, чтобы понять: проснулась вся округа. Сегодня базарный день. (В Ирландии всегда где-нибудь базарный день.) В сотнях маленьких белых лачуг женщины встают в 3 или 4 часа ночи, собирают мужей и сыновей к поездке на рынок, готовят еду, а мужчины идут в темноте за скотом, кладут поросят в телегу...

Пока странная процессия горцев и животных проходит под вашим окном, луна опускается, бледнея с каждой минутой. Перед самым восходом прохладный ветерок клонит траву, воздух сереет, и вы чувствуете, что увидели что-то из ирландской сказки или из самого начала истории, то, что было до возникновения сельского хозяйства, — миграцию пастухов и стад.

Поездив на машине целый день, вы увидите, возможно, двадцать базаров, называемых, бог знает почему, «ярмарками».

Некоторые торговцы раскидывают товары на невероятно широких улицах, похожих на французские; других вы встречаете в более привлекательных городах. В деревнях тоже устраивают базары, однако такого базарного дня, каким мы его знаем в Англии, здесь нет, по крайней мере, на юге Ирландии. Представьте себе базарный день в Уилтшире с переполненными загонами для овец и мычащим тучным скотом. Фермеры, склонившись над загонами, обмениваются шутками и идут в кабачок выпить пива. Их дочери покупают шелковые чулки, а сыновья — новые приемники; жены укладывают в «форды» коричневые бумажные пакеты. Царит здоровая и веселая семейная атмосфера.

В деревеньках Керри базарный день означает сотни забрызганных грязью черных коров, толпящихся на главной улице с недоуменным выражением на мордах; некоторые из них стоят на тротуаре, другие — посреди дороги. То и дело возмущенный ростовщик выгоняет корову из своей лавочки.

Рядом с каждой коровой стоит мужчина. Обычно это высокий, опирающийся на палку, диковатый на вид горец. Одежда — сплошные лохмотья, на голове шляпа, бывшая когда-то котелком. Иногда мужчина оставляет животное и присоединяется к приятелям. И как он потом находит свою корову среди других таких же, маленьких и черных, мне не понять.

Странность, свойственная этим мужчинам... Причем так во всей стране: если выберете самого оборванного, непотребного и дикого горца, потерявшего свою бритву в 1899 году, владельца шляпы, побывавшей в сотнях драк, и заговорите с этим человеком, то ничуть не пожалеете. Это был мой первый урок после того, как я покинул Дублин. Я заговаривал с такими траченными молью персонажами возле дороги и старался подобрать слова, как в беседах с английскими провинциалами,

однако в Ирландии все, как на подбор, оказались настоящими ораторами!

Хорошее воспитание и почти обезоруживающая культура речи отличают большинство ирландских бродяг.

Итак, вернемся к нашему рынку...

Мальчишки гоняются за ослими, скачущими среди меланхолически настроенных коров. Многие ослики слишком молоды, чтобы работать, а потому наслаждаются недолгим ослиным счастьем. В конце улицы выстроились ряды маленьких телег, борты выкрашены в синий цвет, а оглобли — в яркий шафрановый. В телегах дремлют поросята и супоросные свиньи.

Корова, свинья и осел — вот и вся собственность ирландских крестьян.

Так выглядит рынок, беспорядочно раскинувшийся на задах деревенской улицы. Здесь вы найдете несколько крошечных лавок и кабак. Человек прошел пятнадцать трудных миль от своего болота и выручил за торф пять шиллингов. Другой крестьянин, поднявшись на рассвете, прошагал примерно такое же расстояние и заработал десять шиллингов за сено.

Эти люди едва кормятся со своей скудной земли, их состояние исчисляется в пенсах. И все же любой из них лучше погонит свою корову обратно, в далекие горы, но не согласится получить за нее меньше, чем рассчитывал. Ирландец не склонен к компромиссам.

Но как они торгуются! Взгляните на человека, желающего купить поросенка. Он осмотрит всех поросят, выставленных на продажу, потычет в них через решетку телеги, пока они не завизжат и не отпрыгнут. Затем приглядится к одному из них, подойдет к владельцу и скажет:

— Доброе утро. Славная сегодня погода, благодарение Богу.

— Это точно.

Двадцать минут они беседуют о чем угодно, только не о поросятах. Тем временем другие желающие купить поросенка украдкой собираются на некотором расстоянии от этих двоих. Никто из них не вступает в беседу, это неэтично. Много носов было сломано в Ирландии тем, кто не дождался окончания разговора с владельцем поросенка.

Наконец будущий покупатель говорит, словно его только что осенило: мол, маленькая свинка в телеге, кажется, недурна, и может набрать вес. Интересно, ради любопытства, сколько может стоить вот такой поросенок?

Затем он решает «проявить характер». То есть заявляет, что готов купить поросенка на пять шиллингов дешевле, чем названная сумма. Когда продавец изображает вежливое равнодушие, покупатель отходит, и на его место является следующий претендент.

Телеги с поросятами в базарный день окружены кольцом мужчин. Все вежливо ждут окончания торгов. Все не доверяют друг другу, всем хочется купить поросенка, все готовы «проявить характер».

Поросенка продают после взаимных уступок. Часто, когда стороны не могут разрешить спор, приглашают арбитра, и он приходит на помощь. Продавец и покупатель соглашаются принять его решение. Арбитр выслушивает подробности спора, скидывает шесть пенсов, и поросенок переходит в другую телегу.

Самым удивительным на этих рынках кажется отсутствие женщин. Поэтому базары и выглядят такими скучными. Сотни мужчин в черных одеждах, сотни черных коров. Здесь не продают масло, яйца и мед, нет взбитых сливок и сыра. В Сомерсете и Девоне всем этим торгуют женщины.

Ирландка дожидается мужа дома, в горах. Надеется, что он придет с серебром в карманах. Но иногда он

возвращается с коровой или поросенком. Злой, независимый, бескомпромиссный.

Я надеюсь, что когда-нибудь он привезет ей что-нибудь; правда, пройдясь по деревенским магазинам, я задумался: а что, собственно, он может ей привезти? Башмаки? Несколько ярдов фланели? Это не тот подарок, который можно привезти женщине, прождавшей в горах целый день! Думаю, единственная красивая вещь, которую он смог бы привезти ей из ирландского деревенского магазина, — маленькая цветная картина с изображением Богоматери.

5

Странно, что у Ирландии репутация веселой и бесшабашной страны. Думаю, за эту легенду должны нести ответственность сильно пившие и много разъезжавшие англо-ирландцы георгианской эпохи.

По пути в Керри я встречал участки, из каменистой почвы которых словно бы сочилась меланхолия. Атмосфера дышит печалью и утратой иллюзий. Даже дождь, рыдая, падает на землю, а ветер тяжело вздыхает. Я сравниваю такие места со счастливыми землями — с всюду плодоносящими садами Херефордшира; с Кентом, где созревает хмель; с виноградниками Бургундии; с серебряной долиной вокруг Авиньона; со святой землей Сиены; с молочной Голландией.

Нигде в мире нет такой печали, как в некоторых местах Ирландии. Может быть, это слезы эмигрантов? Может, плачут те, кому пришлось умирать в чужих землях? Здешняя атмосфера рассказывает о столетиях голода и эмиграции.

Ирландии, как и ее людям, свойственны перепады в настроении. За смехом ирландца могут последовать

слезы, вот так и земля: в нескольких милях от веселого, спокойного, полного чувства собственного достоинства района, вы попадаете в землю Слиппера и Фларри Нокса^[13] — на печальную, запущенную территорию, которая, насколько я знаю, никогда не была описана в художественной литературе. Если бы писатель, с чувством юмора Э. Сомервилла и состраданием Джона Голсуорси, объединил эти две природные крайности, то, возможно, мы получили бы правдивый роман об Ирландии. Мне кажется, что картины ирландской жизни до отчаяния неполны. За всем этим смехом, выращиванием лошадей, скачками с препятствиями, пьянством, интригами стоит персонаж, который никогда не появлялся в романах и тем не менее доказал, что в ирландской истории он самый главный. Это угрюмый крестьянин с вилами в руках. Он стоит за каменной стеной, смотрит на мчащихся мимо него охотников. Он представитель низшей расы, однако сам считает себя потомком святых и королей.

В этих печальных местах кажется, что долгая память этого человека наполнила воздух глубокой скорбью, а пафоса ей добавили женщины, укладывающие в постель голодных детей...

Возможно, это фантастика. Ирландия навеивает фантастические мысли. И в правдивой книге об Ирландии будет много противоречий и мыслей, лишь наполовину правдивых.

6

— Если хотите отведать *ПОТИН*, — сказал мне знакомый, — идите в место, которое я вам назову, и скажите: «У Мика О’Флаэрти сдохла корова».

— А это безопасно?

— Нет.

— Так мне дадут потин?

— Да. Но, — прибавил он, — ради всего святого, когда будете писать об этом, постарайтесь все закамуфлировать. Вы понимаете, почему...

Самое загадочное слово в Ирландии — это «потин». Его никогда не произносят в полный голос. Только шепчут. Это запрещенный алкогольный напиток. Его готовят в горах — ночью или в сумрачные дни, чтобы за туманом не видно было дыма, идущего из перегонного аппарата. Готовить его в наши дни чрезвычайно опасно — хотя это обстоятельство лишь раззадоривает ирландца, — потому что правительство Свободного государства намерено закрыть зловерный промысел.

Сотни молодых полицейских объезжают дороги Ирландии, залегают в горах с биноклями. Их цель — выловить самогонщиков и посадить их в тюрьму.

Потому-то крестьяне и понижают голос, когда упоминают об этом напитке, и загадочно именуют его «снадобьем».

Больше часа я шел по дороге, вернее, по овечьей тропе. День был опасно ясным, большие желтые облака облюбовали горные вершины. Долина каменистая, ни дома, ни даже травы в достатке. И чем только питаются маленькие черные коровы Керри?

Наконец скалы расступились, и я увидел болото с темной водой. В некоторых местах выглядывал торф, берега были твердыми, цвета темно-коричневого шоколада. На них остались следы от маленьких лопаток, которыми отламывают торф.

За поворотом я увидел на скале белую лачугу, а в некотором отдалении от нее, на груди камней, — невысокого старика.

Приблизившись и взглянув на него, я тотчас почувствовал: каждый нерв у него страшно напряжен. Тем не менее я восхитился тем, как он это скрывает. «Кто он такой? Что замыслил?» — такие вопросы,

должно быть, крутились в его голове. Тем не менее старик улыбнулся и сказал:

— Добрый вечер...

Я согласился с ним, что день выдался редкий — ясный и теплый.

Человек был стар и мал ростом, седые косматые брови прикрывали глаза, словно занавеска, однако я заметил, что взгляд у него острый. Смотрел он, правда, не на меня, а на горы.

— Я бы снадобья выпил, — сказал я.

На это он ответил, что когда был молодым, пробовал его разок, но давно не готовил. Сейчас старик полностью собой овладел. Я сказал, что путешествую по Ирландии, и мне хотелось бы похвастаться перед друзьями, что в горах я пробовал потин. Нет-нет, он долгие годы и капли снадобья не видел! В Коннемаре лудильщик сказал ему как-то...

— А вы слышали, — сказал я, — что у Мика О'Флаэрти сдохла черная корова?

— Да что же вы сразу не сказали?

Не меня выражения лица, он поднялся с камней и медленно пошел к белой лачуге, засунув руки в карманы заплатанных штанов.

Далее все произошло с будничной быстротой.

Из лачуги выбежали две рослые девушки, одна лет шестнадцати, другая, возможно, восемнадцатилетняя, с буйными черными волосами и в черных юбках, хлопающих по голым ногам. Та, что помладше, встала на вершине горы; ее сестра, словно сеттер, соскользнула в торфяное болото. Старик вышел ко мне из лачуги, по-прежнему не вынимая рук из карманов. Его глаза из-под седых бровей оглядывали окрестные горы.

— Да, погодка на славу, — сказал он и добавил, что времена сейчас очень трудные. Даже когда он зажигал трубку, беспокойные глаза его обшаривали горы...

Девушка выскочила из болота. Она была великолепно: ветер оттянул назад короткую юбку, на белых ногах остались коричневые торфяные пятна. В руке она сжимала бутылку, к которой прилип торф. Девушка стряхнула торф, наклонилась на бегу и поставила бутылку возле каменной стены, а потом, словно горная козочка, вскочила на острые камни и нырнула в лачугу.

Старик деланно небрежно курил трубку. Поглядеть со стороны, так самый невинный дед. Он оставил меня возле стены с бутылкой белого яда и маленькой жестяной кружкой.

Ирландский самогон — ужасный, отупляющий напиток. Он сводит людей с ума. Может ввести их в состояние транса до конца дней. Под его влиянием человек совершает любое преступление. Я отнесся к напитку с большим уважением. Налил столько, сколько могла вместить ликерная рюмка, и выпил, не разбавляя.

Казалось, я проглотил огонь вместе с дымом. Белый самогон обжег мне горло. Грубый, ужасный напиток. Я спрятал бутылку в траве возле стены и подошел к старику. Он сказал, что снадобье очень хорошее, и назвал его «утренней росой»!

Не хочу ли я взять с собой бутылку или, может, полбутылки? В наши дни снадобье дорого! «Они», сказал он загадочно, поднимают цены. «Им» трудно стало производить потин, потому что черти в синих мундирах нападают на «них» и днем, и ночью. Он мог бы в качестве уважения дать мне целую бутылку — в этот миг его глаза оторвались от гор и внимательно глянули на меня — «за... дайте подумать... девять шиллингов».

Я поблагодарил и отказался. Он снова заговорил о «них». Я чувствовал, что эти таинственные неизвестные были на самом деле «я» да «я»! Я представил себе, как он выходит в ночную темноту или в сумрак дождливого

дня, и снова восхитился его самообладанием, потому что, похоже, на тайном промысле он ничего не наживал.

Я пошел вниз по дороге, а старик остался сидеть на гряде камней с трубкой в зубах. Девушка с ветром в волосах побежала, словно сеттер, в торфяное болото, держа что-то в руках. Белая лачуга на скале с маленькими, черными, незанавешенными окнами, казалась незрячей. А может, ее окна оглядывают горы и лишь притворяются слепыми?

И снова я пустился в путь по красивой прибрежной дороге, огибающей залив Бантри, после чего решил отдохнуть в божественном месте под названием Гленгарифф. (Там я почувствовал невероятную головную боль, не отпускавшую меня до самой ночи. Ну и поделом мне!)

7

Трудно поверить в существование Лондона. Возможно, в этот момент толпы движутся по Пикадилли, а транспорт скопился на Ладгейт-Хилл. Люди серьезно обеспокоены, успеют ли они на поезд до Манчестера или Брэдфорда. В Гленгариффе такие мысли невозможны. Здесь ничего не происходило с тех самых пор, как во время «беспорядков» сожгли полицейские казармы. Теперь сжигать нечего, поэтому вряд ли кто ожидает здесь каких-либо происшествий...

Со старым Миком бесцельно плывем на хрупкой лодчонке по маленьким бухтам. Спокойная вода, крошечные островки... Слушаем тишину, такую глубокую, что плеск беззаботного весла я уподобил бы кашлю во время церковной службы.

Мелочи имеют здесь огромное значение. Все свое внимание я, как и старый Мик, уделяю полету чаек и

тюленям, выглядывающим из воды возле отдаленных островов. С интересом смотрю на бакланов. Они кружат высоко над головой, медленно, целеустремленно, а заметив рыбу, камнем падают с неба клювом вперед. Кажется, что в море угодил снаряд мелкого калибра. Некоторое время птицы остаются под водой, а потом снова появляются в неожиданном месте, и вид у них удовлетворенный.

Мик говорит, что в поисках добычи они часто ныряют на глубину шесть футов. Он сочетает редкую любовь к природе с безразличием сельского жителя к жизни животного. Он хочет показать мне, как легко убить баклана. Все, что нужно сделать, — положить рыбу на планшир лодки. Бакланы бросаются на нее и ломают себе шею, чем доказывают свою глупость. Мик не может понять, почему я хочу стукнуть его по голове веслом, если он попытается это сделать!

Тут есть кайры, похожие на маленьких пингвинов. Они сидят в море и покачивают крошечными крыльями. Есть морские попугаи с красными клювами, сорочаи и дикие гуси. Иногда из камышовых зарослей поднимается голубая цапля и медленно летит к другому острову.

В неподвижных маленьких бухтах вода цвета бледного нефрита. Просвечивает морское дно с камнями, похожими на драгоценности, и моллюсками необычайной формы.

Старый Мик рассказывает, что вырастил двенадцать детей на картофеле, пахте, рыбе, случалось, ребятишкам перепало и яйцо. Выросли здоровенькими, и сейчас трое из них прекрасно устроились в Америке.

— Они живут в соседней деревне, — говорит старый Мик и кивает головой в сторону Атлантики.

В Дублине он ни разу не был. В Корке появлялся один или два раза. Лондон для него — абстракция, такая же удаленная, как Москва. А вот Америка — реальность.

Его драные карманы оттопыриваются от вырезок из американских газет, присланных домой детьми-эмигрантами. О Нью-Йорке он знает все.

— Да, жизнь — тяжкая штука, — говорит Мик. — Так тяжело, когда твои детки подрастают, но с голоду не умрешь, если в море полно рыбы, а скалы покрыты ракушками величиной с утиное яйцо. Да и не замерзнешь: ведь торфа в болоте на всех хватит... Я думаю, что в городах жизнь еще тяжелее, а ведь у них и деньги в банке лежат...

Сразу видно: он не поменяется местами и с английским королем!

Однажды утром мы подплыли поближе к островам. Они похожи на корабли, стоящие в бухте на якоре. Вокруг нас были горы, переливающиеся всеми оттенками синего цвета — от серо-голубого, напоминающего кольмарский виноград, до глубокого синего цвета фиалки. Леса спускались к краю воды. Человека не было видно — ни на земле, ни на море. Это ирландская Ривьера!

— Этот вид господин Бернард Шоу считает самым лучшим на земле, — неожиданно сказал Мик.

— А кто такой господин Бернард Шоу? — спросил я.

— О, он очень хороший, спокойный человек, с бородой. На этом острове он написал много стихов. Пока гулял здесь, стихи из него сами выпрыгивали... Он приехал из Лондона, но говорят, что родился в Дублине...

Я попытался примирить беспокойную личность Б. Ш. — знаменитого поэта! — с безмятежностью острова Гарниш, к которому мы приблизились по тихой воде. На повороте мы увидели лодочную станцию и паровой катер. Сошли на берег под внимательным взглядом древнего старца, похожего на гнома. Вместо того чтобы прыгнуть в кусты, он подошел к нам и сказал, что садовые ворота открыты.

Остров Гарниш — одна из составляющих чуда Гленгариффа. Он не имеет права там находиться! Это вызов вашему чувству реальности! Такое возможно только в сказках.

Здесь, на берегу Атлантического океана, в самом диком и примитивном районе Южной Ирландии, находится чудный итальянский сад, с открытыми беседками, мраморным бассейном с золотыми рыбками, римскими статуями на мраморных пьедесталах, торжественными конусообразными кипарисами и всевозможными цветами и цветущим кустарником. Быть может, магический ветер с гор возле Флоренции принес сюда этот сад?!

Старый Мик рассказал мне, как мистер Брюс, брат покойного виконта Брюса, купил этот остров, потому что его жена в него просто влюбилась. Потом они вместе создали Эдем в этом диком месте. Говорят, что вся земля здесь привезена с материка, однако Мик утверждает, что это — бларни. Мистер Брюс умер, а его вдова живет одна на острове в маленьком доме. Большой дом, о котором они мечтали, так и не был построен.

Остров — настоящий гимн любви. Когда солнце падает на мраморные колонны, на широкие площадки возле пруда, на белую каменную балюстраду, огибающую край скалы, сад сияет. Настоящая поэма на море.

— Ну разве не место для любовного романа, Мик?! — сказал я.

— Он стоит тысячи, — сказал Мик. — Тысячи.

Глава седьмая Килларни

Я еду по дикому ущелью к озеру Килларни, здесь впадаю в кому и слушаю неправдоподобные истории, а затем еду верхом по ущелью Данло.

1

Одиночество подобно смерти. Ни звука, лишь крики диких птиц и блеяние черномордых овец. Ни движения, только облака нежно клубятся над горными хребтами. Дорога в Килларни накручивает круги, вверх и вверх и через лишнее жизни ущелье. Это напомнило мне Город мертвых в Египте.

Преодолев очередной поворот, я увидел медленно продвигавшийся по горной дороге автомобиль, везущий гроб. За ним ехали еще три машины, заполненные женщинами с бледными, заплаканными лицами. Рядом с гробом бежал человек. Натягивая веревки, он удерживал гроб на месте. Такие похороны могли, пожалуй, быть навеяны мрачным обликом гор.

Двадцать миль я проехал затем в полном одиночестве, следя за тенями облаков, скользящих по горным склонам. Сами облака, нырнув в долины, зависали там. Должно быть, они наблюдали за полетом дикой птицы, парившей над безлюдьем. Горный проход был окутан тайной, свойственной всем высокогорьям. И затем — ущелье Данло!

Есть ли где на Британских островах большой сюрприз? От такой неожиданности захватывает дух. Перед вами — один из самых грандиозных видов Европы! Он предстает без предупреждения. Я бы

уподобил это ощущение чувствам человека, вынырывающего из темного туннеля в яркий день. Вы не ожидали этого! Вы едва можете в это поверить! Чувство заброшенности осталось позади. Под вами земной рай — три голубых озера Килларни.

Я уселся на каменную стену и словно погрузился в забытие: смотрел с высоты птичьего полета на изумительную панораму — на озера, голубые горы и зеленые леса. Стоял теплый, солнечный день. Озера были цвета неба и спокойные, словно стекло. По воде медленно двигалась лодка, с такого расстояния — меньше, чем листок. Я видел мужчин, вытаскивавших сеть с лососем.

Всю теплоту и мягкость, в которой было отказано горам, природа излила на плодородную долину Килларни. Неправдоподобно хороша, думал я и, глядя сверху, боялся, что в любой момент она растает в дымке и оставит меня перед суровой реальностью гор...

Какой-то человек остановил лошадь и подошел к каменной стене. Он указал на высокие гребни скал Макгилликади и, повернувшись налево, кивнул в сторону горы Мангертон, на потухшем вулкане которой находится озеро, такое глубокое, что вода в нем кажется черной, точно чернила. Самый сильный шторм никогда не тревожит Дьяволову Жженку; самый жаркий летний день не повышает его ледяную температуру. Говорят, что глубина его составляет 700 футов. Люди верят, что если бездетная женщина, мечтающая о ребенке, заберется на Мангертон и попьет ледяной воды из этого озера, ее желание исполнится.

— Да это сплошь и рядом сбывалось! — воскликнул мужчина и сообщил мне имена двух английских пэров, которые, по его словам, обязаны своему рождению магии Мангертона!

Я заметил, что приятно, должно быть, жить в таком ландшафте. Он повернулся спиной к озерам, посмотрел

поверх диких гор и сказал, что в «черной долине» живут странные люди. И поведал о тайных местах, не известных человеку, и о диком, агрессивном народе, отличающемся от обычных жителей Керри. Они промышляют воровством и общаются лишь между собой.

Мужчина пошел своим путем, а я опустился в почти тропическую роскошь Килларни.

Ранним утром озера подернуты белой дымкой. Изгибаясь, она принимает тысячу странных форм. В этот час немудрено увидеть О'Донохью из Долин^[14], проезжающего по воде на белом коне.

Когда солнце набирает силу, горы становятся голубыми, пурпурными и розовато-лиловыми. Вы проводите в лесах все дни, дивясь невероятному богатству почвы. (Думаю, в Килларни можно было бы и финиковые пальмы выращивать!) Здесь встречаются некоторые виды растительности, характерной для джунглей. К голубому небу тянутся высокие пальмы. Зимой в Керри теплее, чем в других частях Британских островов. В феврале, как мне рассказывали, в Килларни приходит весна. Утесник в полном цвету, раскрывают почки каштаны.

Летом Килларни — ботанический рай. Здесь растут ливанские кедры, дикая фуксия, средиземноморское земляничное дерево (в других местах Британских островов вы его не увидите), душистая орхидея, растущая на Средиземноморском побережье и в Малой Азии, один из видов жирянки, растущей главным образом в Испании, голубоглазка горная (такую траву можно встретить еще только в Канаде).

Лодочники и кучеры Килларни — профессионалы по части психологии. Они скажут вам именно то, что вы ожидаете от них услышать. За считанные секунды поймут, кто вы такой. Молчаливый шотландец, три года рыбачивший в Килларни, говорил, что пользовался услугами идеального гида. Тот за год произносил всего

одно слово! (Впоследствии я узнал, что этот гид считается самым говорливым стариком в Керри!)

— А есть ли в Килларни лепреконы? — спросил я у кучера.

— Лепреконы? — он внимательно на меня посмотрел. — Знаете, в Ирландии это самое для них место! В прежние времена вы и шагу не могли ступить, чтобы на них не наткнуться...

Он тут же рассказал мне историю о злом агенте по продаже земельных участков и о горбатом фермере. (Земельный агент в ирландских сказках всегда олицетворяет зло!) Лепреконы вознаградили фермера, отказавшегося снести холм, в котором они жили, и переместили его горб на спину земельного агента!

Солнце опустилось за горы, в ущелья опустились туманы, засеребрилась озерная вода, холодный вечерний ветер пронесся по саду, и над зачарованным Килларни загорелась первая звезда.

2

Дробить на дороге камни, поддерживать огонь в топке или объезжать диких лошадей — пустяковые занятия по сравнению с невероятным усилием попытаться хоть что-нибудь написать в Килларни.

Килларни не курорт, это опиумный притон. Ванна, которую до сих пор я считал вершиной расслабления и дремы, — неусыпное бодрствование в сравнении с Килларни.

Единственное желание обленившегося мозга — медленно плыть по озеру в лодке, отгоняя мысли об ужасной вулканической энергии, создавшей голубые холмы и пурпурные горы. Мне даже грести лень. Я просто изнемогаю, как, должно быть, изнемогал Улисс во время знаменитого лечения отдыхом. Опускаю руки в

озерную воду и с восхищением и в то же время с жалостью наблюдаю за прыгающей форелью.

Озера Килларни — словно большая колыбель. Сон навечно спустился в солнечные горы, леса и тропинки. Почему никто до сих пор не разразился литературной истерией по поводу троп Килларни? Они так же прекрасны, как и озера. Это — перенесенный в тропики Уорикшир.

На серых каменных стенах в изобилии растут цветы; большие заросли фуксии свешивают кроваво-красные завитки на батальоны шестифутовых цветов наперстянки, прямых и крепких, как гренадеры. Я вижу миллионы кентерберийских колокольчиков; львиный зев; в бледно-розовом шиповнике жужжат дикие пчелы. Названия тропических пальм и цветов мне даже лень вспоминать...

Если бы королевство Керри принадлежало Англии, оно сделалось бы второй Ривьерой и, разумеется, разбогатело. Температура воздуха в январе здесь та же, что и в Ницце. Благодаря теплым течениям в сотне миль от побережья Керри в этой части Ирландии субтропический климат.

У меня нет сил противиться красоте Килларни. По пути сюда я надеялся отыскать здесь какой-нибудь недостаток, потому что красота вызывает чувство легкой обиды.

Тщеславие красивой женщины часто сопряжено с горечью, потому что красота быстро увядает, в то время как природное совершенство вечно. Большинство людей, бывавших в Килларни, согласятся, что у этого места все права на вечную красоту. Природа создала в этом месте райский уголок. Уиндермир и Лох-Ломонд находятся в пригородной зоне, а Килларни — за горами, вдалеке, в одиночестве, и здесь царит мир.

Я лежу в лодке на залитом солнцем озере, смотрю на горы, четко вырисовывающиеся на фоне голубого неба:

скалы Макгилликади на западе, на юге Мангертон с Дьяволовой Жженкой.

— Вода здесь такая глубокая, — говорит лодочник, пересказывая знаменитую ирландскую историю, — что и дна, должно быть, не достать. Два парня пошли в горы купаться, и вдруг один из них заметил, что приятеля нет. «Что мне делать, — говорит он, — должно быть, утонул?» Побежал вниз и позвал спасателей с веревками. Целую неделю, даже в воскресенье, опускали они веревки в Дьяволову Жженку, но до дна так и не дошли! Через три недели приходит к ним почтовая открытка из Австралии. Человек, которого они считали утонувшим, пишет, что благополучно добрался до берега. Пришлите, мол, мне мою одежду. Вот какое глубокое у нас озеро...

На краю Нижнего озера стоит увитый виноградом замок Росс. Лодочник говорит, что в древние времена, когда земля эта была в собственности О'Донохью, один из членов рода спустился с крепостного вала замка, нырнул в озеро и исчез: ушел в землю Вечной Юности, которая, как всем известно, находится под Килларни.

— А когда лодочникам исполняется шестьдесят лет, — продолжает мой собеседник, поглядывая на американских девушек, — мы спихиваем их в озеро, и они возвращаются к нам восемнадцатилетними! На прошлой неделе, например, Майк вернулся...

— Да что вы говорите! — смеются американки. — Как остроумно...

Когда сто лет назад Холлсы посетили Килларни, они услышали много баек, включая историю о шарманщиках:

Так вот, господа, Тедди Коннор (родной брат Мориса Коннора, того самого, кто красивой мелодией обольстил русалку и женился на ней), был великим волынщиком. Он и мистера Грандси играть выучил. Оба они, как и Морис,

ничегошеньки не видели. Волынка у Тедди была старой, потрескавшейся. Господа очень его любили и много раз обещали ему новую волынку, только о своих посулах каждый раз забывали. Так бы Тедди и остался ни с чем, если бы не великий О'Донохью: он ему в конце концов ее подарил. А было это так: Тедди, как и его брат, любил пропустить капельку, ну, а две капли, знамо, лучше одной. Как-то вечером он крепко приложился и пошел мимо Дьяволовоy Жженки. На следующий день он должен был играть на свадьбе. Его вдруг стало клонить в сон, и на душе было беспокойно. «В чем дело? — сказал он. — Не может быть, чтобы это была выпивка. Ну подумаешь, всего-то шестнадцать стаканов выпил!» С этими словами он уселся возле дороги и начал играть, чтобы разогнать дрему, и вдруг услышал топот копыт. «Те еще ребята, — сказал Тедди. — В такое время надо спать крепким сном, а не скакать по лесу. Готов поспорить, вы все пьяные». И тут подъезжает к нему один всадник и говорит: «Смотрите, шарманщик, давайте возьмем его с собой». «А где “пожалуйста”?» — спрашивает Тедди. «Ну, хорошо, пожалуйста», — говорит всадник. «Ничего не выйдет, ребята, потому что я завтра на рассвете должен быть у Тима Махони на свадьбе», — говорит Тедди, — а то потеряю семь шиллингов и тринадцать пенсов». Тогда всадники, ни слова не говоря, хватают его и сажают на лошадь. Один взял его за воротник, и помчались они, словно мартовский ветер, а может, еще шибче. Через некоторое время остановились. «А где я теперь?» — спросил Тедди. «Открой глаза и увидишь», — говорит ему голос. И он открыл. Человек, который до той

ночи ни разу не видел солнца. И — мать родная! Перед ним прекрасные дамы в перьях и джентльмены с мечами и золотыми шпорами. Столы из бриллиантов, на столах еда. О таком богатстве он и не слыхивал. «Добро пожаловать, — сказал ему голос, — в замок великого О'Донохью». «Я часто слыхал, как о нем говорят, — сказал Тедди, ничуть не испугавшись, — и где этот принц?» — «Я здесь», — сказал принц и вышел вперед, весь такой красивый, в треугольной шляпе и в воинском мундире. «Предлагаю выпить за ваше здоровье, мистер Коннор, и за здоровье всех моих потомков, больших и малых. Пусть знают, где найти лучшее развлечение». С тех пор Тедди ни разу не притрагивался к бутылке. Слушайте дальше. Начались танцы, и Тедди играл, как никогда в жизни. И джигу «Мориарти», и другую, в общем все джиги, какие только придумал человек. А джентльмены и леди без устали танцевали. И все было хорошо, пока один очень старый волынщик не спросил Тедди, не может ли он сыграть на скрипке, и Тедди разбил ту вдребезги. Потом волынщик подошел к Тедди сзади и старым ножом разрезал ему мешок на волынке, выпустив воздух, который и делает музыку. «Теперь я побежден», — сказал Тедди, но прежде стукнул волынщика по голове. От удара тот отлетел в другой угол комнаты. Компания закричала, объявила, что танцы закончены, и Тедди может идти домой. «А кто заплатит мне за волынку? — спросил Тедди, — она ведь была не хуже новой». Он был парень хитрый и не стал хаять свою собственность. «Справедливый обмен не является воровством, — сказал принц, — вот волынка,

которая сделает тебя богатым, поэтому уходи побыстрее, потому что волынщик очухается и порежет тебя, как твою волынку». Тедди помчался, только пятки сверкали, да ветер свистел в ушах. Глаза его налились водой, и он снова ослеп. Вдруг он слышит за собой голос. Подумал, что тот волынщик, но нет: оказалось, что это его жена, Бидди. Она будила его, а Тедди лежал под тем самым забором, где нашел его ночью О'Донохью... Никто не поверил в историю, которую он рассказал соседям, однако возле него лежала новехонья волынка, и кто ему ее дал, как не сам О'Донохью?

Это очень хороший пример баек, которые рассказывают приезжим лодочники Килларни. Все изложено в лучших традициях.

Здесьние байки особенные. Археологи из Дублина пятьдесят лет приезжают сюда с граммафоном, а потом пишут работы с названиями вроде «Любопытные факты относительно ранней английской истории с точки зрения ирландцев».

Должен сказать, что лодочники делают это непринужденно. Готовность, с которой они травят свои байки, столь же древняя, как гора Карантуил, и свидетельствует об артистичности кельтов.

3

Один француз будто бы назвал Ирландию жемчужиной Запада, Керри — жемчужиной Ирландии, Килларни — жемчужиной Керри, а необитаемый островок Инисфаллен — жемчужиной Килларни. Мне к этому нечего добавить.

Находится этот зачарованный остров в центре Нижнего озера. Я бродил там два дня, не встретив ни одной живой души, слушал плеск озерной воды да шум ветра в деревьях.

Монастырь Инисфаллен, словно серый призрак, прячется в кустах. Там в древние времена получил образование Бриан Бору. Монастырь, как и церковь в Глендалу, часовня Кормака в Кэшеле и руины Килкенни, восходит к временам святых. Здешний монастырь — одно из пристанищ раннего христианства на Западе. В нем славили Христа, когда Англия еще несколько веков после окончания римской оккупации являлась языческой страной.

Мне бы хотелось убрать кусты, содрать со стен плющ.... Думаю, здание требует этого, как и часовня Кормака, самое величественное архитектурное сооружение в Ирландии и лучший образец романского стиля на Британских островах. Надо спасти эти здания от зеленой пагубы, которая их когда-нибудь погубит.

Не знаю лучшего места, где можно провести летний день. Инисфаллен — страна в миниатюре: тут есть и горы, и долины, маленькие зеленые луга, темные леса, речки и бухты. Все погружено в святую тишину, и человек, раздвигая густой кустарник, почти со страхом смотрит на старинные серые руины, на алтарь под зеленым покрывалом мха. Если бы святому захотелось предстать перед человеком, лучшего места он бы не выбрал. Его сандалии погрузились бы в пышные летние цветы, и на мгновение он просиял бы перед смертным.

В Килларни есть живописные арки, выводящие к узким улицам. Я сфотографировал стоящие на них дома. Когда потом я спрашивал у людей, что за страну я

запечатлел, большинство отвечали: Испания или Италия. Один человек даже узнал улицу в Алжире!

Думаю, все согласятся, что атмосфера здесь и в самом деле чужестранная. У улиц южный облик. Ночью, когда под аркой горит светильник, а на улице светится несколько фонарей, вам покажется, что вы где угодно, но только не на Британских островах.

В Типперэри и Керри на уличных перекрестках устроены танцевальные площадки. Многие из них сделаны из бетона, и, должно быть, ногам танцоров не слишком удобно.

Есть танцевальная площадка и возле Килларни, — за мостом, в сторону Макросса. В надежде увидеть джигу я пошел туда в воскресенье. В это время устраивают большие танцевальные вечера. Я увидел около дюжины нескладных юнцов. Они сидели на каменной стене возле площадки. Девушек с ними не было. Сегрегация полов — удивительная черта ирландской сельской местности. Девушки гуляют вместе, а парни на перекрестках собираются в мрачные группы. Похоже, что тех и других такое положение огорчает.

У одного из парней была скрипка, у другого — концертино. Когда я заговорил с ними, они засмутились. Сказали, что девушки немного опаздывают, и, если они не появятся, танцы не состоятся.

В ожидании неторопливых девиц парни не сводили глаз с дороги. Скрипач, сидя на стене, заиграл чудесную джигу. Он сказал, что зовут его Джоб и он наемный рабочий. Заводная музыка так и не вызвала никого на площадку. Мне стало жаль юнцов, которым очень хотелось танцевать.

И тут их глаза просветлели, они пригладили волосы: по дороге медленно шли девушки. Вот и партнерши! Но девушки прошли мимо, и парни лишь кивнули и робко им улыбнулись. Никто не пригласил девушек на площадку.

Появился священник на велосипеде, и все тотчас сняли шапки. Интересно, подумал я, уж не священник ли остановил танцы. Выяснилось, что это не так: большинство священников танцы одобряют.

Юноши жалобно посмотрели в сторону удалявшихся девушек, скрипач убрал свой инструмент, другой закрыл концертину, и группа разошлась.

Мне ничего не оставалось, как перегнуться через перила моста и смотреть на косяк форелей.

5

Несколько дней я вел жизнь американского туриста: плавал по озерам Килларни, посетил прекрасное аббатство Макросс, поднялся к водопаду Торк, смотрел на закат солнца с холма Агадо и побывал на самой знаменитой из всех экскурсий Килларни — проехал на пони по ужасной Дьяволовой Жженке.

Килларни — дружелюбное место. Мало где оказывают такой теплый прием путешественнику. Не успеете оглянуться, как к вам подойдет какая-нибудь сияющая американка и скажет:

— Послушайте, мы завтра планируем проехаться по ущелью Данло, может, и вы к нам присоединитесь...

Большинство мужчин — в восторге от предложения — торопливо убирают с дороги стулья и отодвигают мешающие столы. Их подводят к маленькому сухонькому мужчине. На нем очки в роговой оправе. Он сидит в углу и курит сигару с таким видом, словно искупает таинственный грех.

— Это Дэд.

— Рад познакомиться, — печально говорит Дэд.

Утром к гостинице подходит фургон, вместо крыши у него — балдахин с кистями. По ступеням спускается щебечущая толпа красоток, обвешанных фотокамерами.

— Смотрите, как оригинально...

— Послушай, Грейси, сколько времени прошло со времени нашей поездки на багги?

Отцы с землистым цветом лица, разодетые в пух и прах матроны и дочери, которые так и просятся на обложку журнала, садятся в экипаж. Кучер щелкает кнутом, и две лошади пускаются бодрой рысью. По залитым солнцем улицам Килларни движется маленькая квадратная тень. И так на протяжении десяти миль.

В горном ущелье стоят около семидесяти крепких пони. Зрелище напоминает фильмы о Диком Западе, когда шериф сзывает своих «мальчиков» и устремляется в погоню за «плохим парнем» и его бандой. Оседланные пони стоят, повернувшись головой к каменной стене. Экипажи и автомобили из всех гостиниц Килларни высаживают пассажиров. Некоторые с сомнением посматривают на лошадок; другие разглядывают домик Кейт Кирни. (Кейт, как и Коллин Боун, малозначительные божества здешней местности — красавицы, чьи семейства проживали здесь испокон веку).

Толпа, приблизившаяся к пони — удивительное сборище для поездки в горы. Сюда явились около шестидесяти мужчин и женщин, юношей и девушек. Некоторые умеют ездить верхом, другие никогда не сидели в седле и потому напоминают мешок с картошкой. Умельцы ловко взлетают на круп лошадки, смело толкают ее пятками в бока и едут.

После удивительной демонстрации шелковых чулок и поясов с резинками красавицы усаживаются, и череда настроенных слегка цинично лошадок трогается в путь. Все очень напоминает экскурсию в Долину Мертвых в Луксоре.

Более пестрого паломничества не бывало со времен Чосера! Пони-торопыга скачет вперед, опережая более спокойных компаньонов, и на пять минут подвозит

седока к всадникам, идущим в авангарде. Несколько минут он трусит возле пони, на котором восседает японский профессор. Тот рассказал, что интересуется гэльским языком.

Затем резвый пони задержался возле лошадки, везущей американскую матрону. Дама сообщила, что ее сын в Огайо купил самолет, и она послала ему телеграмму, в которой потребовала объяснений. Выслушав американку, пони прибил к молодой жене из Сент-Луиса. Та оставила на Среднем Западе грудного ребенка. Пони прибавил шаг, и вот он уже возле красивой девушки. Она считает, что за две недели увидела всю Англию. Лошадка бежит вперед: человек из Манчестера говорит о Манчестере, и, наконец, во главе процессии скачет девушка из Калифорнии. Не обращая внимания на то, что платье взбилась так, что видны шелковые колени, она гонит своего пони в карьер.

Всадники недолго пробыли в ущелье Данло без компании: появились «разбойники».

Первый вышел из-за скалы с корнетом. Послушные пони, по всей видимости, были хорошо с ним знакомы, а потому немедленно остановились. У животных был скучающий вид. «Разбойник» поднес корнет к губам и выдул долгую меланхолическую мелодию. Сделал паузу со шляпой в руке, дожидаясь эха, словно бы сам его сотворил. Эхо явилось с разных сторон. Все ущелье подхватило мелодию, и она покатила из долины в долину, отскакивая от высоких серых скал и охватывая все большую территорию.

Долина, казавшаяся до сих пор мрачной и ужасной, как знаменитое ущелье Гленко в Шотландии, вдруг оказалась заполненной людьми, которые наперебой стали предлагать кавалькаде молоко. Из-за скал выскочили маленькие девочки и старые женщины и стали уговаривать всадников попить. Некоторые даже шептали мужчинам, что в бутылку с молоком они

добавили немного потина, но это неправда. Мне говорили, что недавно две невинные на вид туристки, дамы в очках в роговой оправе, приехали в ущелье и, попробовав «молоко», предложенное местной жительницей, взяли ее под арест. Это были женщины-полицейские, вышедшие в антисамогонный рейд.

Но, похоже, у японского профессора вышли с «разбойниками» серьезные затруднения. Они окружили его, качая головами. Он говорил с ними по-гэльски с токийским акцентом. Одна старушка, объявившая, что она — прекрасная Коллин Боун, крепко зажала в руке полученный шиллинг и хихикнула, услышав педантичную жалобу японца, что молоко он выпил обыкновенное. Пропустив претензию мимо ушей, она с беззаботным смехом ловко вскочила на скалу и тут же попыталась продать яблоко брокеру с Уолл-стрит.

Она прекрасно знала, что японский профессор не кавалерист, а потому вынужден будет проглотить обиду и ехать дальше по мрачной долине.

Темнота гор заставляет всадников замолчать. Разговоры прекращаются. Ни звука, лишь цоканье копыт пони по острым камням, да голоса гидов, призывающих взглянуть направо, на горную гряду Макгилликади, и налево — на Пурпурные горы. Даже «разбойники» прекратили приставания: такое здесь царит запустение, что, кажется, путники едут по луне.

Неожиданно вдалеке, за правым и левым отрогами Пурпурных гор, блеснула озерная гладь, и постепенно нашим глазам явилось озеро Килларни, голубое, с повисшей над ним дымкой. Уж не в Земле ли мы обетованной?

Это, несомненно, один из величайших видов на Британских островах. Убежденные пешие туристы рассказывали мне, что бывали здесь полностью вознаграждены за наскоро приготовленный завтрак.

Итак, всадники, вытянувшись в усталую цепочку, ныряют под деревья с их мягкой тенью. Там притаилось несколько фанатиков молока, мужчин и женщин, которые сотню ярдов бегут рядом с пони, держа в руке апельсин, и твердят:

«Эй, капитан, возьми апельсин! Он принесет тебе удачу. Ты такой красивый мужчина...»

Ирландская лесть глубоко проникает в душу, и пожилые киты крупного бизнеса с бульдожьими челюстями иногда не выдерживают и покупают апельсин.

Возле озера поджидают лодки. Во время четырехчасового путешествия к замку Росс лодочники всегда готовы рассказать легенду. В каждой лодке имеется большая корзина для пикника. Уверен, не один мужчина прочувствовал во время этого путешествия красоту Килларни, потому что какая-нибудь божественная дева, посмотрев на него глазами, голубыми, как Карантуил в летний вечер, поднимала сэндвич с сыром и спрашивала:

— Эй, кто хочет поторговаться за этот бутерброд?

Это одно из прекрасных мгновений Килларни. И словно во сне, в сознание входит голос лодочника, рассказывающего о библиотеке О'Донохью, о прыжке великана или об острове волшебных белых мышей.

6

Если кто-нибудь усомнится в том, что где-нибудь цветы растут быстрее и цветут роскошнее, чем в Килларни, пусть посетит руины имения графа Кенмера. Дом сгорел перед войной. Сейчас эти развалины — одна из достопримечательностей Килларни.

Огромный особняк был построен лет сорок назад в стиле Тюдоров, и его размеры и красота стали почти

легендарными. Семнадцать лет назад в детской начался пожар, и дом сгорел.

Невозможно поверить, что за семнадцать лет здесь вымахали такие джунгли. Сейчас это место выглядит таким же древним, как замок Кенилворт. Его сады, спускающиеся к озеру, с панорамой гор, неописуемо прекрасны. С пожара они так и не познали ножниц садовника.

Гулять по ним — все равно, что бродить по саду Спящей Красавицы.

Под зарослями диких цветов и еще более диких кустов вы различите очертания бордюров, дорожек и живых оград, некогда выстриженных в форме человеческих фигур и птиц. Люди смотрят на это место как на античные руины и оставляют свои имена на огромном куске штукатурки, сделавшемся книгой для посетителей.

Один человек, очевидно, решивший, что дом был разрушен во время «беспорядков», написал: «Памятник фанатикам Ирландии».

Более поздний посетитель добавил: «Тот, кто написал этот вздор, доказал, что сам является памятником невежеству».

Увы, суливший столь многое заочный поединок обернулся ничем.

Глава восьмая

Из Лимерика в Голуэй

Камень Согласия и Шеннон в Лимерике, там, где люди покорили реку; я завтракаю в восемнадцатом веке и посещаю серый город Голуэй. Здесь я нахожу деревню, сохранившуюся со времен норманнского завоевания. Мне показывают Кладдаг и его людей. Утром я стою на мосту Голуэя и смотрю на идущего из моря лосося.

1

Килларни я покинул в морось, которая по пути в Трали перешла в дождь. Вы и представить не можете, какие дожди идут в Ирландии! Ливень не прекращался несколько часов. Деревни и города насквозь промокли. Дождь лился с крыш, взметался фонтанами на дорогах, рокотал в водосточных трубах, с шумом огибал углы. На улицах никого, лишь изредка несчастный заблудший, с мешком на плечах, совершал перебежки от одной двери к другой. Трали, Листоуэл, Атай и Раткул выглядели одинаково — серыми, покинутыми, отданными на милость непогоде.

Неожиданно дождь прекратился. Я стал свидетелем одного из невероятных превращений, не столь уж редких для Ирландии. Я приехал в удивительное место под названием Адир. На мой взгляд, Адир — самая счастливая ирландская деревня. Она такая уютная, зажиточная, вдоль широкой дороги стоят красивые дома, есть даже цветы в палисадниках.

Все в Адире говорит о некоем местном гении. Кто-то полюбил это место, потратил на него деньги и заботливо его обустроил. Я узнал, что за длинной стеной возле высоких деревьев находится имение графов Данрейвенов. Эти графы, как мне сказали, и создали Адир.

Мне очень хотелось остановиться на ночь в очаровательном отеле, носящем графское имя, однако я заставил себя покинуть счастливую деревню и по залитой дождем дороге двинулся в сторону Лимерика.

Лимерик — большой, растянутый город, который, как и Эдинбург, заново отстроился в восемнадцатом веке. В Эдинбурге построили георгианский район с главной улицей Принс-стрит. Почти в то же время в Лимерике появился район, названный Ньютон-Перри, в честь мистера Секстона Перри, позднее лорда Глентуорта. Этот титул впоследствии заменили на графа Лимерика. Новый город мистера Перри — современный Лимерик, хотя старый Лимерик существует до сих пор. Он делится на два города — английский и ирландский, неизбежные и красноречивые признаки англо-ирландской светской жизни (снова напрашивается параллель — Кэннонгейт в Эдинбурге). Древние районы смотрят друг на друга через узкую полосу воды. У английского города все преимущества: он находится на острове, и там есть замок, защищающий от врагов. У ирландского города ничего этого нет, правда, позднее его окружили крепостные стены.

Воспоминания о Лимерике прежде всего будут связаны с красивым мостом через Шеннон. В этом месте река широка и прекрасна. По одну сторону от моста поднимаются массивные круглые башни старинного замка, по другую — одна из достопримечательностей Ирландии, огромный грубый камень, сильно пощипанный охотниками до сувениров. Это — знаменитый Камень Согласия.

Ирландские герои в широком смысле слова миру неизвестны. О них знают только сами ирландцы. Сколько англичан могут сказать что-нибудь о Рыжем Хью О'Доннелле, Сарсфилде, лорде Эдварде Фитцджеральде, Роберте Эмметте или Дэниеле О'Коннелле? Однако где вы найдете англичанина, которому имена Уоллеса, Брюса, Джона Нокса, Марии Стюарт, Монтроза и принца Чарльза Эдуарда не были бы знакомы, как имена героев собственной страны?

Шотландия набросила на свое прошлое вуаль романтики. Ее национальную историю полюбили во всем мире, а Ирландия была слишком занята и не достигла уровня отстраненности, при обретении которого пишут великие исторические романы. Но такое время еще придет.

Ирландские герои великолепны. Их невозможно не заметить на тусклом фоне эпохи. Презирая опасность, они бросают вызов и готовы защитить свои убеждения ценой жизни. Будем надеяться, недалеко то время, когда появится ирландский Вальтер Скотт. Страна его заслужила, и писатель вдохнет жизнь в героев — от Сарсфилда до Коллинза — и покажет миру душу Ирландии.

Стоя в Лимерике возле Камня Согласия, поневоле вспоминаешь героя, которым мог бы гордиться любой народ. Это — Патрик Сарсфилд.

Первое июля 1690 года.

Летняя ночь. В Дублин скачет всадник. Он направляется в дом лорда Тирконнела, вице-короля Ирландии. Тот, кто видит его, понимает: дело якобитов проиграно. Это слабый и несчастливый король Яков II. «Наш добрый король Яков — отличный и достойный человек, — сказала как-то герцогиня Орлеанская, — но такого глупца я еще не встречала. И таким его сделала добродетель».

В эту ночь он спасал свою жизнь. Он признался леди Тирконнел, что зять, Вильгельм III, разбил его при Бойне. И горько добавил, что ирландская армия бежала.

— Однако, — возразила леди, — ваше величество спаслись.

На следующий день король уехал в Кинсейл. Там он сел на французский военный корабль, и тот, вместе с похороненными надеждами, увез его в ссылку.

Но борьба продолжилась. Стюарты старались восстановить трон отцов. Британия вместе с протестантскими союзниками противодействовала господству католической Франции в Европе. Протестанты Англии и Шотландии боролись с католиками-ирландцами за власть в Ирландии.

Ирландские войска сосредоточились на западном побережье. Тирконнел, такой же некомпетентный, как сам Яков, последовал за своим господином во Францию, и во главе войска якобитов встал Патрик Сарсфилд. В нем текла ирландская и английская кровь. Человеком он был меланхоличным и скромным, но при этом — бесстрашным патриотом. Военную подготовку он прошел в английской армии, дослужившись до офицерского чина. Сарсфилд решил подготовить Лимерик к предполагаемой осаде. В его распоряжении имелось 20 000 пехотинцев и 3500 всадников.

Гарнизон днем и ночью укреплял городские стены, водружал пушки, готовил боеприпасы, и едва приготовления завершились, явился король Вильгельм со своей армией. Он перекрыл все проходы к северу от города. Один человек из роялистской армии сумел проникнуть в Лимерик и отыскать Сарсфилда. Это был дезертир-гугенот. Он сказал Сарсфилду, что король Вильгельм вызвал из Дублина подмогу для прорыва обороны. Они везут порох, пушки и понтоны. Сарсфилд решился на смелую авантюру — перехватить и уничтожить конвой.

В ту ночь Лимерик спал тревожно и недолго. Часовые наблюдали за лагерными кострами противника. Ровно в полночь пятьсот всадников потихоньку выехали из окруженного города. Возглавлял их Патрик Сарсфилд, а с ним был смелый солдат О'Хоган, знавший окрестности, как свои пять пальцев.

Ехали осторожно, в темноте, в северном направлении; обходили вражеские посты. В Киллало перебрались на другой берег Шеннона. Надо было успеть до рассвета. За несколько часов лазутчики достигли плато Кипер-Хилл. Там они скрывались весь день, а нескольких разведчиков выслали вперед: те должны были узнать маршрут конвоя.

С наступлением ночи пятьсот всадников уселись в седла и направились по дороге в Баллинити. Это всего в семнадцати милях от Лимерика. Там конвой остановился на ночь. По дороге Сарсфилд узнал, что враг в качестве пароля использовал его имя!

Когда подошли к лагерю, услышали окрик часового:

— Стой! Пароль?

— Сарсфилд, — ответил Сарсфилд.

— Проходи!

Пятьсот всадников пересекли линию сторожевых постов, пока не послышался громкий возглас ирландского командира: «Сарсфилд — пароль, и Сарсфилд — человек!» Из ножен вылетели пятьсот сабель, и всадники обрушили их на спящий конвой. Все заняло несколько минут. Понтоны разрушили, набитые порохом пушки сбросили на землю дулами вниз, вокруг свалили фургоны. Сверху набросали порох, и пятьсот всадников приготовились увидеть конец осадного обоза Вильгельма.

Сначала была вспышка. Последовавший за тем взрыв разбудил окрестные деревни. Пожар увидели даже в лагере Вильгельма. Конвой взлетел к небесам. Через

несколько часов Сарсфилда приветствовали в стенах Лимерика.

Но — увы! — не все авантюры Сарсфилда завершались так успешно. Вильгельм приготовил еще один осадный обоз. Он пришел из Уотерфорда. Королю удалось пробить стены Лимерика возле ворот Святого Иоанна, и десять тысяч солдат ворвались в образовавшуюся брешь. О том сражении в Ирландии до сих пор рассказывают и поют. О нем никогда не забудут. Жены и дочери присоединялись к мужчинам и били врага всем, что попадало под руку. Торговцы хватали из рук раненых солдат мушкеты и продолжали бой. В битву вязались мясники, сражаясь своими длинными ножами. Палки, камни, косы — все, чем можно было ранить и убивать, шло в ход. Два ужасных часа длилась битва на улицах Лимерика. В разгар боя страшный взрыв потряс город. Это подорвался отборный пехотный прусский полк Вильгельма. Трижды роялисты наступали на Лимерик, и трижды их отбрасывали от городских стен. На рассвете 2000 солдат Вильгельма были мертвы либо умирали.

Это была первая осада Лимерика. Три дня спустя Вильгельм отплыл в Англию, но война в Ирландии продолжалась.

Произошла и героическая битва на мосту через Атлон. Роялистские войска пытались перейти реку вброд.

— Есть ли среди вас десять человек, готовых умереть вместе со мной за Ирландию? — крикнул сержант Костьюм из драгунского полка Максвелла.

Десять человек под предводительством Костьюма спрыгнули с баррикады и принялись крушить топорами понтоны, пока один за другим не упали под градом пуль. Увидев, как умирают эти храбрецы, еще один герой позвал за собой волонтеров, и другие одиннадцать

человек стали рубить бревна. Только двоим из них удалось вернуться в траншеи.

Двадцать пятого августа началась вторая осада Лимерика. Ее открыла страшная канонада сторонников Вильгельма. Лимерик был последним городом в Ирландии, находившимся в руках якобитов. Сарсфилд командовал остатками ирландской армии. Город был окружен, но продержался весь сентябрь. Лишь 3 октября заключили почетный мир, и смелые защитники Лимерика сдались. На большом камне возле моста Патрик Сарсфилд подписал знаменитый лимерикский договор. По этому договору ирландцам предоставлялась полная светская и религиозная свобода, и всем ирландским солдатам, воевавшим за Якова, был разрешен свободный проезд во Францию.

Всего через несколько дней после подписания перемирия в Шенноне появилось французское подкрепление: 3000 обученных солдат и 10 000 добровольцев с вооружением и провизией. Но было слишком поздно! Генерал Гинкель, главнокомандующий Вильгельма, опасался, что Сарсфилд нарушит договор и возобновит борьбу. Однако его опасения были напрасными.

— Мы соблюдаем нашу честь и честь Ирландии, — сказал Сарсфилд.

Под бой барабанов, распустив знамена, ирландское войско вышло из Лимерика на берег Шеннона. Король Вильгельм, бывалый солдат, в войсках разбирался, а потому захотел взять к себе на службу как можно больше солдат Сарсфилда. Письменные приглашения передавались лично. В параде участвовали 14 000 человек, и только 1046 из них вступили в английскую армию, 2000 солдат решили вернуться на свои фермы, а 11 000, во главе с Сарсфилдом, встали под знамена Франции.

Не успели они покинуть берега Ирландии, как перемирие было нарушено. Короля Вильгельма, возможно, в этом нельзя винить, как и в кровавой бойне в Гленко (Шотландия): английский парламент ограничил его в управлении страной. Если бы судьба Ирландии зависела от короны, а не от парламента, все пошло бы иначе, ибо король Вильгельм был благородным солдатом. Результатом ирландского самопожертвования стали законы, направленные против католиков. Одновременно началось сознательное разрушение ирландской торговли шерстью...

Тем временем «дикие гуси», то есть наемники, летели над миром. Где бы ни объявлялись враги Англии, ирландские солдаты оказывались в первых их рядах. Говорят, что с 1691 года, со времен подписания лимерикского договора и до сражения 1745 года близ селения Фонтенуа (Бельгия) на службе Франции погибло не менее 450 000 ирландцев. Ирландская бригада — самое противоестественное явление в военной истории нашего мира. Ирландские католики отомстили за Лимерик при Фонтенуа; ирландские протестанты отомстили за шерстяное эмбарго в битве при Банкер-Хилл. Да пребудет мир с этой великой армией, которая, хотя и пала на иностранной земле и в чужих сражениях, знала, что умирает за Ирландию.

Сарсфилд был убит во время сражения при Ландене 29 июля 1693 года. Его сшибла с лошади выпущенная из мушкета пуля. Раненый, он услышал приказ к наступлению и понял, что англичане отступают. Сарсфилд положил руку на грудь, посмотрел на свою кровь и произнес одну из самых замечательных фраз в истории: «Ох, если бы это было за Ирландию!»

Но это и было за Ирландию. Сарсфилд занял в ирландской истории место, сравнимое с тем, какое занимает в сердцах шотландцев Уильям Уоллес. Он не был вождем клана — ведь кланы разбили, а их вождей

вытеснили в горы. Но новая Ирландия вооружалась для битв, и он стал ее первым лидером.

В его последнем восклицании мы прозреваем ту Ирландию, за которую пострадало и погибло так много храбрых людей. Он — один из бессмертных персонажей в истории освободительного движения: великий солдат, благородный человек и патриот.

Ни одна земля не рождала более благородного сына, чем Патрик Сарсфилд.

2

Ирландию можно сравнить со средневековым замком, модернизированным и оснащенным электричеством. Половина помещений не занята, и во многие башни столетиями никто не входил, но в каждой должен быть электрический выключатель! Вернет ли электричество жизнь старому замку и наполнит ли его денежными посетителями?

В том-то, если вернуться к повествованию, и состоит проблема могучей шеннонской электростанции (стоимость проекта — £ 5 000 000). Самая средневековая страна Европы обладает самым современным электрическим оборудованием. На земле мелкого фермера, ведущего хозяйство, как древний вавилонянин, появилась электроэнергия. Теперь он сможет доить коров с помощью электричества. Обитатели беленых лачуг, никогда не видевшие ванны, получили возможность согреть воду, нажав на кнопку.

Куда бы вы ни направились, из скалы или из поля перед вами неожиданно вылезает стальная конструкция в сорок футов высотой. Столбы охватывают территорию Свободного государства концентрическими кругами. Между ними протянута стальная паутина проводов. Они принесут электричество в большие города и отдаленные

лачуги Бог-Аллена. Произведут его динамо-машины Лимерика, работающие на воде Шеннона.

Каждый, кто хочет видеть Ирландию мирной и процветающей страной, станет молиться за успех шеннонского проекта, потому что с ним связано будущее Ирландии. По этому поводу, как обычно, существуют две точки зрения. Некоторые ирландцы говорят, что дешевое электричество через несколько лет превратит Ирландию в еще одну Данию. Другие заявляют, что ирландский фермер не станет пользоваться электрической энергией. Кто-то утверждает, что электрификация Ирландии будет способствовать развитию тысяч новых отраслей, а ему возражают: мол, ничто не сделает Ирландию промышленным государством! Оптимисты считают, что электрическая энергия будет такой дешевой, что никто не сможет без нее обойтись. Шеннонский проект, если все сложится, должен вдвое увеличить имеющийся на настоящий момент расход электричества в Свободном государстве.

Немецкий инженер в норфолкской куртке и твидовых бриджах, удобных для езды на велосипеде, объяснил мне суть проекта. Немецкие мозги и ирландские мускулы обуздали реку Шеннон. Около 300 немецких инженеров и техников вместе с 4000 ирландских рабочих работают над проектом с 1925 года.

Мы стояли над электростанцией у селения Арднакруш и смотрели с высоты на самое впечатляющее инженерное сооружение Британских островов. Потрясающий вид! Для могучих вод Шеннона вырыли искусственное русло длиной двенадцать миль. Представьте себе новое русло Темзы: оно бы протянулось от Баттерси до Гринвича!

По пути в новое русло река создаст искусственную Ниагару. Турбины преобразуют водопад в электрическую энергию. И через канал река вернется в старое русло.

Мы смотрели на искусственную долину. По каменистому дну люди ползали, словно мухи. Стоя на выступах, они руководили работой ковшовых экскаваторов и странных машин на гусеничном ходу. Долину перекрещивали железнодорожные ветки. По ним хлопотливо двигались немецкие локомотивы, таща за собой вагоны, наполненные породой. Напротив входа высилась бетонная дамба, а под ней — огромные турбины. Они заработают, когда река устремится к каналу и рухнет в подготовленное ложе.

Вокруг нас слепо двигались стрелы кранов, поднимая тонны земли и глины. По рельсам пыхтя бежали маленькие локомотивы, из окошек кабин торчали блондинистые немецкие головы. Везли по назначению цемент и камень. Далеко позади синели горы Клэр.

Инженера, как и всех немцев, отличала любовь к большим машинам. Взглянув на площадку, выглядящую подобием лагеря кладоискателей в разгар золотой лихорадки, он излил на меня поток статистических данных: сколько породы поднимают в час семь ковшовых экскаваторов, сколько земли переносят диковинные, похожие на танки, монстры, оснащенные электрическими черпаками. Два огромных транспортера — с именем «Крупп» на боку, каждый весом 350 тонн — выстраивали дамбу, швыряли с высоты землю в реку. Инженер с гордостью сказал мне, что все из Германии — 30 000 тонн механизмов, 40 000 тонн взрывчатки для подрывания скал.

Он горделиво смотрел на изумительную сцену. Мы слышали шум динамо-машин на временной станции. Они освещают долину Шеннона из Киллало и приводят в действие все эти кошмарные механизмы...

— А что получит Ирландия? — спросил я.

— Иностранную промышленность! — ответил он без запинки.

— Вы хотите сказать, что это инвестиции иностранного капитала?

— А почему бы и нет? Это означает занятость. Сокращение налогов. Здесь вырастут германские фабрики. Бельгийские фабрики. Возможно, и американские фабрики...

— Бедная Ирландия! — вздохнул я. — Неужели она так и не насладится одиночеством?

Он взглянул на меня, как на сумасшедшего. (Река Шеннон, кстати, часто становилась главным путем для вторжения в Ирландию.)

— А ирландский фермер? — спросил я.

— Фермер? — Инженер пожал плечами.

— Сколько будет стоить электричество?

— Неизвестно.

— Ирландцы говорили мне, что цена этого проекта не пять, а все десять миллионов.

— Этого я не знаю.

— В канун Армагеддона — а, согласно ирландской легенде, он состоится в Курраге — один взрыв бомбы на плотине, и все Свободное государство погрузится в темноту. Верно?

Инженер взглянул на меня с некоторым уважением.

— Да, — подтвердил он. — Одной бомбы хватит.

Возле электростанции выросли два временных городка: один — немецкий, другой — ирландский.

Немецкий городок — удивительное место. Там, разумеется, есть магазин деликатесов, в котором можно купить ливерную колбасу и квашеную капусту. Из окон смотрят крупные блондинки. Маленькие мальчики с коротко стриженными головами и маленькие девочки с длинными локонами возвращаются из школы с ранцами, набитыми учебниками — немецкая грамматика и книги по истории Германии.

Я вернулся к реке. Меня поразила энергия, проявлявшаяся в долине Шеннона. Восхищало мужество

людей, взявшихся за грандиозную задачу. Я надеялся, что новая Ирландия станет более счастливой и процветающей страной.

Но окупится ли проект? Вдохнет ли он в Ирландию новую жизнь? Удержит ли людей от эмиграции? На этот вопрос ответа ни у кого не было. Я слышал противоположные мнения. Нельзя забывать, что население страны сократилось с восьми до трех миллионов человек. Между тем на территории Ирландии свободно могло бы поместиться тридцать миллионов человек. С учетом рынков и предприятий, работы хватит, по меньшей мере, для двенадцати миллионов людей. Возможно, шеннонский проект раскроет потенциал страны, создаст новые отрасли промышленности и удержит молодых ирландцев на этом берегу океана. Дело нелегкое, да и времени оно отнимет немало.

По дороге в Лимерик я встретил человека, ведущего коров, сзади катила свинья в тележке, запряженной осликом. Должно быть, он и тысячи таких, как он, — потенциальные потребители электричества. Я подумал, что первым действием агитационной кампании, по возможности, должно быть уничтожение девиза сельской Ирландии: «Нам и так хорошо!»

Англичане сказали бы: «То, что было хорошо для отца, хорошо и для нас, а вы можете убираться ко всем чертям!»

3

В чем очарование Ирландии?

Это очарование страны, которая до сих пор духовно живет в восемнадцатом веке. Ирландия, в отличие от Англии, Франции или Италии, — страна, где людям безразлична механизация. Машины, которые в любой

другой стране отправились бы на помойку, до сих пор эксплуатируются ирландским селом. Локомотивы и вагоны, которые, по мнению англичанина, должны быть давно уничтожены, все еще катаются по главным магистралям Ирландии и придают местному ландшафту вид старины. Зато каких великолепных лошадей вы видите в полях! Какие потенциальные победители больших соревнований пасутся на лугах!

Самый бедный фермер в Керри найдет деньги, чтобы покрасить свою тележку, в то время как обеспеченный владелец гаража не считает для себя позором ехать на «форде», брызговики которого привязаны к корпусу веревкой! («Подумаешь, это всего лишь машина!»). Если в ирландский город въедет новый «роллс-ройс», никто не остановится и не восхитится чудом техники.

Такое отношение приятно удивило меня, как и любого другого человека, приехавшего из страны, сходящей с ума от машин и скорости.

Мы идем на аукцион «Кристис» и выкладываем огромные деньги за стулья, изготовленные Чиппендейлом, Хепплауитом и Шератоном. Мы идем на аукцион «Сотбис» и платим сумасшедшие деньги за книги восемнадцатого века, переплетенные в телячью кожу, и за гравюры того же периода, изображающие охоту и почтовые кареты, мчащиеся по Большой северной дороге, постоялые дворы, где меняют лошадей, и другие сцены «румяного, здорового века». Стало трюизмом утверждение, что каждый век ностальгирует о предыдущем столетии. Мы становимся сентиментальными, когда вспоминаем правление королевы Виктории, и во всем этом, как мне кажется, таится грусть по спокойным дням, которые ушли навсегда, дням, когда наши прадеды, со всеми их грехами и лицемерием, были ближе к земле.

В Ирландии эта эпоха еще не минула. Здесь еще не сгорели свечи восемнадцатого века. Это — страна

лошадников и пастухов. Если бы ожили сквайр Уэстон, Джоррокс, Тони Лампкин или доктор Синтаксис^[15], возможно, Ирландия была бы единственной страной, в которой они почувствовали бы себя вполне счастливыми. И удивительно: еще более древний и эксцентричный персонаж, чем все остальные, почувствовал бы себя в Ирландии как дома, потому что никто здесь не проявил бы невежливости и не назвал бы его сумасшедшим. Это — Дон Кихот!

В графстве Лимерик есть один дом, укрывшийся за стеной. С обоих концов этой стены имеются две сторожки. Вы можете стучать в дверь и кричать хоть до судного дня, — привратник вас не впустит. В сторожках никого нет, и окна, те, что не разбиты, много лет никто не мыл. Однако в Ирландии внешний вид ничего не значит.

Старые деревья до последнего времени скрывали длинное, низкое здание, портик с колоннами и веерообразное окно над входной дверью. В имении есть конюшня и различные надворные постройки.

Я позвонил в колокольчик. Собаки разнообразной масти и размеров устроили страшный гвалт. Дверь отворил худой человек среднего возраста с лошадиным лицом. На мужчине были бриджи для верховой езды, лосины и куртка из грубого твида, подбитая кожаными полосками на запястьях и плечах. Выглядел он грозно и смотрел на меня холодными глазами; такое выражение лица Ирландия поберегает для сборщика налогов. Шесть или семь собак разных пород яростно лаяли на меня, что не делало прием хоть чуточку теплее.

— Кто вы такой? — сурово спросил мужчина. Одна из собак слетела вниз по ступеням и отрезала мне отступление. На редкость свирепая гончая. Даже в столь опасный для меня миг на ум невольно пришел сэра Оливер Лодж. Собака лаяла и скалила зубы, нехорошо

поглядывала на мои лодыжки, а затем попятилась, словно выбирая лучшую цель.

— Молчать, Пэт! — гаркнул мужчина. — Не то угощу кнутом. Поди прочь. И вы тоже, Белл, Ред Мэйд, всем молчать! Кто вы такой, черт подери?

Я сказал, что у меня для него есть письмо от друга.

— Вы друг Майка? — воскликнул он. — Входите, да входите же...

Его манера тотчас изменилась. Он улыбался, как мальчик. Холодная подозрительность уступила место экстравагантному дружелюбию. Друг Майка! Подумать только! Он взял рекомендательное письмо и сунул его в карман куртки, не открывая. И как поживает старый черт? Его кобыла Кэтлин плохо показала себя в Курраге. Видел ли я гонки? Еще бы!

Все время, пока мы обменивались рукопожатиями и шли по коридору, мне казалось, что мы с ним закадычные друзья, встретившиеся после долгой разлуки.

— Мэри, — крикнул он возле лестницы, — иди-ка сюда! К нам приехал друг Майка. Как вас зовут? — спросил он театральным шепотом. — Мистер Хортон приехал повидать нас. Да, друг Майка...

И, несмотря на частые поправки с моей стороны, до самого конца моего визита я так и оставался мистером Хортоном.

Мы вошли в комнату, которая за два столетия ничуть не изменилась. Это был кабинет хозяина. Вернее сказать, это была комната, в которой он подписывал чеки, хранил родословные лошадей и поддерживал связь с миром лошадиников. Из золотой рамы на нас смотрел пожилой человек, копия моего хозяина. На старике был парик с косой, табачно-коричневый сюртук и светлый жилет. Судя по носу, по вечерам он не прочь был приговорить бутылку портера. В кабинете я увидел книжный шкаф работы Шератона, наполненный книгами

в переплетах из телячьей кожи, письменный стол с грудой бумаг и накрытый для завтрака овальный стол красного дерева.

— Херес или, может, стаканчик виски? — спросил хозяин.

В огромные стаканы с виски он добавил по чайной ложке воды, мы улыбнулись друг другу и уселись за стол. Ирландцы, встречая гостя, к которому расположены, либо хотят создать такое впечатление, всем своим видом показывают, что его появление отодвинуло на второй план остальные дела, и ничто на свете не имеет значения, кроме этой замечательной встречи. Такое поведение заразительно. Оно найдет отклик даже у самого глубокого мизантропа.

И мы заговорили о Майке. О лошадях Майка, об английской жене Майка, об отце Майка и о его знаменитом дедушке, о правительстве, о мистере Косгрейве, о тотализаторе и налогах на выигрыши, о Майкле Коллинзе, его жизни, его смерти, его месте в истории, о шеннонском проекте, о свободной торговле, ирландском сельском хозяйстве и о состоянии коневодства. Затем снова о Майке.

В этот момент вошла жена моего хозяина, Мэри. Она принадлежала к типу живых маленьких ирландок — темноволосых, голубоглазых, моложавых, отлично умеющих обращаться с мужчинами. Вы смотрите на них и восхищаетесь их искренностью, чувством юмора, презрением к условностям, умением поддержать мужской разговор. За всем этим вы словно видите толпу братьев, и все на лошадях!

Она мигом, что называется, ввела меня в семью и объявила, что Майк в своем репертуаре: посылает друга в день, когда кухарка ушла навестить старую мать в Клонмеле и когда на ланч нет ничего, кроме холодного пирога. Может, сходим в огород, нарвем овощей для салата? И мы пошли.

У ирландцев нет претензий среднего класса. Английскому среднему классу постоянно льстят, его ласкают пресса и политики, потому что знают, что он слишком «респектабельный», слишком снобистский и слишком глупый, чтобы взбрыкнуть против фантастического финансового груза, возложенного на его плечи. Людей этого слоя одолевают всевозможные дурацкие социальные фетиши. Никогда нельзя прийти к ним без предупреждения: а вдруг кладовка окажется пустоватой, тогда хозяйка испытает унижение. Но Ирландия обладает здоровой, и я бы сказал, аристократической беззаботностью в отношении подобного: «Принимайте нас такими, какие мы есть, или отправляйтесь ко всем чертям!»

Итак, пока миссис О'М... занималась пирогом и салатом, я пошел с ее мужем осматривать ферму. Восхитился коровами, добрал до огороженного участка возле конюшни, в котором увидел перепугавшихся жеребят. Они галопом помчались прочь, гривы и длинные хвосты развевались по ветру. В следующем загоне находился потенциальный победитель национальных скачек.

Я спросил Майка, как он пережил мятеж и гражданскую войну. Во время мятежа он служил во Франции в составе английской армии, а после войны вернулся в свое имение. Я не мог понять, как он относится к мятежу, но из того, что он говорил об отношении к ирландской армии во Франции — «Вон идут шиннеры!» — было понятно: человек, готовый принять старую социальную и политическую систему, приветствовал новую эпоху. Он был редким экземпляром — ирландец со старой кровью. Его соседа, лорда Икс, земли которого были рядом с его землями, выгнали из деревни. Он был потомком одного из англо-ирландцев, что заняли поместья, дарованные им во времена Кромвеля. Он вытеснил ирландскую семью, которую

увезли «в ад или в Коннахт», и люди ему этого не простили. Как все люди его класса, он был англичанином в Ирландии и ирландцем в Англии.

Но мой друг пережил гражданскую войну без приключений. Иногда, сказал он, приходили отряды Свободного государства и размещались у него на постой; в другое время это были республиканцы. И те, и другие вели себя очень вежливо, если не считать подрыва местных мостов, что доставляло некоторые неудобства. Родовые схватки новой Ирландии его не коснулись.

— Идите в дом! — крикнула из окошка миссис О'М...

Поразительно, как в Ирландии исчезают прошлые столетия: вы, словно во сне, переноситесь в другое время. Этот ланч был похож на ланчи, что подавали в этой комнате двести лет подряд. Мы вернулись в век свечей Георга II. Если бы мой хозяин вдруг обратился ко мне и спросил, что я думаю о мятеже принца Чарльза Эдуарда в Шотландии, я не слишком бы удивился: такой вопрос гармонировал с домом, с этой комнатой, с ланчем и общим направлением нашей беседы. Такой вопрос был бы эхом старого дома, шепотом, доносящимся из темного угла.

Собаки тыкались мокрыми носами нам в ладони, и мой хозяин то и дело бросал им кости. Они уносили лакомство, и вскоре из каждого угла комнаты слышался хруст. Время от времени собаки делали короткую паузу и, подняв головы, глядели на хозяина с уважением и обожанием.

Разговор, как и всякий разговор в Ирландии, скакал, словно гном по горе.

Мой друг с негодованием отозвался о том, как во времена «перемен» здесь относились ко многим землевладельцам англо-ирландского происхождения. Сказал, что вместе с виновными пострадали невинные. Многие хорошие люди, всем сердцем любившие страну,

вынуждены были уехать, а вслед им сыпались проклятия. Однако ни одна революция не обходится без несправедливости. Я впервые осознал, какой горькой может быть революция для человека, рожденного ирландцем, получившего образование в Англии, исполненного английских предрассудков, но одновременно и ирландских родственных чувств. Внезапно, как это обычно бывает, он обнаружил приставленный к своему виску пистолет сына одного из своих арендаторов.

Станут ли снова оставшиеся в стране англо-ирландцы аристократами?

Он ответил, что это вряд ли случится.

— Ирландия сегодня, — сказал он, — страна без аристократии. Со временем, возможно, и возникнет новая аристократия. Такой-то и такой-то, сын лавочника, станет охотиться, выезжать с собаками, и страна будет выглядеть примерно так, как было прежде, только в седлах будут сидеть другие люди. Что бы ни случилось, лишь бы охота продолжалась...

Я приехал к ланчу, а сейчас уже темнело. С большой неохотой я стал прощаться.

— Зачем такая спешка? Оставайтесь ночевать, — предложила миссис О'М...

Я оглянулся на дом за стеной. Эта стена охраняла несколько акров восемнадцатого века.

4

Я перевалил через горы Клэр и прибыл в серый город Голуэй. В бухте зажигали фонари. В небе медленно угасала невероятная вечерняя заря. Над горами висела тускло-красная дымка, словно пыль, просыпавшаяся из-под колес сказочного экипажа. Атлантика купалась в странном бледно-зеленом свете, чудесным образом

сливавшемся с синими сумерками. Потом этот свет погас, и на небо выплыли несколько звезд. Они повисли над синими вершинами Коннемары.

Голуэй принял меня в бархатные объятия, и в первые мгновения я почувствовал себя так, как бывает иногда с человеком, встретившимся с незнакомцем: в мою жизнь вошла новая привязанность. Голуэй не был похож на те места в Ирландии, которые я уже посетил. Казалось, он принадлежит сам себе.

Теперь я знаю, что странная красота, которой, словно пылью, присыпан Голуэй, — дух гэльской Ирландии. Это то, что бросает вызов времени, то, что похоже на декларацию веры. Ирландцу, должно быть, Голуэй кажется особенно красивым. Представьте себе, какие чувства испытал бы англичанин, если бы его страна несколько столетий жила под иностранным игом и говорила бы на иностранном языке, а он ненароком явился бы в маленький город в Сомерсете и услышал бы, что люди там говорят по-английски.

Портье в гостинице, выгрузивший мой багаж, отогнал от меня решительно настроенную старушку в черной шали, пытавшуюся что-то сказать. Я пошел вслед за ней и спросил, что она хочет. Оказалось, ее муж потерял работу. Сыновья тоже были безработными. Милая дама, когда я положил ей в ладонь шиллинг, сказала:

— Да благословит вас дева Мария и благополучно доставит домой.

Я дважды встречал ее во время своей первой прогулки по Голуэю, и каждый раз она повторяла свое благословение с благодарностью, непомерной по сравнению с той жалкой милостыней, которую она от меня получала. Я чувствовал, что первые мои шаги на запад благословляются свыше...

Я бродил по узким улочкам мимо разрушенных испанских домов: в Голуэе многое напоминает об

Испании. Смотрел на квадратные дома с внутренним двором и воротами, открывающимися на улицу. Магазины тканей встречали меня яркими красками. Я видел штабеля алой фланели, из которой рыбачки — хотя мода и проходит — шьют широкие яркие юбки.

Да это просто город вчерашнего дня! Проклятие Кромвеля легло на Голуэй тяжелее, чем на любой другой ирландский город. Это город мертвых фабрик и рушащихся домов. В Средние века Голуэй был ирландским Бристолем. В самом имени звучат отголоски величия — Лондон, Йорк, Бристоль, Дублин, Голуэй. В таких именах есть что-то высокое и властное.

Четырнадцать англо-норманнских семей Голуэя, завоевали для своего города титул «города купцов». Эти семейства были самыми уважаемыми в Ирландии. Их дети так долго женились друг на друге, что приходилось не раз издавать специальное разрешение для брачующихся. Они заложили богатство города. На набережные выгружали бочки с испанским вином. В портах Испании привыкли к галеонам из Голуэя, да и ирландцам испанские суда были не в диковинку. Во время гражданской войны Голуэй сохранял лояльность Карлу, Кромвель этого не простил, и Голуэй так никогда и не оправился от разгрома.

Сто лет назад население города составляло 40 000 человек; сегодня количество жителей этого некогда мощного порта сократилось до цифры, равной маленькому английскому городку. Сейчас среди руин прошлого величия здесь живут всего лишь 14 000 человек.

В отеле я встретил ирландца, который рассказал следующее: «Во время войны в бухте появилась немецкая субмарина, и капитан отдал приказ обстрелять Голуэй. Молодой офицер, проводивший рекогносцировку, прислал донесение: “Голуэй уже обстреляли, сэр”».

Ирландец думал, что это забавная история, но мне не было смешно.

Я познакомился с маленьким краснолицым ирландцем средних лет. Звали его Майкл Джон. Если вы когда-либо рыбачили в Голуэе, вам он наверняка знаком.

Вместе с ним мы пошли по городу, к церкви Святого Николая, небесного покровителя детей, моряков (и воров!). Там висит колокол, вывезенный (никто не знает, как и почему) из некоего аббатства во Франции. Мы посмотрели на старый испанский дом, в котором родились термин «линчевание» и «закон Линча». Майкл Джон рассказал мне мрачную историю.

В 1493 году Джон Линч Фицстефен, мэр Голуэя, поехал в Испанию для переговоров об улучшении торговых отношений. Его принимал богатый купец по имени Гомес. Сын Гомеса, красивый молодой испанец, вернулся с мэром в Ирландию в качестве гостя. У Линча тоже был сын, Уолтер, и молодые люди подружились. Уолтер Линч был влюблен в девушку по имени Агнес. Отец Агнес, купец, превосходно говорил по-испански и с восторгом принял к себе в дом молодого чужестранца. Уолтер Линч страшно заревновал, и в порыве страсти, зарезал испанца и бросил его тело в море.

Уолтера арестовали, и он сознался в своем преступлении. Мэр приговорил сына к смерти. Но ни один человек в Голуэе не хотел казнить юношу! Толпа попыталась устроить ему побег, но мэр не допустил этого, и на глазах всего народа Линч повесил собственного сына.

— Думаю, он считал, что обязан сделать это, — прокомментировал Майкл Джон, — ради чести Голуэя. Его сын не только совершил убийство, но и поправил законы гостеприимства. После казни Линч пошел домой, и больше никто его не видел...

По странному капризу судьбы «суд Линча» означает сейчас месть толпы по отношению к преступнику.

Мы пошли к лососевой запруде на реке Голуэй. Майкл Джон знает ее, как свои пять пальцев.

— Чуть позднее в этом году здесь будет самое удивительное зрелище в Ирландии, — сказал он. — Вы можете с моста увидеть больших лососей, в тридцать и сорок фунтов. Они пойдут плотно, как сардины в банке! Трудно в это поверить, пока сам не увидишь. Они похожи на большую толпу возле билетной кассы. Рыба из моря пойдет в озера...

Узкая река — единственный выход из моря к озерам.

Река Голуэй — рай для удильщика. Рассказывают, что один рыбак умер здесь от восхищения, но история этим не заканчивается. Местная газета после сообщения об этом событии написала: «Наши читатели будут рады узнать, что удочку, оброненную мистером N, немедленно поднял наш уважаемый горожанин, мистер X. Он обнаружил, что рыба все еще на крючке. После десятиминутной борьбы ему удалось вытащить ее на берег. Оказалось, что это хороший лосось весом пятнадцать фунтов».

Что ж, чудесная эпитафия, подумал я.

Мы пошли по узким деревянным мосткам над ревущей водой и увидели человека с отпорным крюком, которым он убил удивительного лосося. На весах тот потянул на сорок два фунта! Рыбина была величиной с акулу и такая же толстая. В реку опускают две сети, но, по закону, оставляют и свободный проход. Рыба попадает на крючок по невезению или по глупости. В конце недели сети поднимают, что тоже законно: пусть в воскресенье придет из моря разумный лосось.

— Что будете делать с рыбой? — спросил я у человека, взвешивавшего монстра.

— Лондон, — последовал лаконичный ответ.

Кладдаг в Голуэе — одно из самых удивительных зрелищ в Европе. Кажется непостижимым, что человек может позавтракать в Лондоне, а на следующий день сидеть за ланчем в этой гэльской деревне.

Не знаю на Британских островах ничего живописнее, чем эта удивительная рыбацкая деревушка. Тут разбросаны аккуратные беленые домики под соломенными крышами. Если вы возьмете три сотни маленьких игрушечных домиков и швырнете их на пол в детской, у вас получится что-то наподобие Кладдага. Это — триумф бессознательной красоты. Дома поставлены под самыми невероятными углами. Задняя дверь одного домика открывается в сторону передней двери соседского дома.

— Как же так вышло?

— Когда Голуэй был еще городом купцов, — пояснил Майкл Джон, — коренные ирландцы вынуждены были жить за городскими стенами. Так и образовался маленький город.

За стенами каждого англо-норманнского города вырастали вот такие «ирландские города». До наших дней уцелел только Кладдаг. Майкл Джон еще помнит последнего «короля» Кладдага. Это поселение несколько столетий соблюдало неписанный закон, за исполнением которого наблюдал старшина, рыбак, как и все прочие. Его вердикты никогда не оспаривались.

Когда сто лет назад была написана книга об Ирландии, «король» по-прежнему имел власть в Кладдаге.

Отдельными общинами по-прежнему управляет «король», избираемый на один год. Действуют также и собственные законы. Одно время воля «короля» была абсолютной, он был могущественным деспотом, однако затем его власть пошла на спад, как это всегда бывает с

деспотическими режимами, и сейчас он, по словам одного из его подданных, «что-то вроде лорд-мэра Дублина или другого города». Тем не менее влияние его значительно, и он делает все, что в его силах, буквально бесплатно, ради «блага людей». Он постоянно выслушивает и решает какие-то дела, так как его люди никогда не апеллируют к высшему трибуналу. Даже когда человек из Голуэя обижает того, кто не является жителем Кладдага, он наказывается по их законам. Например, один джентльмен пожаловался на цену трески, которую купил у одной из общин. По его мнению, вкус рыбы не заслуживал столь высокой цены, и он вообще отказался за нее платить. Это противоречило законам Кладдага. Через день или два тот человек пошел купить рыбу для званого обеда в другом районе Кладдага. «Нет, сэр, — ответили ему, — мы не сможем вас обслужить, пока вы не заплатите за треску тому рыбаку». — «А вам-то какое до этого дело? — спросил джентльмен. — Ведь я заплачу вам». — «Только после того как вы расплатитесь с другим рыбаком. Мы, рыбаки Кладдага, стоим друг за друга».

В книге, о которой я упомянул, описывается посещение спорщиками дома «короля»:

«Его величество, однако, был в море, но нас представили “королевской” семье — несколькими детям и внукам, цветущему здоровью которых мог бы позавидовать любой монарх христианского мира».

Мистер Стивен Гвинн сообщил интересные подробности о людях Кладдага в своей книге «Выходные в Коннемаре», опубликованной в 1909 году (сейчас она уже не издается). Одно время он был кандидатом в парламент от этого района.

По моему мнению, — пишет он, — у нас здесь есть потомки не испанцев, а более старой ирландской нации, которая построила на Аранских островах большой форт. Это «фир болг» (люди кожаных мешков). Более высокие и сильные милетские племена вытеснили их в близлежащие горы и острова.

Во время выборов в этой общине обнаружился любопытный раздел мнений. В Голуэе имеются два округа, выбирающих в парламент своих представителей. Мелкие фермеры радостно поддерживают партию националистов — и на словах, и при голосовании, потому что эта партия — часть Ирландии, и их интересуют те же вопросы, что и население. Но с человеком из Кладдага вы можете говорить только о Кладдаге. Вся Ирландия его не интересует. Земельный вопрос его не касается, потому что у него нет земли. Оживление прибрежного рыболовства тоже не принесло ему ничего хорошего: он и раньше рыбачил и имел собственный достаточный рынок.

В одном я убежден: если хотите серьезно побеседовать с жителем Кладдага, говорите по-ирландски. Я пошел однажды познакомиться с людьми и увидел пожилого рыбака, стоявшего отдельно от окружавшей меня говорливой группы. Он не сказал ни слова, но, когда я перешел на ирландский язык, тут же заговорил свободно и красиво. Мы рассуждали на технические темы — о лодках, — и тут я почувствовал нехватку словарного запаса. Рыбак сжалился надо мной и заговорил на отличном английском языке. Потом я спросил: «Почему вы сразу не заговорили со мной по-английски?». Он

тут же перешел на ирландский: «Если бы мы заговорили по-английски, вы выглядели бы по сравнению со мной более умным человеком. Ирландский язык — другое дело».

Мистер Гвинн продолжает сообщать интересные наблюдения о людях Кладдага. Как бы я хотел быть с ним в то время!

Через несколько дней мне понадобилось пройти по всей деревне, из дома в дом, и показалось странным, что в три и четыре часа дня в маленьких темных домах сильные молодые люди только-только вставали из постели. Это, впрочем, естественно в рыбацком поселке, поскольку на промысел выходят ночью. Но меня поразило то, чего я не видел в других местах Ирландии: там мужчины считают зазорным ухаживать за младенцами или делать другую работу, считающуюся женской. Но здесь, по меньшей мере, в десятке домов я обнаружил, что мужчина стоит или сидит с ребенком на руке. Он держит его так, как это делает женщина — нежно, точно в гамаке. Любопытное зрелище и очень привлекательное. Жена же большую часть времени торгует на улице пойманной им рыбой. Однако больше всего отпечаталось в моей памяти ощущение замкнутости, отстраненности Кладдага и его жителей. Нигде больше в Ирландии я не встречал таких необщительных и застенчивых людей, с которыми трудно разговаривать.

Я прогулялся по Кладдагу ближе к вечеру. Рыбаки ушли в море, и я увидел лишь очень старых людей, стоявших на улице с трубкой в зубах. Один из них

словно сошел с испанского галеона. В нем не было ничего от фир болг. Чистый испанец: высокий, худой, смуглый, длиннолицый, с яростными темными глазами и остроконечной бородкой; в ушах тонкие золотые серьги-колечки.

Жаль, что Кладдаг привлек внимание санитарных служб. Многие красивые белые дома были снесены, а на их месте появились уродливые маленькие современные дома, пострашнее безобразных бунгало Сассекса.

Я стал свидетелем зрелища, типичного для современного Кладдага. Из примитивного домика под соломенной крышей вышла элегантная молодая девушка в модной фетровой шляпе, голубом, явно сшитом на заказ костюме и шелковых светлых чулках. Мать проводила ее до дверей.

Женщина принадлежала к другому поколению и, как казалось, другому миру. На ней была широкая красная юбка рыбачки, из-под которой виднелись босые ноги. Одной рукой она придерживала на плечах серую шаль.

— Видите ли, в чем дело, — сказал Майкл Джон. — Девушки переодеваются из рабочей одежды во все самое лучшее и выходят вечером погулять. Самые модные девушки, которых вы видите в Голуэе, вечером возвращаются в лачуги Кладдага...

Навстречу нам, словно королева, шла красивая брюнетка в мужских башмаках! На ее голове висилась большая круглая корзина. Женщины Голуэя носят в ней на продажу рыбу. Сейчас эта девушка придет домой, наденет чулки, туфли на высоких каблуках и маленькую шляпу из черного фетра! Мне было немного грустно оттого, что после столь долгого сопротивления миру Кладдаг капитулировал перед мистером Селфриджем.

— В прежние времена жители Кладдага никогда не женились и не выходили замуж на сторону, — сказал Майкл Джон. — Но с этим покончено. Девушка из Кладдага охотно выйдет замуж за парня из Голуэя.

Ночью Кладдаг особенно красив. На улицах нет фонарей. Дорогу в лабиринте домов находишь по свету из окон и открытых дверей. Земляная дорога утоптана ногами поколений, начиная с норманнского покорения Ирландии. В сумерках светятся беленые дома, из труб струится дым. Детей, что днем играли на земляных площадках и перед дверями лачуг, прогнали спать. Тихо, только сверчки стрекочут. В темноте видны силуэты мужчин. Они стоят маленькими группами, говорят по-гэльски. Иногда замолкают и тихо приветствуют кого-то:

— Добрый вечер.

В маленьких окнах светятся огни. Через отворенные двери видны маленькие комнаты с низкими потолками. Там тепло, чисто и уютно, только слишком миниатюрно. Трудно понять, как длинноногие гэлы могут там жить и передвигаться. Непонятно, почему гэлы, ненавидящие стены, не создали более просторных жилищ. Странно смотреть на то, как здесь и в шотландском Хайленде высокие люди наклоняют головы, чтобы не стукнуться об потолок. Возможно, гэлы никогда и не пытались строить себе нормальные дома, потому что при высоких потолках их жизнь была бы такой же жалкой, как и при низких.

За каждой отворенной дверью виден интерьер, отчетливый, словно на картине Питера де Хоха: женщина, склонившаяся над работой. Бросается в глаза красивая алая ткань. Часто слышится плач ребенка и тихий женский голос, поющий ирландскую колыбельную. Пение похоже на ласковые волны, набегающие на берег. В этих комнатах, теплых от торфяного огня и шумных от стрекота сверчков, красный огонек горит перед Святым Сердцем.

Парапет моста в Голуэе стерт до гладкости стекла руками тех, кто облакачивается на него, глядя на лосося, идущего из соленой воды. Это одно из главных зрелищ Ирландии.

Поначалу, заглянув в реку, я ничего не увидел. Затем то, что я принял за водоросли, странно задвигалось, и я сообразил, что смотрю на спины сотен лососей. Никогда не видел ничего подобного: огромная рыба толпа, с еще не смытой морской пеной, почти неподвижна. Носы рыб направлены в сторону озер. Если бы я уронил в реку кирпич, то наверняка убил бы, по меньшей мере, десять рыбин по восемнадцать футов каждая, ибо они дожидались своей очереди, притиснутые одна к другой.

Время от времени одно из чудовищ начинало проявлять нетерпение, и, мускулисто напрягшись, пропихивалось вперед, однако невероятная теснота не давала возможности двинуться дальше, и лосось вынужден был отступать.

Внизу, на берегу стояли трое серьезно настроенных рыбаков. Я смотрел на них по меньшей мере с час, однако ни одной поклевки за это время не случилось. Один рыбак постоянно разбивал воду удочкой над тридцатью мощными рыбинами, но ни один лосось не проявил к наживке ни малейшего интереса!

И все же мужчины должны были ловить в этом месте, потому что платили за это удовольствие два фунта в день при условии, что за три дня могут взять себе только одну рыбу.

Стивен Гвинн, великий рыбак, рассказывал, что один человек за три месяца рыбалки поймал тонну лосося.

Рано утром вы перегнетесь через перила моста и увидите, что за ночь лосось ушел к озерам. Осталось только две или три рыбины. Однажды утром я впервые

увидел рыбу, убившую английского короля. Это минога, которой отравился Генрих I. Любопытное создание — наполовину рыба, наполовину угорь. Она лежала на дне между камнями и покачивалась вместе с течением.

Глава девятая

Там, где кончается мир: Коннемара

Мир заканчивается за каменными стенами Коннемары; я иду в страну красоты, слушаю гэльскую музыку и на берегу Атлантики беседую с голоногой девушкой.

1

Теперь я знаю, где находится конец света.

Здесь серая земля. Над нею ходят золотые облака, одно за другим, медленно, словно стадо волов. Земля крапчатая и похожа на отрез домотканого твида. На ней сотни и тысячи невысоких каменных стен. Они поднимаются к небу, рушатся в пропасти и ущелья и перекрещиваются, как линии на ладони. Серые стены сторожат самые маленькие поля в мире. На деле это не поля, а просто камни, присыпанные землей. Некоторые из них не больше обеденного стола. Часть имеет продолговатую форму, другие квадратные, некоторые почти круглые, есть и треугольные, но на каждом поле имеется собственная маленькая стена высотой по грудь взрослому человеку, так что земля, серебристо-серая, куда ни посмотри, похожа, как я уже отметил, на большой кусок твида, который ткут в здешних горах.

Белая дорога змеей вьется меж серых стен. По дороге шагают крепкие девушки с голыми ногами. На них красные юбки и синие передники. При ходьбе они покачивают бедрами с грацией женщин, не знавших

кожаной обуви. За спинами у них корзины, наполненные коричневыми водорослями. Есть и те, кто едет на ослах. Они сидят на боку смиренного животного, свесив над хвостом голые ноги. Ослы везут корзины, набитые торфом.

Если попытаетесь заговорить с девушками, они лишь тряхнут спутанными волосами да скажут по-ирландски что-то не слишком приятное. Чужестранцев они дичатся, зато, стоит отойти, услышите вдогонку залиvistый смех...

Вы едете по серпантину, а вокруг вас движутся в торжественном танце горы, синие, как море у Капри, а венчают их облака, самые большие и самые золотые на свете. Среди синих гор и серых полей, рядом с синими озерами и на краях торфяных болот стоят лачуги, невероятно бедные и на удивление белые. Возле дверей что-то клюют куры.

Звуки этой земли — цоканье ослиных копыт по дороге и звон лопаты, которую вгоняют в каменистую почву. Когда на небо выходит солнце, то и оно серое, точно призрак.

Коннемара...

Как она может существовать в современном мире?! За годы путешествий я не видел ничего подобного. Начинается она внезапно, как только вы покидаете Голуэй и берете курс на запад по прибрежной дороге через Спидл к Клифдену. Это часть земли, на которой прогресс — что бы мы ни понимали под этим словом — признал свое поражение перед серыми стенами. На востоке его остановили высокие горы и глубокие озера, а на западе — море. География и бедность заперли людей на столетия. Я побывал в гробнице Тутанхамона в Египте, но, въехав в Коннемару, ощутил более острое чувство открытия и удаленности от современной жизни!

Люди здесь настолько бедны, что никто даже не пытался их эксплуатировать. Земля так бедна, что никому и в голову не приходило отобрать ее. Здесь нет ни железных дорог, ни магазинов, ни автомобилей, ни телеграфных столбов. Есть только три непреложных факта: католическая вера, природа и работа.

Коннемара поражает. Представьте, если бы в Англии открыли забытую землю, на которой бы люди говорили на языке Альфреда Великого, носили саксонскую одежду и молились саксонским святым! Коннемара — самое странное место на Британских островах. Она ближе к святому Патрику, чем к Дублину.

Продолжая путь в состоянии невероятного изумления, я осознал полную свою неуместность. Коннемара не привыкла к автомобилям! Коровы при виде моей машины наклоняли головы и с остекленевшим взором и раздутыми ноздрями пяtilись в ожидании неминуемой смерти. Собаки бежали за автомобилем, яростно таякая вслед. Ослы отскакивали в сторону, сверкали голые ноги ехавших на них девушек, взлетали красные юбки. Овцы бешено искали провал в каменной стене. Гуси, шипя, тянулись ко мне змеиными шеями. Куры, которые, как всем известно, отличаются неуравновешенным характером, впадали в паническое настроение и совершали чудеса самосохранения прямо перед бампером моего автомобиля.

Фактически гэльская земля объявила разнообразными способами — мычанием, бляением, лаем, гоготом, визгом и кудахтаньем: «Осторожно! К нам из внешнего мира явилось ужасное, смертельно опасное чудище!»

Ближе к побережью я увидел стоящие возле лачуг или прислоненные к серым стенам странные челноки — кораклы. В них рыбаки Коннемары осмеливаются бросить вызов океану, и слово «осмеливаются» — единственно правильное! Лодки легкие, точно перышко.

Деревянный остров обтянут кожей или парусиной. Они ничем не отличаются от кораклов, на которых плавали древние бритты во времена Цезаря.

Я остановился перед одним домиком и спросил, не могу ли я осмотреть лодку, стоявшую подле навозной кучи. В домике я увидел старуху и молодую девушку. На них были красивые алые юбки. Девушка мыла картофель, а женщина присматривала за черным горшком, висевшим над открытым очагом. В домике, кроме стола, стула да деревянной скамьи, стоящих на твердом земляном полу, ничего не было. На стене висели две яркие картинки с изображением Святого Семейства.

— Могу я посмотреть на вашу лодку? — спросил я, улыбнувшись. Нет земли, в которой широкая улыбка не была бы более полезной.

— Можете, — сказала девушка.

Старуха была глуховата, а потому спросила девушку по-ирландски, что мне угодно. Девушка ответила. Женщина улыбнулась и кивнула.

Пока я разглядывал легкое суденышко, ко мне подошел крепкий молодой человек. В нем не было ни признака деревенщины. Он улыбнулся и сказал, что лодка не слишком хороша, потому что старая. Он на ней добывал водоросли для удобрения картофельного участка. Из кармана его жилета торчала свернутая утренняя нью-йоркская газета! Это обстоятельство опустило меня на землю: я словно встретил Бриана Бору с сигарой в зубах!

Три его брата, сказал он, живут в Америке. Он бы тоже с удовольствием уехал, только он старший сын, а потому должен приглядывать за землей. Я посмотрел в сторону «земли», и мне стало жаль этого первенца. Нью-Йорк, должно быть, большой город, сказал он. Я почувствовал, что американский город ему ближе, чем Голуэй.

Проехав несколько миль, я увидел человека, готовящего поле. Раскрылась загадка каменных стен! Это не столько знак чьего-то владения, сколько необходимая предварительная работа. В древние времена вся Коннемара, должно быть, была подвержена камнепадам. На нее падали камни размером с человеческую голову. Чтобы создать поле, нужно собрать эти камни и устроить из них стену вокруг скалы, с которой они падали. (Есть ли где-нибудь на земле люди, которым приходится добывать пропитание из более неподатливой почвы?)

Пока я смотрел на крестьянина, появилась высокая темноволосая девушка. Она вспрыгнула на стену и пошла по острым камням босыми ногами. За спиной у нее висела корзина с землей. Землю она вытряхнула на освобожденную от камней площадку, посмеялась немного с мужчиной, подхватила корзину и снова, словно лань, перепрыгнула через стену.

Я спустился на дорогу. Серые стены, белые домики, церкви, такие маленькие, что, когда люди приходят сюда за много миль в воскресное утро, мессу они слушают на улице. И снова серые стены и бедные маленькие поля с разбросанными по ним морскими водорослями. На горе я увидел прелестное зрелище. Из школы, построенной из проржавевшего металла, высыпали дети. Гора звенела от смеха. Дети устроили хоровод, маленькие голые ножки блестели в солнечном свете. В центре круга стояла высокая тонкая девушка, учительница.

Итак, я приехал, наконец-то, к подобию гостиницы. В ней остановился рыбак. Он знал Коннемару.

— Счастливы ли они? — переспросил он. — Я бы хотел быть таким же счастливым, как эти люди. Они, конечно, недовольны, ведь их земля такая бедная, и сами они бедны. Молодые люди постоянно думают об Америке. Настоящая столица Коннемары — Нью-Йорк,

однако они не знают, что такое настоящее несчастье! Ведь они находятся по другую сторону мира!

— Как они живут?

— Сотни белых домиков, которые вы видели, содержатся на доллары. Сыновья и дочери посылают родителям деньги из Америки каждую неделю, или тогда, когда смогут. Вы обратили внимание, какие красивые здесь люди? В них нет ничего жалкого. Это настоящие мужчины и женщины. Они — коренные ирландцы. Кто-то говорит, что их согнали в эту дикую землю при Кромвеле. Чепуха! Это произошло давно, раньше, чем сюда явились норманны. Они — настоящие милеты. Такой тип за несколько поколений не создашь. Народ древний, как их горы, и такой же сильный...

Я видел, как солнце нырнуло в море. Ночь пришла на серую землю, находящуюся на конце света.

Половина этого города находится в нашем мире, а половина — в потустороннем. Через город проходит фронтальная полоса, и ветры с конца света дуют и днем, и ночью.

2

В Коннемаре земли нет, — так в 1925 году заявил Патрик Келли в мартовском выпуске журнала «Дублин мэгэзин». — Здесь есть горы, красивые озера, быстрые и глубокие реки, болота, камни и маленькие участки более или менее защищенной почвы, с которой люди снимают скудные урожаи злаков, но «земли» все-таки нет. Я имею в виду, что в Коннемаре, или в большей ее части, нет ферм. А из этого следует, что все теории ученых относительно сельского хозяйства и так называемых «улучшенных способов культивации» могут быть

обращены в равной степени как к человеку на Луне, так и к жителям Коннемары. Бедный земледелец в этой одинокой местности, работая по старинке, способен получить большой урожай с жалких девяти или десяти акров неописуемо жуткой земли, нежели лучший профессор-агроном в Европе, если бы тот снизошел взять в руки лопату и проверить на практике свое искусство.

«При каких условиях ирландцы Коннемары будут вполне удовлетворены?» — спросил однажды турист, рыбачивший на мушку. Он был человеком с практической жилкой, а «практические люди» не добивались в жизни ничего достойного упоминания. Тем не менее вопрос он задал хороший, и на него легко ответить.

Люди Коннемары будут вполне удовлетворены, если климат Ирландии станет их союзником, если власти Вашингтона перестанут ограничивать эмиграцию в Америку, мечту ирландца, и если потин будут готовить из ячменя и ржи (три части ячменя и одна часть ржи), а не из химикатов, как сейчас.

Коннемара перенаселена, и это печальная правда. Говорят, что правительство попытается переселить часть людей в богатые земли Лейнстера. Люди Коннемары не покинут ради Лейнстера или любой другой части Ирландии свою любимую землю со всем ее странным очарованием и крепкими традициями. Коннемара либо Америка. Третьего не дано.

Страстные поклонники жителей Коннемары говорят, что у них нет недостатков. Это не так: недостатки есть. Они склонны верить во всемогущество правительства. Они могли бы с

очень малыми затратами улучшить свои жилища, сделать их более уютными. Могли бы побольше внимания уделять дренажу. С пользой для себя могли бы приглядеться к простой комбинации — воде и мылу. Могли бы воспринять поэзию цветов... Но чего от них ожидать? Глаза молодых обращены на Америку, а старики смотрят на небеса.

Америка! В этом единственном слове заключено решение: в Коннемаре открыто выражают неприязнь к ирландскому языку, а вернее, к обучению ирландскому языку в школе. Они спрашивают, но кто может удовлетворительно им ответить? «Почему нашим детям дают в школе так много часов ирландского языка? Я ведь и сам ирландец!» Им нужен английский. Они должны ехать в Америку, зарабатывать себе на жизнь, и в Америке им пригодится английский, а не ирландский. А затем, покачав головой, они вам расскажут о девушке, которую из американского консульства в Дублине отправили домой, потому что она провалила экзамен по английскому языку. Она вернулась в Коннемару в слезах. Америка, земля ее мечтаний, а возможно, и снов, потеряна для нее навсегда...

Трагическая истина открывается в той же статье:

Коннемара — странная земля, земля противоречий. Ее номинальная столица — Клифден, а настоящая — Бостон, Соединенные Штаты Америки.

Иду пешком по узкой белой дороге. Она вьется среди полей, окруженных каменными стенами. Мелкий дождь прекратился, выглянуло солнце. Слева от меня, в расщелинах, мелькает море, оно окаймлено водорослями цвета шафрана. Иду дальше, горные отроги отрезают вид на море, теперь я окружен маленькими холмами и миниатюрными болотами. На вершинах и на негостеприимных склонах холмов стоят белые домики под грубыми соломенными крышами. Дома окружает странное собрание разных предметов: старый бочонок, поваленные стволы деревьев, штабель торфа, стог сена, перевязанный веревкой и приставленный к шестам. На стене вывешена на просушку рыболовная сеть. Иногда из домика, деловито кудахча, выходит курица, замирает на мгновение на пороге, оглядывается по сторонам, подняв лапу. Она похожа на горожанина, натягивающего перчатки на ступенях клуба.

В центре поля выделяется участок земли, более высокий, чем остальное пространство. Его так и не выровняли. На вершине растет колючий кустарник. Владелец этого бесполезного, навевающего грусть участка обработал землю вокруг крошечного холма, не тронув куст со всеми его колючками. Причина, по которой он это сделал, проста и понятна. Это форт. Говорят, что такие форты строили даны. Некоторые думают, что это слово — урезанная форма от *De Danann*, загадочного народа, называвшегося «Туата Де Даннан» — «племена богини Дану». По слухам, они покорили Ирландию с помощью магии. Но друиды сыновей Миля оказались им не по силам: магия встретилась с магией. Туата Де Даннан вынуждены были бежать и нашли приют в колдовских холмах.

Все на западе Ирландии знают: эти места населены призраками. Говорят, один человек отказался от земли, которую получил по закону о бедных и на которой

районный совет собирался построить ему дом. Причину человек изложил в заявлении: он «не может поселиться в доме фейри».

Поэтому на западе вы видите так много холмов с венчающей их растительностью: по понятиям людей, там вход в невидимый мир. Вокруг этого места растут скудные посеы, но на территорию колдунов хозяин не покушается. «Кто такие эти фейри?» — спросил Падрейк Колум у слепого человека, которого встретил на дороге.

Лицо мужчины выразило твердую уверенность.

«Фейри, — повторил он. — Я расскажу вам, кто такие фейри. Бог сошел со своего трона, а когда повернулся, там уже сидел Люцифер. В одно мгновение был создан ад. Бог поднял руку и смел прочь тысячи ангелов. Он намеревался смести еще тысячи. “Всемогущий Боже, остановись! — воскликнул Гавриил. — Так ты сметешь небеса”. “Я останавлиюсь, — сказал Бог. — Те, кто на небе, останутся на небе, а те, кто в аду, пусть и будут в аду; а те, кто между небом и адом, пусть останутся в воздухе”. И те ангелы, что оставались между небом и адом, и есть фейри».

То, что он поведал, было для слепого человека такой же истиной, как и одно из Евангелий.

Саксонские фейри — шаловливые дети вроде эльфа, выбивавшего табуретки из-под толстых молочниц и портившего свежее молоко. Шотландские фейри отличаются злобным нравом. Я разговаривал с людьми, видевшими фейри Хайленда. Знаю молодого человека, водителя деревенского катафалка. Перед тем как кто-то умрет, он видит фейри и «призрачные огни». Будучи практичным юношей, он тут же приводит в порядок свой катафалк. Но шотландские фейри воистину ужасны. Шотландец убивает фейри, как если бы он убил горностаю.

Мистер Йейтс прокомментировал этот факт. Он относит подобное на счет сурового теологического

характера скоттов, который «даже дьявола сделал религиозным». Но в Ирландии люди живут терпимо бок о бок со своими старыми божествами, которые обладают чудесными силами.

Наши страхи по поводу ирландских фейри — фантазия, — пишет Йейтс. — Когда крестьянин входит в зачарованную лачугу, и его заставляют всю ночь крутить над огнем труп на вертеле, мы не беспокоимся. Мы знаем, что он проснется посреди зеленого поля, с росой на старой одежке.

Снисходительность по отношению к фейри, как мне кажется, — составляющая аристократического гостеприимства Ирландии. Только жадные люди низкого происхождения ведут себя недружелюбно по отношению к гостям. В старые времена герои ходили по миру в облике обычных людей — как Улисс, вернувшийся домой после долгих странствий, и хозяева не знали, кому они наливают вино и подают хлеб. Менестрель мог встать, сбросить лохмотья и обернуться богом.

На дорогах Коннемары я чувствую себя, словно в Древней Греции. Люди смотрят на меня по-доброму и в то же время настороженно, словно не исключают, что я могу оказаться божеством, специально надевшим твидовый костюм.

Если бы так было на самом деле, и путешествующий по миру языческий бог явился бы к ним и открыл себя, думаю, они не доложили бы священнику. Привели бы домой, пожалели бы, погордились, налили бы молока, закололи бы для него курицу и сварили последнюю картошку. И только после того как он отошел бы на порядочное расстояние и сделался недосыгаемым для людского гнева, рассказали бы об этом на исповеди.

Проехав еще какое-то расстояние, я увидел старую женщину, ведущую черного теленка. На женщине была широкая алая юбка, из-под которой виднелись босые ноги. Теленок был маленький, длинноногий, тощий и запачканный навозом. Слева от дороги — голодная земля в окружении каменных стен, справа — море и черные скользкие скалы, поросшие водорослями.

Готовая сцена для художника. Такие пейзажи — постоянная тема. Когда видел эти холсты, ежегодно вывешиваемые в галерее на Бонд-стрит в качестве экспозиции ирландского искусства, я каждый раз восхищался композицией, искренностью, но сомневался в колористическом решении пейзажей.

В Коннемаре в хорошие солнечные дни горы становятся интенсивно синими, а небо за ними обретает светло-зеленую окраску. Небо за горой часто светлее, оно бледное, зеленовато-голубое, и горы на его фоне кажутся поистине героическими, а свет за ними почти дрожит.

Да и во всей Коннемаре есть нечто героическое. Я не имею в виду героизм мужчин и женщин, долбящих каменистую почву, или героизм женщин, растящих большое семейство на несколько шиллингов в год: есть нечто более глубокое, то, что уходит корнями в глубину веков, то, что невозможно описать словами.

На фоне зеленого неба и гор цвета синего винограда старая босоногая женщина в красной юбке ведет черного теленка.

Я сажусь на камень и долго размышляю. Чем она меня так задела?

Я разговорился с молодым рыбаком. Он принес на берег кастрюлю с голубыми омарами.

— Может, продадите одного? — спросил я.

Я решил, что возьму с собой омара и в ближайшей гостинице попрошу его приготовить. К рыбаку я обратился не для проверки ирландских манер, а просто потому, что редко могу устоять перед омаром.

Рыбак сказал, что и продал бы мне омара, только у него нет на это права. Он работает на человека, продававшего всех пойманных в этих окрестностях омаров, так что принадлежат они не ему, а хозяину.

— А он кому их продает?

Рыбак ответил, что за омарами регулярно приходят французские траулеры.

Я стоял на скользкой скале, припоминая, сколько раз сиживал в парижском отеле, слушал струнный оркестр, а ко мне подходил метрдотель с почти религиозным выражением лица, низко наклонялся и, сжимая в руке заранее подготовленный карандаш, произносил:

— Омары сегодня... великолепны!

Я невольно рассмеялся.

Молодой человек смутился и обиделся, а потому я поспешил объяснить.

— Просто я подумал, как забавно: для того чтобы съесть одного из ваших омаров, мне придется поехать в Париж.

Ему это не показалось забавным, потому что ситуация его не касалась, однако он откинул голову и рассмеялся в знак уважения к моему чувству юмора.

И все же это довольно странно. Омара, как в Париже, мне съесть не придется, зато я вижу, как океан размывает берег Коннемары. Вижу облачко на вершине голубой горы, слышу голос молодого рыбака и скрип желтых морских водорослей под жарким солнцем.

Из Коннемары в Париж...

Трудно поверить, что два таких места связаны друг с другом. Больше того, трудно представить, что они существуют в одном и том же мире.

6

Я слышу, как мужчины и женщины Коннемары поют в поле. В тихой местности звук разносится на большое расстояние. Лопата стучит по камню, и голоса расппевают старинную гэльскую песню. Все бы отдал, чтобы понять ее. Никогда так сильно не хотелось мне понимать чужой язык. Помню, как пели арабы ночью в пустыне, но я удовлетворялся пересказом содержания песни. Я слышал мавританских испанцев на Балеарских островах, поющих в горах долгие печальные песни, но мне было достаточно узнать, что человек поет: «Я мужчина, и я люблю тебя, взгляни на мои красивые коричневые руки и на мои мышцы», а женщина ему отвечает: «Я молода и красива, но ты мне не пара».

Хотя в Коннемаре песни звучат столь же непонятно, меня к ним тянет, и больно, почти физически, оттого, что я не разбираю слов. Хотелось бы спеть что-то в ответ.

Поразительно, что ирландские крестьяне сохранили традиционную литературу гэлов. Я бы назвал это одним из чудес света. Они не мужланы, в английском понимании этого слова. Я много раз встречал в Коннемаре крестьян и гадал, что за кровь течет в их жилах, тем более что среди них нередки фамилии, начинающиеся с «О» и «Мак», а это указывает на древнюю аристократию.

Говорят, — пишет Падрейк Колум в книге «Дорога вокруг Ирландии», — что лексикон английских крестьян составляет от 300 до 500

слов. На островах Аран доктор Педерсен записал 2500 слов. Доктор Дуглас Хайд составил словарь из 3000 слов, которые услышал от жителей Роскоммона. Эти ирландцы не умеют ни читать, ни писать. Хайд полагает, что в Манстере — в особенности в Керри — активный словарный запас ирландцев составляет в среднем от 5 до 6 тысяч слов.

Стивен Гвинн отлично описал в книге «Ирландская литература и ирландский народ» скрытую часть ирландской крестьянской жизни.

Когда мы говорим об Ирландии, прежде всего вспоминаем, что, в отличие от любого другого сословия Британии, неграмотность чаще всего встречается среди ирландского католического крестьянства. Вероятно, для начала следует разобраться, что понимать под неграмотностью. Если под грамотностью подразумевать знание языка, литературы и исторических традиций собственной страны — такое представление весьма разумно, — то говорящее по-ирландски крестьянство имеет куда большие основания считать себя грамотнее большинства населения. Я слышал о существовании ирландской литературы, что отрицают состоятельные и образованные джентльмены. На одной неделе, в одном и том же графстве я слышал, как ирландский крестьянин цитировал наизусть классическое ирландское произведение, в то время как сам он не умел ни писать, ни читать. Кого в этом случае следует признать неграмотным?

Возрождение гэльского языка привело многих из нас в районы, где население говорит

по-ирландски, и даже если это нам ничего не дало, то, по крайней мере, мы обучались в приятных местах среди доброжелательных наставников. Это была благословенная перемена — переезд из Лондона в горную долину с видом на Атлантический океан, с коричневыми реками, прокладывающими себе дорогу в скалах и меж зелеными берегами. Когда утром мы пробирались к озеру, в нос нам ударял пряный запах болотной растительности. Тут и была столь нужная нам академия, и мой наставник прекрасно ей соответствовал. Крупный, гибкий старик, весь коричневато-седой — одежда, волосы, лицо. Щеки его были наполовину скрыты традиционными бакенбардами, остальная часть лица плохо выбрита. Традиционными также были маленькие, глубоко посаженные голубые глаза, большой добродушный рот, выговор по-английски с мягким акцентом без малейшей вульгарности, и это обычное явление среди людей, родной язык которых ирландский. Да было бы странно встретить вульгарность в человеке с безупречными манерами и инстинктом ученого, ибо моего наставника нельзя было назвать безграмотным. Он мог читать и писать не только по-английски, но и по-ирландски, что не так часто встречается. Я редко видел человека, который бы так радовался книге Дугласа Хайда «Сборник любовных песен Коннахта», которую я очень удачно захватил с собой. Но главным его интересом была история, та история, которую столь сурово исключили из его школьного обучения, — история Ирландии. Я шел к озеру ловить рыбу и оставлял его над книгой Хайда. Когда он присоединялся ко мне, разговор продолжался с того места, на котором

был оборван ранее, — что-нибудь о судьбах Десмондов, О'Нейлов и О'Доннелов. И когда кто-то из нас поймал крупную морскую форель в исключительно плохую погоду и в месте, где морская форель не водится, я испытал легкое разочарование оттого, что единственным замечанием Чарли, вытащившего сеть, стало следующее: «Кланкарти тоже были великими людьми. Кто-нибудь из них еще жив?» Ученый в нем совершенно затмевал спортсмена.

Кроме его страсти к истории (познания в этой области у него были весьма значительными и ничуть не путаными), он знал наизусть много песен, автором некоторых был бродячий арфист Каролан, а другие написаны безымянными поэтами на том ирландском языке, на котором говорят сегодня. Я записал под диктовку Чарли несколько лирических песен, которые, судя по всему, имеют местное происхождение, но искал я что-нибудь от бродячих сказителей-шанахов. Они держали в памяти классическую литературу Ирландии, эпические произведения и баллады прежних дней. Чарли был, конечно же, знаком с «оссиановской» литературой, так же, как мы, к примеру, с историей Улисса. Он знал, что Ойсин осмелился пойти с волшебницей в ее землю; знал, что тот вернулся домой, несмотря на ее предупреждение. В изменившейся за это время стране он почувствовал себя разбитым и одиноким. В конце концов он склонился к учению святого Патрика («Как бы я смог устоять против него?» — прокомментировал Чарли) и обратился в христианство. Однако вся масса рифмованной прозы, отражающей диалоги Ойсина с Патриком, мифы о Финне и его подвигах, о которых Ойсин рассказал святому, яростный отпор, с которым

старый воин встретил аргументы Евангелия, — все это было лишь смутно знакомо Чарли. Я искал человека, который бы знал все наизусть...

Мистер Гвинн описал дальнейшее свое путешествие, сообщил о том, как он наконец нашел человека по имени Джеймс Келли. Тот знал много песен, написанных на очень трудном ирландском языке, полном «сильных слов».

Я бы хотел отправить сюда нескольких своих знакомых ирландцев-литераторов, чтобы они в качестве полезного урока по очереди побеседовали с Джеймсом Келли. Келли был безупречно вежлив, но в этой вежливости был оттенок терпения, что убедило меня в глубоком моем невежестве. Часто говорят о сервильности ирландского крестьянина. Передо мной был человек, не умеющий читать и писать, но при этом он был отлично образован и понимал это. Его уважение ко мне значительно выросло, когда он увидел, что я более, чем он ожидал, знаком с подробностями разных историй, а потому я поднялся на уровень перспективного ученика. Эти рассказы были переведены на английский язык, пояснил я Джеймсу. «О да, этого и следовало ожидать», — сказал Келли с тонкой усмешкой. Вскоре мы установили контакт, и Джеймс поведал мне не только легенды оссианского и фианского цикла, но также и более старые саги о Кухулине. Иногда он путал циклы: принимал героев Красной ветви за современников фениев. Это было все равно что сталкивать в битве Геракла с Одиссеем или Ахиллом, однако все легенды он знал наизусть — главное требование для современных шанахов.

Передо мной был типичный ирландский безграмотный... Когда я увижу английского рабочего, который прочтет наизусть произведения Чосера, тогда и только тогда я увижу человека, которого уподоблю Джеймсу Келли.

Когда на Коннемару спускается темнота, я смотрю на светящиеся окошки домиков, стоящих высоко в горах, и гадаю, сколько старинных историй, появившихся на заре человечества, расскажут у очагов, пока торф не превратится в белую золу.

7

Ей было лет восемнадцать. Высокая, стройная, с красивыми босыми ногами. Царапина, начинавшаяся у правого колена, тонкой полоской шла до щиколотки. Цвет царапины совпадал с цветом алой юбки. Ноги девушки почернели от морской слизи. Она стояла на выступе скалы, сжимая в руке длинные примитивные грабли, которыми отрывала от края лагуны большие пучки водорослей. Мокрая грудa этих растений лежала возле нее, доходя почти до талии.

Девушка была родом из той части Коннемары, где Атлантический океан, протискиваясь меж высоких гор, то расширяется, то снова сужается и образует широкие голубые лагуны. Коричневая бахрома морских водорослей обременила воду, и та бессильно лизала скалы. Мужчины в этой части мира долбят твердую землю лопатой, словно ломом, а девушки спускаются к краю моря и на широких плечах несут корзины с водорослями. Ими они удобряют непреклонную почву...

Когда я уселся на скале рядом и зажег трубку, она не обратила на меня внимания. Кричали кроншнепы,

чайки вычерчивали низкие круги, а солнце немилосердно жгло.

Я не назвал бы ее красивой, но она производила потрясающее впечатление тем, что не признавала собственной половой принадлежности. В двадцати четырех часах пути от Лондона я видел перед собой примитивную женщину, примитивнее Евы: та наверняка была умудренной личностью. Эта ирландка понятия не имела, что создана по той же модели, что и Елена Прекрасная. Ей и в голову не приходило, что она может быть красивой, потому что традиции ее племени, уходящие в незапамятные времена, гласили: мужчине, за которого она выйдет замуж, нужна не красота, а сила в бедрах, плечах и руках, а также способность носить корзины с водорослями с берега на картофельное поле.

Я смотрел на нее и думал: интересно, в какой исторический период женщины стали тщеславными?

Художники часто пишут женщин, глядящих на свое отражение в воде, причесывающих длинные красивые волосы, находящих эстетическое наслаждение в собственной красоте. Но верно ли это? Верила ли женщина в то, что она красива, пока мужчина не оторвался от своего картофельного участка и не написал ей несколько стихов? Наверняка тогда и начались все неприятности. До того времени женщина, подумал я, глядя на ирландку, была просто работницей, нечесаной, невытой, лишенной тщеславия, не думавшей, что годится на что-то другое, и все потому, что не было мужчины, который сказал бы ей об этом! Возможно, красота женщины — сравнительно недавнее открытие!

Девушка подхватывала большие куски водорослей и плюхала их на соленую кучу. Спутанные волосы то и дело падали ей на глаза, и она откидывала их рукой. Ей никогда не хотелось того, ради чего ее сестры (отделенные от нее физически несколькими горами, а на

самом деле — многими столетиями) жертвуют своим пищеварением и спокойствием духа.

Эти красивые ноги никогда не знали или не хотели знать прикосновение шелка. Судя по волосам, расчески у нее никогда не было. Возможно, и себя она никогда не видела, за исключением некоторых частей тела, случайно отразившихся в неподвижной воде пруда возле моря. Ни разу полностью не мылась.

Несмотря на все это, девушка была привлекательна. На нее приятно было смотреть. Если бы мог, я написал бы ее портрет или изваял бы в мраморе — вот такой, сильной, стоящей у моря на скользкой скале, с мускулистыми ногами и грубыми ступнями дикарки. Затем она, возможно, почувствовав мой интерес, обратила на меня огромные и пустые темные глаза. Она не была хорошенькой, но легко могла бы стать красивой.

Я размышлял сразу над несколькими вопросами, куда любовался великолепными, ловкими движениями ее рук, ритмично подхватывающих водоросли и швыряющих их на кучу. В отличие от других женщин, ей не дано узнать романтических отношений. В сельских областях мужчины женятся не по любви. Они женятся на земле или на коровах, или на овцах, или на картофельных участках, расположенных рядом с их собственными участками, и это кажется им лучшим приданым. В сельской Ирландии есть убеждение, что женитьба по любви приносит несчастье. У шотландцев бытует присловье: «Лишенный любви, как ирландец».

Но допустим, что какой-то человек из другого мира влюбится в нее, человек, который бежит от неестественности цивилизованных женщин, человек, которому придется по душе ее примитивность и величественное невежество... Что тогда будет с ней? Возможно, он отвезет ее в город и попытается приспособить к своему образу жизни? Из Коннемары на Керзон-стрит?

В ее внешности были изящество, характерное для всех крестьян Коннемары, и странное благородство. Тоже типичная черта здешних мужчин и женщин. Она выглядела породистее большинства женщин в фешенебельном отеле Лондона или Парижа. Интересно, как бы она выглядела, приняв ванну и надев модное парижское платье?

И такие девушки входят в современный мир. В своих кроваво-красных юбках они поднимаются на эмигрантские корабли, рыдая и всхлипывая, и с невероятной скоростью приспособляются к американской жизни...

Девушка наполнила корзину до краев и, слегка наклонив плечо, быстрым движением руки перекинула ее за спину. Ступая, словно козочка по острым камням, она спустилась на землю.

Я увидел ее позже за белым домиком. Она разговаривала с пожилой женщиной, стоявшей за половинчатой дверью.

— Можно мне вас сфотографировать? — спросил я. Она взглянула на меня своими большими испанскими глазами, оперлась подбородком о плечо и застенчиво покраснела. Я и сам смутился. Она потеряла свою королевскую повадку и превратилась в глупую деревенскую девицу. Я спросил ее имя, и она снова поглупела и покачала головой, словно шестилетняя девочка.

— Ее зовут Грания, — сказала старуха.

— Вы жили в городах? — спросил я у женщины.

— Да. Я была горничной у лорда Х.

— А Грания бывала в городе?

— Нет.

— Ей никогда не хотелось шелковых чулок, кино, губной помады, пудры и сигарет?

Женщина согнулась от смеха.

— Ты слышала, Грания? — спросила она.

— Да, — ответила девушка и тоже рассмеялась.

Она избавилась от застенчивости и стала серьезной.

Большие туманные глаза ее уставились на меня.

— Грания, — сказал я, — у вас имя, как у королевы. Что бы вы сделали, будь у вас шиллинг?

Она подумала с минуту, опустила глаза и снова подняла взгляд. Прошептала что-то по-ирландски.

— Она говорит, — перевела женщина, — что купила бы передник.

— Голубой, как небо? — спросил я.

— Да, — ответила Грания по-английски. (О Грания! А я-то думал, что у тебя ни капли тщеславия!)

Я протянул ей шиллинг. Она медленно приблизилась, восхищенная, как ребенок, и взяла монету пальцами, стылыми от морской воды.

Наступила торжественная пауза.

— Ни к чему врать, — серьезно сказала женщина. — На этот шиллинг она купит не передник. Но, — она важно взглянула на меня, — она бы его купила, если бы это был шиллинг и шесть пенсов.

Грания покраснела и взяла еще шесть пенсов. После чего мы все прыснули со смеху.

— Я приду как-нибудь еще, Грания, и посмотрю на вас, когда вы будете стоять у моря в своей красной юбке и в голубом переднике. Вы будет похожи на королеву из сказки...

— Да, — сказала женщина, — и если ты будешь хорошей девушкой, джентльмен возьмет тебя с собой, Грания...

Мы снова расхохотались и попрощались...

Я повернулся на повороте дороги и увидел, что Грания стоит на стене, ветер играет ее спутанными волосами. Она смотрела мне вслед и махала на прощание смуглой рукой.

Однокомнатный домик стоит на холме в миле от дороги. В домике живут мужчина, женщина и восемь детей. Следующий домик, что редкость в этом районе, находится в трех милях отсюда, а ближайший магазин — в десяти. Это задворки Коннемары. Семья связана с миром людей только через веру в Бога, иначе бы она потерялась, как горная овца без пастуха.

Семья представляет собой одинокий сторожевой отряд христианской культуры — если это не слишком сильное слово. Еще я сравнил бы ее с полевым цветком, выросшим в следе, оставленном на земле ногой святого. Они живут в тени Бога. Говорят о Нем, словно Он помог им утром испечь лепешку на торфяных углях, словно вечером помог спасти свинью, забредшую в болото.

Святой Колумба, оставивший Ирландию 1365 лет назад, чтобы обратить в христианство север Англии, является для них большей реальностью, чем любой живой человек. Они говорят о нем так, словно видели его собственными глазами. Поначалу кажется, что они описывают человека, с которым повстречались в горах на прошлой неделе. Они расскажут, как он излечил мать от зубной боли, как попрекнул сына в тот день, когда вели с ярмарки черных коров, — простые истории, созданные ими и их предками днем на горе или вечером возле очага, и повторяемые так часто, что сделались правдой.

Они живут в мире жестокой красоты, ибо дикая природа вокруг них никогда не обещала ни пищи, ни защиты от злого человека или дикого зверя. Их чахоточного вида корова печально бродит по каменистой почве в поисках травы. Бедное тощее создание, с выпирающими наружу ребрами. У них три картофельных поля, каждое размером с коврик. От

одного участка до другого десять минут ходьбы, потому что только в этих местах проходит геологический разлом, содержащий тонкий слой почвы.

Они так привыкли к недостатку пищи, что голод — то, чего они не замечают...

Но если бы им предложили переехать на лучшую землю, в другое графство, они закололи бы вас вилами!

Мужчина для меня — загадка. Он не догадывается, что я знаю о его шестимесячном пребывании в тюрьме за приготовление потина. В туманный день в горах его поймали с поличным, свалились на него коршуном в то время, как он готовил «снадобье» в пещере. Тюрьма не оставила на нем отпечатка. Полагаю, он просто сидел в камере и думал о святом Колумбе.

Никогда не видел более оборванного человека. Его брюки представляют невероятное зрелище. За свою жизнь он, должно быть, имел и наследовал двадцать пар, каждая из которых была в том же поразительном состоянии. Если бы он уснул в горах, гномы сыграли бы на нем в шахматы.

Как и все его племя, человек он добрый, с хорошими манерами, с задумчивыми темными глазами и тонким носом с высокой переносицей. Он похож на опустившегося аристократа. Когда вы видите его впервые, то думаете: «Да это старый бродяга!» и обращаетесь к нему небрежно, ожидая услышать грубость в ответ, однако он отвечает вам вежливо, с улыбкой, речь его хорошо построена. Вам тут же становится стыдно.

Как он содержит большую семью, просто не представляю. (Возможно, они сами себя содержат.) Целый день он сидит на большом камне, курит трубку, глядит на горы, словно ждет чего-то, что никогда не случится...

Может, болото расскажет о нем другую историю.... Впрочем, переменим тему и познакомимся с его женой.

В домике темно, потому что окна, расположенные наверху, не больше листа писчей бумаги, и все пропахло торфом. Запах торфяного огня не выветрился за столетия. Торф горит ясным алым пламенем и рассыпается в белый пепел, похожий на тальк. Над очагом висит большой черный котелок. На стене картины с изображением Святого Семейства и бегства в Египет.

Женщина стоит на коленях на земляном полу, качает колыбель, из которой выглядывает обезьянье личико пятимесячного младенца. Вокруг нее копошатся и лепечут трое детей в возрасте одного, двух и четырех лет. Двое старших мальчиков в школе. Две рослые девочки (одной двенадцать, а другой четырнадцать) помогают по дому: оттаскивают младших от огня, мешают что-то в черном котелке или несут вахту у колыбели.

Матери этого добросердечного семейства около тридцати шести, но выглядит она на пятьдесят. Красота в Коннемаре улетает буквально за ночь. Жаль смотреть на красивых девушек, в двадцать лет состарившихся от тяжелой работы, недостатка пищи и отсутствия ухода. Эта женщина некогда была романтически красива, и даже сейчас при должном уходе, визите к стоматологу, парикмахеру, портнихе и посещению ванной комнаты, она еще могла бы показаться привлекательной. Она принадлежит к латинскому типу — тонкая, крепкая, глаза большие, темные, добрые, в них отражается многовековая глубина, и они глядят прямо на тебя.

Самый серьезно настроенный социальный реформатор не смог бы повлиять на этих людей. Здесь не станут рассуждать о классовом барьере. Вы видите перед собой мрачную бедность, но не неряшливую бедность трущоб, не жалкую бедность, потому что эти люди себя не жалеют.

Они озадачили бы любого социального работника, не говоря уж о женах священников!

Итак, мы сидим, говорим о младенцах, о прорезывании зубов, кашле, трудностях выращивания детей. Другими словами, обсуждаем жизнь.

Она качает колыбель. В это время входит курица, оглядывает собрание, недовольно кудахчет, склевывает что-то с пола и удаляется.

— А я потеряла только двоих, — говорит мать с оттенком гордости. Выходит, было еще двое детей! Я спрашиваю, как врачу удастся добраться до таких домиков в горах, а она отвечает, что за всю свою жизнь не видела врачей.

Трудно добыть достаточно еды, говорит она, тем более что девочки подрастают. Они живут на картошке и яйцах, когда яйца есть, и на молоке. Мяса они никогда не ели. Но — слава Господу! — все живы и здоровы, а Бриджит скоро уедет в Америку...

Две старшие дочери подталкивают одна другую и хихикают. У них голые ноги и красные юбки. Оборваны они не меньше, чем их отец, а лица почти такие же красные, как юбки. Как эти дикие дети сумеют устроиться в Америке?

Всем станет легче, когда Бриджит уедет в Америку, ведь она каждую неделю станет посылать домой шиллинг, а то и два. Такие разговоры меня всегда поражают. Это больше, чем долг перед родителями, возможно, это страстная привязанность к родине, подобия которой вы не встретите ни в одной другой стране.

Двое мальчиков ходят в школу за три мили от дома, а утром в воскресенье вся семья проходит то же расстояние на службу в церковь. И не важно, какая погода — дождь или солнце.

Женщина с любопытством поглядывает на мой портсигар. Да, она не отказалась бы от сигареты. Когда

я зажигаю спичку, она хватается сигарету и подносит ее кончик к спичке так словно это — фейерверк. Она смеется и сознается, что никогда раньше не держала сигареты. Я показываю ей, как следует держать и прикуривать сигарету. Девочки громко смеются над матерью и отпускают шутки по-ирландски.

Снаружи на камне сидит глава семейства. Он курит и смотрит на облака. Мы рассуждаем о трудностях выращивания пищи в таком месте. Он говорит, что — благодарение Богу! — находится в лучших условиях, чем большинство мужчин. Там — он указывает трубкой в сторону гор, к морю — люди живут на краю скал и целый день таскают морские водоросли и даже землю в плетеных корзинах...

— Но они любят свои скалы?

— Да, — соглашается он, — и никогда их не оставят, даже если вы отдадите им всю долину в графстве Мит. Но они голодают!

— И все же они счастливы?

— Да, конечно, счастливы, и все же... они голодают. Вот такая она, Коннемара! Однако жалеть этих людей я никак не могу.

Глава десятая

Святой Патрик и «королева» Грейс

*Я еду на землю Джойсов, взбираюсь на
гору Святого Патрика, смотрю на остров
Клэр, где похоронена Грейс О'Мэлли.*

1

Есть стихотворение, которое произносят крестьяне на западе страны, когда, перед тем как идти спать, шевелят угли в очаге. Переведенное прозой на английский язык, оно звучит так:

Я берегу этот уголек,
Как меня бережет Христос,
А с ним — Пресвятая Дева
И блаженная Бригитта.

Да защитят восемь ангелов,
Стоящих у престола Троицы,
Этот дом и всех, кто в нем живет,
Пока не наступит новый день.

Однажды вечером, в конце долгого дня, проведенного в Коннемаре, я смотрел на фермера, шевелящего угли в очаге. Он аккуратно подобрал в кучку тлеющий торф и присыпал его сверху углями, чтобы огонь дожил до утра.

Это действие, совершаемое в тысячах белых домиков с наступлением ночи, символично для Ирландии.

Горящий торф можно уподобить гэлу; угли — это века, проведенные под чужеземным иглом; темнота в комментариях не нуждается, а утро — будущее Ирландии. Когда утром угли разгребают по сторонам, человек видит в торфе красноватое сердце огня. Крестьянин дует на него, пока не взметнется пламя. Тогда в печь добавляют новое топливо.

Создатели современной Ирландии, верящие в то, что будущее нации связано с возрождением всего гэльского, явились на гэльский запад за вдохновением. Здесь, как мне кажется, таится странная, пока еще не проявившая себя сила. Эти гордые люди, формально неграмотные, однако с манерами и инстинктами ученых и джентльменов, обладают силой, которая должна повлиять на будущее Ирландии. Они принадлежат к тому же племени, что и шотландские фермеры. Сколь многие из знаменитых генералов, хирургов, юристов и литераторов, родившихся в Хайленде, обязаны своим успехом в жизни тому, что их семьи вытягивали из себя все жилы, чтобы послать талантливого ребенка в колледж?

Эта тяга к учению, эта почти фанатичная вера в университетское образование пока еще не заметна на западе Ирландии. Но скоро она может стать реальностью. Мне кажется, что, когда эта молодежь станет мечтать не о Чикаго и Нью-Йорке, а об академических наградах, и Ирландия предложит им блестящую карьеру, нечто новое и мощное войдет в жизнь этой нации. Гэльское возрождение зависит от деятельности ученых и других людей, пришедших из городов в глубинку. Вторая, более важная стадия наступит, когда молодые гэлы с Запада придут в города не для того, чтобы занять рабочие места, а чтобы предложить стране свои мозги.

Клифден, столица Коннемары, находится в тени гор Туэлв-Пинс. Эти горы я числю в ряду самых красивых, какие когда-либо видел. Они определяют пейзаж Коннемары. Когда едешь по этим местам, видишь их и справа, и слева. Иногда низкие облака закрывают вершины. Часто, особенно по вечерам, они упираются головой в небо, голубое, словно в Неаполе.

Клифден — маленький чистый городок, с каменными домами и широкой главной улицей. Город стоит на горе, смотрит сверху на Атлантический океан, откуда недалеко и до Америки.

В почтовом отделении я терпеливо ждал, пока молоденькая девушка, свежая, точно персик, отправит мое письмо в Нью-Йорк. Затем вынул двадцать купюр по одному фунту каждая, и ни один человек на почте не выразил ни малейшего удивления, хотя эта сумма должна была показаться им настоящим богатством.

Странно было в гостинице встретиться с внешним миром. Здесь были рыбаки с дублинским и английским выговором. Самым интересным человеком, однако, оказался шофер, которого я встретил в баре, вернее, его рассказ. Он спросил меня, заметил ли я во время ланча пожилого американца. Я заметил. Худой человек с землистым цветом лица, очки в роговой оправе.

— Да, это он, — подтвердил шофер, и в выражении его лица и в голосе я увидел и услышал сочувствие и симпатию.

Он рассказал мне в драматичной манере, присущей большинству ирландцев, что как только в Кове пришвартовался некий лайнер, этот американец бросился в гараж, где работал молодой шофер, и нанял автомобиль. Он просил отвезти его в маленький городок в графстве Мэйо. Объяснил, что хочет все успеть: и

брата повидать, и уехать на следующем корабле в Америку.

По дороге на север из Корка в Мэйо было много времени, и американец, несмотря на свой кислый и необщительный вид, рассказал ирландцу много о себе и о своих делах. Он эмигрировал из Мэйо тридцать лет назад. Многие годы его мучила совесть, потому что, несмотря на успех, он ни разу не был дома, не встречался со старшим братом. Тому пришлось остаться в Ирландии и унаследовать нерентабельную ферму. Теперь, наконец, он вернулся и хотел устроить сюрприз своему брату.

В отличие от всех американцев, с которыми ранее приходилось иметь дело шоферу, его пассажир был «яростным противником алкоголя». Он даже приглядывал за водителем, и когда в Лимерике молодой человек выпил пинту пива, американец сурово отчитал его и приказал отказаться от алкоголя, пока он находится у него в услужении.

Они приехали в Мэйо, и американец явно разволновался. Он пошел в старый дом, открыл дверь, но его поприветствовал чужой человек:

— Уж не старину ли Пэта Мэрфи вы ищете, того, кто держит салун?

— Салун? — возмутился американец.

— Да, — подтвердил человек.

Они пошли в салун Пэта Мэрфи, на маленькую улочку. Там за стойкой сладко спал его брат. Сердце американца растаяло при виде родственника, и он забыл о затхлом запахе алкоголя, типичном для всех ирландских кабаков.

— Пэт! — сказал он зайдя за стойку и тихонько тронув брата за плечо. — Пэт, ты меня узнаешь?

Пэт лишь пробормотал что-то и сполз на пол. Он был мертвецки пьян.

— Он стоял, смотрел на него, — сказал шофер, — а потом повернулся и сказал: «Отвези меня обратно в Корк. Я уеду на ближайшем корабле...»

Молодой человек выпил и поправил фуражку.

— На обратном пути он не проронил ни слова. И подумать только, ради этого человек приехал сюда из Америки. Он, я думаю, жестокий человек. И все же мне его жаль. Я очень ему сочувствую...

Американец сел в автомобиль. Его лицо выражало пуританскую суровость.

3

За горами Туэлв-Пинс находится очаровательная земля Джойсов. Эта семья валлийского происхождения поселилась на западе в последний год тринадцатого столетия.

Коннемара живет за счет моря и морепродуктов, а Джойсы поселились в горах. Их маленькие резвые овечки пасутся на великолепных пастбищах, и шерсть, состриженная с них, вымытая и спряденная на ручных прялках, превращается в ирландский твид. Было бы легко спутать землю Джойсов с Коннемарой: на карте они рядом друг с другом, но разделяет их не только разница в национальной принадлежности. Огромная пропасть в укладе жизни разделяет рыбаков и горцев.

Дорога Клифден — Леттерфрак — Линейн, на мой взгляд, одна из самых красивых на западе Ирландии. Я проехал по ней в солнечный день. Море поражало яркой синевой, над горами плыли большие золотые облака. Подпирали небо вершинами три монстра — самая высокая гора северо-запада Муилрей, а рядом с нею Бен-Бури и Бенлангмор.

Городок Линейн приютился среди гор на краю большого фьорда Киллари. Кажется, что Коннемара тебе

просто приснилась. Земля здесь другая. Высокие горы заканчиваются голыми вершинами, и уже не звон лопаты, долбящей каменистую почву, тревожит слух, а блеяние овец да шелканье челнока. Рядом с почтовым отделением стоит деревянный сарай, где день напролет стучат ткацкие станки. Это шерсть из земли Джойсов превращается в домотканую материю. Твид здесь лучше, чем в Керри. Он похож на донегол, правда, в нем отсутствуют цветные вкрапления. Это отличная грубая ткань, она вобрала в себя цвет родной земли.

Подъехав к восточной оконечности бухты Киллари, я увидел пятерых молодых людей, вытаскивающих сеть. Возможно, так выглядели рыбаки на заре человечества. На них была одежда из домотканого твида. Закатанные рукава обнажали мускулистые руки. Шеи покраснели от ветра и солнца. Работая, они громко переговаривались друг с другом по-гэльски, а сеть медленно ползла на берег.

Это был волнующий миг. Я едва не вывернул шею, чтобы увидеть это. Когда сеть приблизилась к берегу, вода примерно в пятнадцати ярдах от суши неожиданно закипела. Солнце осветило четыре фута живого серебра. Мужчины взволнованно закричали, один из них отдавал распоряжения. Лосось подпрыгнул на солнце, и я увидел серебряное чудище, фунтов на восемнадцать, с крупным телом и хвостом, которым он колотил не хуже мула.

Эти минуты я никогда не забуду: солнце на горах, запах дикого тимьяна, плеск воды, гэльские возгласы, звучавшие, словно военные кличи; яркое рыбье тело в сети, и над всем этим простое великолепие потерянного мира.

В Коннемаре и в горах земли Джойсов женщины быстро стареют, но в расцвете юности они воистину королевы.

Падрейк Колум прекрасно описал женщин Коннахта:

Суровые условия жизни Коннахта помогли женщинам в полной мере проявить себя. Размеры земли не позволяют мужчине развить свои творческие и организаторские способности. Женщина-крестьянка доминирует в обществе. Цивилизация — дело ее рук. Это цивилизация домашнего очага. Нельзя не заметить в постоянном обиходе повторения слова «ребенок». При этом имеется в виду и ребенок в колыбели, и ребенок, ползающий по полу, и ребенок, идущий в школу, и взрослый ребенок; *naoidheah, lanabh, malracht, piaste* — все эти слова мягкие и интимные, как ласка. Трагедии жизни в Коннахте больше всего отражаются на женщине: ребенком она провожает старшую сестру в Америку; став женой, живет дома одна, в то время как муж работает за границей, и часто у нее рождается ребенок, пока его отец работает на поле в Англии или Шотландии. Сделавшись матерью, она вынуждена отпускать от себя подросших детей...

В Коннахте я вижу одну черту английского пейзажа, которую редко или никогда не видел в Ирландии: влюбленную пару. В Англии на каждой дороге вы видите юношей и девушек, держащихся за руки, либо встречаете группы деревенских парней, вышедших погулять с подругами. В Ирландии поразительна разъединенность полов. Возможно, к любви здесь относятся без английской сентиментальности. В Коннахте, и вообще на западе страны, мужчины редко

женятся по любви. Женятся тут, по большей части, на земле.

Такие браки ужаснули бы англичан хладнокровным отсутствием какой-либо сентиментальности, а здесь, на западе страны, это обычное дело. Стивен Гвинн дал замечательное описание этого обычая в книге «Выходные в Коннемаре»:

Хозяйский сын полно описал ирландское сватовство, и я приведу его описание в качестве темы вдохновения какого-нибудь романиста.

Он пошел вместе с группой от жениха, числом восемь или десять человек. Их прихода ожидали, ибо договор в принципе был решен, и в доме подготовились. Гостей провели в комнату, где стояло три длинных стола. На них лежали неразрезанные буханки и масло (о другой еде я не слышал), но против каждого места стоял стакан и бокал для вина, посреди стола — бутылки с виски и бочонок портера. Друзья невесты и жениха были представлены в равном количестве, и обе группы уселись по разные стороны стола. В центре восседал хозяин. По правую руку от него сидел представитель жениха, с левой стороны — представитель невесты. Любой человек, знакомый с оссиановской литературой, припомнит, что, когда Финн пришел свататься к Грани, фении были с одной стороны стола, а вожди племен и вассалы короля Кормака — с противоположной.

После того как они, по Гомеру, «питьем и едой утолили желанье»^[16], хозяин начал процедуру. «Creud ta sibh ag iarraidh? — спросил он. — С какой целью пожаловали?» Но фраза ag iarraidh допускает двойное толкование и может означать либо «О чем спрашиваете?», либо «Чего

ищите?». Интересно то, что представитель жениха этих обычаев не знал: «Ceud punt» («Сто фунтов»), — ответил он бесцеремонно. Это было жуткое нарушение приличий, но его сосед спас ситуацию: «И женщину в придачу», — вмешался он. «Это другое дело», — сказал представитель невесты. Однако нужно было ответить так: «Ищу жену для этого парня», а после осторожно подобраться к настоящей цели визита. Представитель жениха, поддерживаемый приятелями, принялся нахвалять парня: дескать, у него на ферме много скота; он богат, к тому же трезвенник; братьев у него нет, значит, не придется делить наследство. Представитель невесты стал, в свою очередь, хвалить девушку: она трудолюбива и искусна в рукоделии. В результате сошлись на ста фунтах. Затем началась новая дискуссия: в каком виде будет представлена эта сумма — в виде скота или наличными. Решили, что шестьдесят фунтов передадут наличными, а скот — на сумму в сорок фунтов. Стали обсуждать скот. И наконец отец поднял вопрос о ритуальной телке. Отец всегда выдает ее вместе с невестой, если хочет, чтобы к нему уважительно относились в деревне. Он ее купит, и она должна быть такой, чтобы не стыдно было послать ее вместе с дочерью.

Затем, когда сделка была улажена до последней детали, отец сказал: «Мы еще не знаем, в доме ли женщина, о которой вы спрашиваете». Посылают гонца, входит девушка, и все пьют за ее здоровье. После этого церемония заканчивается. Появляется мать из-за занавески, где она неофициально присутствовала. Женщине не положено принимать участие в переговорах. Столы ставят

к стене, освобождают место для танцев; но один стол оставляют в углу. Там старик пил до утра. Для молодых людей заваривают чай.

«Они женятся по любви?» — спросил я. Оказалось, все устроила мать жениха: девушка его старше.

Сказать по правде, нет другого такого общества, кроме ирландских крестьян-католиков, где брак основан исключительно на деловых соображениях. Нигде брачные узы так не душат.

5

С наступлением великого поста в 449 году святой Патрик удалился в горы Коннахта для общения с Богом. Он постился сорок дней и сорок ночей и так рыдал, что его облачение промокло от слез.

У средневековых монахов имеются подробные сведения о посте святого Патрика. Они поведали, что святой сказал ангелу, приходившему к нему каждую ночь с обещаниями от Бога:

— Будет ли что-либо еще даровано мне?

— Чего ты просишь? — спросил ангел.

— Я прошу, чтобы саксы ушли из Ирландии, по собственной воле или по принуждению.

— Теперь уходи, — велел ангел.

— Я не уйду, — сказал святой Патрик, — и пусть меня замучают, тогда я стану блаженным.

— Есть ли что-нибудь еще, чего ты требуешь? — спросил ангел.

Святой Патрик попросил, чтобы в Судный день он сам судил бы ирландцев.

— Господь этого не допустит, — сказал ангел.

— Если Он не попустит, — ответил убежденно святой, — я не спущусь с этой горы до самого Судного дня, более того, поставлю сюда охранника.

Ангел вернулся с небесным посланием.

— Господь сказал: «Не было и не будет среди людей более стойкого и хладнокровного человека. То, о чем ты молился, будет исполнено, и народу Ирландии посылаю Свое благословение, как живым, так и мертвым».

Святой Патрик сказал:

— Да будет благословен милосердный Господь. Теперь я покину гору.

Когда он поднялся и приготовился спуститься с горы, вокруг него залетали большие птицы, так что стало темно, и воздух наполнился шумом от хлопанья крыльев. Святой Патрик встал, как Моисей на Синае, и его окружили все святые Ирландии, бывшие, настоящие и будущие.

В этом мы видим веру ирландцев в непоколебимую решимость святого — «стойкого и хладнокровного человека». Рассказывают, что пока святой Патрик соблюдал пост на горе, он прогнал из Ирландии всех змей.

Гора Кроу Патрик, или гора Святого Патрика поднимается на 2510 футов над голубыми водами залива Клу. Это — святая гора Ирландии. Раз в год, в июле, совершается паломничество в маленькую часовню, стоящую на ее вершине. Атлантические лайнеры бросают якорь в заливе Голуэй. Они привозят американцев ирландского происхождения. Те поднимаются на гору для спасения души. За один день на гору взбираются до 40 000 пилигримов. Самые преданные из них снимают башмаки и носки и одолевают трудную тропу босиком.

Утро выдалось опасно ясным и солнечным. Я взял крепкую палку и приготовился одолевать мощный склон

ирландского Синая. Любуясь облаками, плывущими над вершиной, я увидел далеко наверху часовню. Снизу она казалась маленькой каменной пирамидой.

Я пошел по грубой горной тропе, утопанной за многие столетия ногами паломников. Из Атлантики подул ветер и принес с собой дождь. Серый туман мгновенно накрыл землю. Огорчившись, я тем не менее продолжил путь, надеясь, что небо очистится, и я увижу лучшую панораму Ирландии.

Мало что сравнится с ужасным восхождением на гору в туман и дождь. Чем выше я поднимался, тем гуще становился туман, тем упорнее поливал мелкий, особенному противный ирландский дождь. Не успеешь опомниться, как он вымочит тебя до нитки. Надо мной висела мокрая пелена, подо мной — та же пелена; только скалы под ногами были настоящими. Кроме шума падающей воды и стука отвалившегося камня, ничего не было слышно.

Есть что-то страшное, во всяком случае для меня, в туманах, затягивающих горы. За этой мглой скрывается неизвестность. Туманы отрезают человека от мира, не позволяют увидеть небо. Потеряться в горах в туман — значит впасть в паническое настроение. Тебе кажется, что ты сошел с тропы, и ты ходишь кругами, сопровождаемый злорадным смехом, доносящимся из тумана. Но я утешал себя тем, что Кроу Патрик — святая гора. Из здешних ущелий и оврагов изгнаны все демоны. Неожиданно прямо передо мной выросла белая фигура: я увидел статую святого Патрика.

Оказалось, что скульптуру поставили здесь специально, чтобы подбодрить пилигримов, потому что дальше начинается трудный подъем. Тропа заканчивается. Паломник осторожно нащупывает путь по крутому склону, из-под его ног выскакивают камни. Я почувствовал, как увлажнились мои щеки и волосы. Движение тумана подсказало мне, что я попал в

огромное облако, скрывающее от глаз людей гору Святого Патрика.

Я добрался до пирамиды из камней, одного из этапов крестного пути. Остановившись, я спросил своих католических предков, что теперь делать, и услышал голос. Из тумана явилось невероятное и нелепое видение. По тропе с трудом спускалась женщина средних лет. Она выглядела так, словно кто-то перенес ее на гору Святого Патрика в тот момент, когда в магазине на Графтон-стрит она покупала шесть ярдов крепдешина. Как только я увидел ее совершенно отчетливо, из тумана материализовалась еще одна фигура — ее муж. Он тоже выглядел невероятно. На мужчине была шляпа-котелок. Очень странно было увидеть этот котелок на святой горе. Мы пожаловались друг другу на плохую погоду. Они спросили, идут ли позади меня другие люди, и признались, что это их первое паломничество. Женщина была расстроена: она потеряла среди камней четки. Если я найду их, не пошлю ли я их ей в Лимерик? Я подумал, что, на взгляд англичанина, они представляли очень странное зрелище: двое солидных немолодых людей, представителей среднего класса, вздумавших пойти помолиться на вершину святой горы.

— Да благословит вас Господь, — сказали они серьезно, а я снова вошел в сырое облако.

Мне стало жарко и радостно, я почувствовал усталость. В какой-то момент я подумал, что нашел потерянные четки, но оказалось, что это — оборванный кусок обувного шнурка, завалившийся в щель между камнями. Я дошел до другой каменной пирамиды, следующего этапа крестного пути, и вскоре оказался на вершине горы Святого Патрика, на высоте 2510 футов над Коннахтом. К северу от меня были горы Мэйо, на западе — голубой Атлантический океан, на юге — горы земли Джойсов и великолепные горы Туэлв-Пинс. Но

увы! Все это только в теории, на самом деле в туче, опустившейся на вершину, я ничегошеньки не видел...

Заметил, правда, маленькую часовню. В Коннемаре мне рассказывали, как это здание было построено. К подножию горы на телегах привезли цемент в семифунтовых мешках, и каждый паломник счел своим долгом принести один из мешков на вершину. Многие люди, как мне рассказывали, совершили не одно такое восхождение ради строительства крошечной часовни.

Я вошел внутрь и опустился на колени. Здание было очень маленькое и страшно холодное. Я увидел коленопреклоненного молодого священника. По помещению гулял ветер, и я невольно подумал, каково здесь бывает, когда штормит Атлантика. Несмотря на то, что стены часовни отделяли от серой мглы, воздух помещения говорил о холодном одиночестве, отдаленности от уюта. Я чувствовал, что снаружи ходят горные туманы. Маленькое святилище напоминало усыпальницу, построенную на краю света. Коленопреклоненный священник не двигался. Казалось, он изваян из камня. Точно рыцарь, несущий бдение у алтаря.

Я вышел на цыпочках, уселся на сырой камень и съел захваченные в дорогу сэндвичи с сыром. Я сидел, насквозь промокший, и надеялся, что облака разойдутся и покажут мне отдаленную землю. Ветер свистел поразбойничьи, как бывает на вершинах всех высоких гор. Этот звук, хотя я не видел перед собой ничего на расстоянии двух ярдов, рассказывал мне о высоте, о головокружительных пропастях и страшных ущельях.

На этой высоте, как писали средневековые монахи, святой Патрик звонил в колокол, и с каждым ударом колокола жабы и змеи бежали из Ирландии.

Я пошел вниз по мокрым камням. С благодарностью добрался до белой статуи святого. Тучи ушли наверх, но дождь не прекращался. Он застил вид на море и горы.

С залива Клу, на расстоянии около четырех миль от земли, можно увидеть маленький зеленый остров. Он носит название Клэр.

6

На берегу, лицом к материку, стоит разрушенная башня замка Грейс О'Мэлли. Легенда рассказывает, что эта замечательная ирландская женщина похоронена на острове в аббатстве, которое сейчас, как и крепость, разрушено.

Грейс О'Мэлли, или Грануэль, как ее называют в песнях и легендах, была в Ирландии чем-то вроде Робин Гуда в женском обличье. История говорит о ней мало, но и это немного удивительно. Она была уникальным человеком. Ее жизнь и время, в которое она жила, дожидаются ирландского Вальтера Скотта.

В то время как Англией правила королева Елизавета с помощью своих хитроумных советников, Грейс О'Мэлли властвовала над морским побережьем Коннахта исключительно благодаря силе характера. Другого такого примера в истории нет. Отцом морской королевы, или женщины-пирата был предводитель клана Оуэн О'Мэлли по прозвищу Черный Дуб. Власть его простиралась от морского побережья до Арана. С древних времен клан был знаменит отчаянными морскими набегами, и во многих путешествиях дочь сопровождала старого пирата. Когда он умер, Грейс исполнилось девятнадцать. У нее был младший брат, но, как и египетская царица Хатшепсут, она спокойно отодвинула его в сторону и заявила права на место отца. Неизвестно, что представлял собой ее флот. Должно быть, у нее были деревянные суда, но можно не сомневаться, что основу флотилии составляли кораклы. Ее крепость, Карригаули, была построена возле воды на

острове Клэр. Согласно легенде, молодая королева пиратов ставила суда на мертвый якорь, связывала их друг с другом, а веревку протягивала через отверстие в стене замка и отправлялась спать с веревкой, обмотанной вокруг руки. Она всегда была начеку.

Грейс жила в век пиратства. Это было время Фрэнсиса Дрейка. Испанские галеоны, приходившие с вином в Голуэй, являлись легкой добычей, но, будучи истинным гэлом, Грейс чаще всего направляла атаки на торговые суда Елизаветы. Она сделалась такой неугомонной, что английское правительство объявило ее вне закона и предложило огромную по тем временам награду — 500 фунтов — за ее поимку. Стоявшие в Голуэе войска были посланы на захват замка, однако после двухнедельной осады отступили, и королеву пиратов оставили в покое.

Первым ее мужем был военачальник Доннел О'Флаэрти — подходящая пара, глава ужасного клана Флаэрти. Сведения о ней содержатся в рукописи, хранящейся в архиве Дублина:

Она с юности была знаменитым пиратом и грабителем. Рассказывают, в тот самый день, когда она лежала в постели со схватками — рожала первенца, баркас атаковали турецкие корсары. Узнав, что они одерживают верх над ее людьми, Грейс встала, надела килт, взяла два короткоствольных ружья и с проклятиями выскочила на палубу. Она поразила турок, и те принялись ее обсуждать. Этого-то она и хотела. Грейс выстрелила из обоих стволов и убила двух офицеров.

Вот какая она была!

Когда О'Флаэрти скончался, Грейс выбрала себе в мужа властного англичанина ирландского

происхождения по имени сэра Ричард Берк, прозванного Железным Ричардом, поскольку тот носил пластинчатые доспехи. Говорят, Грейс настояла на том, что американцы нынче называют «договорным браком». Если после двенадцати месяцев брак окажется неудачным, любой из супругов будет иметь право его расторгнуть. Некоторые говорят, что она использовала этот год для захвата крепостей мужа, а по окончании срока захлопнула перед ним ворота своего замка и объявила, что брак расторгнут.

Поскольку все это лишь слухи, обратимся к достоверным фактам. В 1576 году Грейс О'Мэлли поехала в Голуэй — просить сэра Генри Сиднея принять ее флот из трех галер и двухсот человек на службу Англии. В результате союза с Англией произошло самое удивительное событие: Елизавета пригласила Грейс посетить Лондон.

Этот визит состоялся в 1593 году, после того как королева пиратов много лет потратила на преследование врагов Англии возле побережья Коннахта. Согласно преданию, королева пиратов и ее свита приплыли в Англию и бросили якорь в Темзе возле старого Лондонского моста. Имеется много версий относительно события, которое, как некоторые утверждают, состоялось во дворце Хэмптон-Корт. Встреча Елизаветы с темноволосой пираткой Коннахта стала, должно быть, одной из самых удивительных аудиенций ее примечательного правления. Грейс представилась как «Грануэль О'Мэлли, дочь Дубдара О'Мэлли, некогда владельца земли Верхний Оул, ныне поместья баронов Мураски».

Звонкий титул. Преподобный Сизар Отуэй сохранил описание этой встречи. Возможно, его описание столь же достоверно, как и большинство других.

Грана поклонилась и протянула сестре Елизавете (так она назвала королеву) худую руку. Мозолистую, поскольку всю жизнь имела дело с веслом и рулем. Держалась она уверенно и очень достойно, словно нынешний вождь американских индейцев на приеме у президента Соединенных Штатов Америки.

Елизавета, обнаружив пристрастие Граны к нюхательному табаку, который та добывала в своих авантюрных предприятиях, заметила, что ее гостье требуется носовой платок (обычная история у любителей табака), а потому подарила Гране свой, богато вышитый платок. Грана приняла его равнодушно, громко в него высморкалась и небрежно отбросила. Когда сэр Уолтер Рэли спросил ее, почему она так обошлась с подарком ее величества, она ответила так, как это сделала бы на ее месте дикая ирландская девушка. Эти слова я из чувства приличия повторить не решаюсь. Более того, Елизавете вряд ли понравилось отношение Граны к ее подаркам. Елизавета приказала подарить гостье комнатную собачку, и ее привели на шелковом шнурке. «Зачем она мне?» — спросила Грана. «О, она очень умная, игривая и преданная крошка, она будет лежать у вас на коленях». «На коленях! — воскликнула Грана, — Это не для меня! Оставьте ее себе, английская королева. Она годится только для таких лентяек, как ты. Это вы проводите целый день с ничтожными животными». — «Да нет, Грана, — возразила Елизавета, — вы ошибаетесь. Я не лентяйка. Ведь у меня на плечах великая страна». — «Может, и так, — ответила Грана, — но, насколько я вижу, бедняки в Мэйо, у которых

всего-то одно ячменное поле, трудятся поболее твоего».

Разумеется, Елизавета скоро с нею простилась — на последней аудиенции она предложила сделать ее графиней. «Мне не нужны ваши титулы, — заявила Грана. — Разве мы не ровня? Если уж на то пошло, я тоже могу дать тебе титул. Королева Англии, я ничего от тебя не хочу. Мне достаточно быть главой своего народа, а ты можешь поступать, как захочешь, с моим маленьким сыном Тоби, в жилах которого течет саксонская кровь, и потому саксонский титул бесчестья ему не принесет. Я же останусь сама собой — Грана О'Мэлли Ирландская».

Говорят, ребенка привели во дворец и дали ему титул виконта Мэйо. От него и произошли нынешние графы Мэйо.

Когда Грануэль возвращалась в Коннахт, разразился шторм, и ее флот вынужден был остановиться в бухте Хоут, — писал Э. Оуэнс Блэкберн в «Знаменитых женщинах Ирландии». — Она вышла на берег и, приблизившись к замку, нашла двери запертыми. Обитатели замка в это время обедали. Ей отказали в гостеприимстве, и вместе со своей свитой она вернулась на берег. По пути она встретила красивого ребенка. Узнав, что он — наследник Хоута, Грануэль похитила его. Вместе со своей добычей она приехала в Коннахт и не отдавала заложника до тех пор, пока ей не поклялись, что во время обеда двери замка будут широко открыты для всех путников. Этот обычай соблюдается до сих пор.

К сожалению, конец этой буйной и героической фигуры был скромн. Похоронили ее в аббатстве Клэр. Мне сказали, что много лет ее череп украшали лентами и показывали посетителям. Но в девятнадцатом веке в Шотландии создали фирму, которая собирала кости и готовила из них удобрения. С этой целью снарядили корабль, плававший вдоль западного побережья Ирландии. Там, на церковных и монастырских кладбищах, было собрано огромное количество костей. Говорят, что и кости Грануэль пошли на удобрение шотландской земли.

Есть, разумеется и художественное ирландское окончание этого рассказа. Говорят, один шотландец подавился турнепсом, и что на самом деле в горле у него будто бы застрял уголек от костей Граны!

Глава одиннадцатая

Укромные уголки

Закат в Малларанни; я слушаю рассказ о волшебстве; меня приглашают на поминки. По маленькому мосту я перехожу к красивому острову Ахилл; продолжаю путешествие и вижу Донегол во время дождя.

1

Над морем висится гора. Гнется к земле вереск, его стебли серебрятся, словно деревья в оливковой роще. Пахнет диким тимьяном. Море охвачено широким полукружьем желтого песка. С другой стороны горы тоже находится вода, потому что ее охватывает море. Когда в ясный вечер солнце садится в океан, чудится, что гора над Малларанни нанесена на небесную карту. Вокруг разлита неземная красота: рассеяние света вносит в эту картину музыку, и если бы даже внизу не звонил «Ангелус», ты все равно обнажил бы голову.

Смотришь вперед и видишь, как из синего моря встают темно-синие горы. Слева, над голубой гладью залива Клу, поднимаются синеватые склоны Святого Патрика, а вдали, — голубые вершины Туэлв-Пинс и дикое высокогорье земли Джойсов.

Редко увидишь столь потрясающую симфонию в голубых тонах. В ней чувствуется печаль, как, впрочем, и в любой резко очерченной красоте. Кричат чайки, высоко в небе носятся ласточки, ветер гнет вереск. В дрожь бросает от такой красоты, и приятно, что в эти минуты ты один.

Бывает, великая музыка берет за душу, так что перехватывает дыхание. У меня возникли сходные чувства: закат над Малларанни с каждой минутой становился все прекраснее, и я невольно отводил глаза, не в силах вынести столь сильное ощущение. Хотелось увидеть что-то тривиальное: белый дым, поднимающийся над домиком, зеленое болото, фигуру, медленно бредущую по белой дороге, либо начинающийся прилив.

Скопление гор и холмов разбросано на бледно-зеленом фоне, но такой оттенок зелени не увидишь на небе, разве только в ливийской пустыне, да и то несколько раз в году. Этот цвет может быть отражением зеленых костров, зажженных за горами. Свет живой, рожденный в огне, пульсирующий и нервный. Он бьется и приносит боль.

И ты чувствуешь, что если бы Бог выбрал место для своего появления, то произошло бы это здесь, на западных горах, на закате, когда весь мир притих, и земля ждет откровения.

Солнце медленно соскальзывает в море. Наступает мгновение, когда над водой остается полоска в палец толщиной, и вот эта полоска уходит вниз и исчезает. Начинается последняя часть симфонии. Облака меняют цвет, вспыхивают, краснеют. Маленькие перистые облачка становятся алыми, словно живыми, и несколько минут сверкают в небе. Но зеленый огонь позади гор не умирает, не умирает и синева гор, напротив, она становится темнее и ярче.

Затем вся сцена бледнеет, и музыка опускается на октаву, но цвет все еще здесь, не уходит, он словно бы растворяется в земле и в небе. Я смотрю со слезами на глазах, первый ночной ветер трогает волосы и холодит лицо...

Облака сереют, горы темнеют на зеленом фоне неба, маленькая полоска воды в торфяном болоте похожа на

ртуть, море серебрится, а горы Ахилла черны.

В небе загорается вечерняя звезда, и на запад спускается ночь.

2

Там, где синие горы Малларанни смотрят на розовато-лиловые склоны Кроу Патрика, есть холм, совсем рядом с морем.

Если начнешь расспрашивать крестьянина, почему он не срывает холм, он будет уклоняться от ответа и редко признается, что на его земле живут фейри. Многим детям кладут в карман кусочек угля в качестве оберега от фейри. На западе люди до сих пор верят в ведьм. Верят также в «безголового всадника», словно тень проезжающего по дороге. Он предсказывает смерть, но чаще всего верят в баньши — привидение-плакальщицу. Это не персонаж ирландского фольклора, а реальная и живая вера.

Я встречал многих людей, говоривших, что они слышали об этом привидении, причем некоторые из них были людьми образованными, но только однажды я познакомился с человеком, который уверял, что видел его воочию. Он говорил, что баньши возле реки расчесывала свои волосы, то и дело останавливалась и опускала руку в воду.

Я могу понять человека с запада Ирландии, который верит в сверхъестественные явления. Несправедливо называть его невежественным и суеверным, пока вы сами не почувствовали неопишущую жуть дикой западной местности.

Один старик, проживший в Мэйо всю свою жизнь, пришел со мной в Малларанни к холму. Поговорив о странных событиях, случающихся в жизни, он сказал:

— Правильно говорят, что в этом месте было много лепреконов. Так было перед «беспорядками». Но они отсюда убрались...

(Человек в Керри сказал мне то же самое. Он не говорил, что фейри больше нет, сказал, что они «убрались» в другое место!)

— Но старики все еще о них говорят, — продолжил он, — и многие в Малларанни их видели. Это маленькие человечки, они водятся в глухих горных местах. Сам я их не встречал. Они выходят по ночам, но не каждому дано их увидеть.

Он повернулся к холму и очень серьезно заговорил:

— Странную историю рассказывают об этом холме... Жил на свете молодой человек, который не боялся ни волшебников, ни привидений, и в это самое место ходил с рыбалки посреди ночи без малейшей дрожи. Однажды ночью по дороге домой он увидел троих высоких людей в черных одеждах. Они несли гроб. Он подумал, что это странно: почему нет четвертого? Вот он и подошел к ним, подставил плечо, и они продолжили путь не говоря ни слова...

Ну так вот, прошли они с гробом, может быть, милю. И тут трое мужчин в черных одеждах спустили гроб с плеч, чтобы передохнуть, но, едва гроб коснулся земли, они исчезли! Молодой человек снова удивился и снял с гроба крышку...

— Что он сделал?

— Он осторожно открыл крышку, заглянул внутрь и увидел там красивую молодую девушку. Она лежала с открытыми глазами и улыбкой на лице. «Выходи, — сказал он. — Ты ведь жива!» И молодая девушка вышла из гроба, но не сказала ему ни слова... Она была немая, понимаете? Молодой человек привел ее домой, к отцу и матери.

С той ночи прошло двенадцать месяцев. Молодой человек возвращался с рыбалки мимо этого места. Когда

проходил мимо холма, то услышал внутри голоса. «В эту ночь двенадцать месяцев назад, — говорил мужской голос, — он взял у нас девушку». Затем послышался другой голос. Он сказал, что девушка принесла молодому человеку мало пользы, потому что она немая, а он не догадался вынуть из-за ее уха серебряную булавку. «Да, — сказал первый голос, — она много бы ему порассказала, если бы он это сделал...»

Итак, он идет домой, смотрит ей за ухо. Верно, у нее там маленькая серебряная булавка. Он ее вынул, и девушка заговорила. Она рассказала, что двенадцать месяцев назад ее украли феири. «Принеси мне шерсть, — сказала она, — я свяжу тебе жилет». И она связала ему жилет. «А теперь, — сказала она, — иди на ярмарку, остановись в таком-то доме. В него войдет старик. Когда он увидит на тебе этот жилет, он, возможно, разозлится, а, возможно, — нет...

И на следующее утро молодой человек отправился на ярмарку, и вскоре к нему подошел старик и спросил, как ему достался этот новый жилет, потому что только одна женщина на свете могла его связать. Двенадцать месяцев назад ее украли феири...

Молодой человек привел старика домой, и, как только девушка увидела его, она заплакала и засмеялась от радости, потому что это был ее отец! Молодой человек и девушка поженились, и отец подарил им большие деньги — двести фунтов, — и они сказали, что с этого дня более не будут нуждаться в деньгах...

Вот одно из событий, которые, по слухам, случились на этом самом месте! — заключил мой собеседник и зажег трубку, которая погасла за время рассказа.

— Вы в это верите?

— Есть люди, которые верят каждому слову.

— Да ведь этого не было! — рассмеялся я и уселся на холм.

— Бывали случаи и более странные, чем этот, — заявил старик почти серьезно. — Не сойдете ли с холма, а я расскажу вам об одной ведьме.

И он рассказал и о ведьме, и об одном хромом мальчишке, который предвидел появление в Малларанни железной дороги.

Лучше всего слушать такие истории на ветреном морском берегу, когда компанию вам составляют притихшие синие горы.

3

Если человек некоторое время жил в Ирландии, он вполне может составить коллекцию ярких местных высказываний. Они слетают с уст ирландцев, когда те чем-то взволнованы. Фразы, произнесенные на английском языке, пронизаны гэльским обаянием.

Я и сам их слышал, однако они не столь хороши, как те, что были записаны до меня. Я имею в виду не комические высказывания, известные как «ирландские нелепицы», а живые, колоритные фразы, точно характеризующие человека или некий инцидент. Один рабочий, давая показания в местном суде, так высказался о доме, в котором гуляли сквозняки: «Дикая утка схватит в нем ревматизм». Стивен Гвинн рассказывает об ирландской поварихе. Когда пересох колодец, она примчалась к своей хозяйке и объявила, что «в доме не хватит воды, чтобы окрестить колдунью и сварить к обеду картошку!» Он также упоминает старого ирландского лодочника, с которым вместе рыбачил на озере Уэстмит. Зашел разговор, появилась ли бабочка веснянка, которую используют в качестве приманки. Неожиданно одна из них пролетела в сумерках.

«Смотрите! — воскликнул лодочник. — Видели, как она промчалась мимо вас, точно терьер?»

Падрейк Колум высказывает интересные наблюдения по поводу различий между английским и ирландским английским языком. Возьмем, к примеру, простой вопрос: «Вы сегодня продаете лошадь?»

Человек, говорящий на правильном английском языке, ставит ударение на одном из четырех слов, чтобы донести до собеседника смысл фразы. Четыре разных ударения сообщают разные значения задаваемому вопросу. У ирландцев, говорящих на английском языке, нет надобности в таком ударении. Ирландец спрашивает: (a) «Это вы продаете лошадь?», или (b) «Эту лошадь вы продаете?», или (c) «Вы сегодня продаете лошадь?» Другими словами, там, где английский пурист, желающий донести до слушателя смысл своего высказывания, делает ударение на том или ином слове, ирландец для той же цели использует грамматическую конструкцию, причем куда более эффективно.

В ответ на вопрос «Здесь идет дождь?» местный житель скажет: «Тута» или «А то». Он хочет выразиться как можно точнее.

Я только что прочитал интервью мистера Арнольда Беннета одной английской газете. В нем писатель упоминает о том, что поразило его во время посещения Ирландии. Это «серьезное, только что начавшееся и продолжающееся усилие» восстановить старый ирландский язык и снова сделать его живым.

Такое заблуждение, детское пренебрежение уроками истории меня просто шокировало. Как могут умные ирландцы затевать подобное предприятие или позволить ему начаться? Почему общественное мнение не осмеяло его еще в зародыше? Имеет ли страна какое-либо понятие о том, что представляет собой литература, если позволяет вовлечь себя в трагифарс? Может ли на этой почве вырасти литературный гений?

Полагаю, что под словом «страна» господин Беннет подразумевает Дублин. Но если бы он действительно поездил по Ирландии, то узнал бы, что «старый ирландский язык» по-прежнему жив.

Не так давно, как я уже сообщал, иммиграционная служба отправила домой девушку из Коннемары, потому что она провалила экзамен по английскому языку. А литературный гений родился и продолжает рождаться на «этой почве». Если гении Синга и Йейтса выросли не на «старом ирландском языке», то на чем же они тогда? Ирландское возрождение, вдохновившие национальное движение и приведшее к договору о независимости, основано на «старом ирландском языке».

Трагифарс это или нет, покажет время. Но даже если гэльский язык потерпит неудачу при использовании в области современной коммерции, попытка оживить его принесет пользу ирландской литературе и даст силы ирландскому гению.

4

Маленький человек, беливший потолок, спросил у своего товарища, идет ли тот вечером к О'Брайенам на поминки.

Товарищ ответил, что не сможет: у него болят ноги, а идти слишком далеко.

Маляр огорчился.

Я подождал и в одну из пауз, дождавшись, когда они спустятся вниз, повел маляра в пивную мистера Кейси. С первого дня пребывания в Ирландии мне хотелось побывать на поминках. Этот обычай исчезает, поскольку церковь считает его пережитком язычества. Сразу после смерти человека родственников понуждают отправить тело в часовню, и там оно остается до погребения. В некоторых районах выпивка на поминках наказывается отлучением от церкви, но священники сказали мне, что в глухих уголках запада, таких, как здесь, поминки по-прежнему устраивают и отменять не собираются.

Когда лицо маляра скрылось за кружкой портера, я спросил, не могу ли я, никого не обижая, пойти с ним к О'Брайенам на поминки. Ну разумеется, ответил он, покойники это одобряют. Легкомысленное отношение к столь мрачному событию меня озадачило. А что если, — спросил я, — семье и друзьям не понравится вульгарное любопытство чужого человека? Ни в коем случае, воскликнул он. Зачем тогда поминки? Узнав, что у меня есть автомобиль, он заверил, что поминки в девяти милях отсюда будут без меня неполными.

Затем заговорил о поминках тем же тоном, каким горожане обсуждают премьеру фильма. Поминки мистера О'Флаэрти, того, что жил за Леттерашем, удались на славу. И когда скончалась старая миссис Демпси со Страмор-уэй, родственники постарались и устроили грандиозные поминки с танцами. Я подумал, что поминки — единственное развлечение моего нового знакомого.

— Вы что же, посещаете все поминки?

— Да, — он снова опустил нос в кружку, затем поднял голову и рассмеялся, — хорошему ходуку по

поминкам гарантированы хорошие похороны...
Приходите ко мне, а я приду к вам!

Мне показалось, он немного увлекся; впрочем, кто я такой, чтобы его осуждать.

Затем я спросил, поскольку всегда боюсь инфекции:

— А от чего умер покойный?

— Покойная. Миссис О'Брайен. Думаю, от четырнадцатого ребенка.

В тот вечер, около одиннадцати часов, маленький маляр вытряхнул из волос и из-под воротника белила и предстал передо мной в белой рубашке и галстукe. Он сказал, что дом, в который мы направляемся, бедный и маленький, и угощения там не будет. Поэтому лучше принять по одной, прежде чем исполнять печальный долг. Заранее извинился за поминки. Дело в том, что бедная женщина слишком молода. Если бы она была старухой, оплакивать ее никто бы не стал, поминки были бы веселыми, с танцами. А в этот раз, добавил он, будет грустно...

Я предположил, что мать четырнадцати детей не так уж и молода, но он считал, что живого сорокалетнего человека можно назвать пожилым, а труп того же возраста — молодым. Такой логики я понять не смог.

Девять миль мы ехали по дикой и безлюдной местности. Неподвижная вода маленьких заливов отливала серебром. Луна окрашивала в бледно-зеленый цвет домики на горных склонах. Светились все окошки.

Мы оставили автомобиль и по крутой, каменистой дороге пошли вниз, к морю. В темноте нам встречались группы людей. Мой спутник объяснил: когда кто-то умирает, вся деревня до похорон прекращает работу, и каждая семья два дня и две ночи по очереди дежурит у тела...

У края воды светился огонек. Это дом О'Брайенов, сказал маляр. Мы прошли около четверти мили, обмениваясь приветствиями с людьми, которые словно

выскакивали из-под земли. «Доброй ночи, Пэт!» «Доброй ночи, Мик!» Наконец мы достигли кромки воды.

Дверь была отворена, домик погружен в атмосферу смерти.

Мы опустились на колени, склонили головы. Я чувствовал, что в комнате полно людей. Пахло торфом. За печкой трещал сверчок. Мы встали с колен, и старик, сидевший подле огня, выступил вперед, пожал нам руки и, не выразив ни малейшего удивления при виде меня, подал набитые махоркой глиняные трубки. Он жестом указал на деревянную скамью, а сам вернулся на свое место, скрестил руки на набалдашнике палки и опустил на них подбородок.

На столе горели три свечи в медных подсвечниках. Там же лежали глиняные трубки, а на тарелке — горка махорки. Тело мертвой женщины освещали свечи. Покойница лежала на кровати, встроенной в стену, рядом с очагом. Белые простыни были украшены черными крестами. Тело облачено в коричневое одеяние, вроде монашеского. Видны были лишь руки и лицо. Глаза наполовину открыты. Один глаз уставился на меня с выражением пугающего понимания.

Работа, частые роды, скудная пища вымотали женщину. Покойная не была молода, как уверял маляр. Возможно, ей было немного за сорок, и она была болезненно худа, тем не менее бедность и тяжесть жизни с нее слетели. В величии смерти она лежала, словно королева.

В комнате в тени сидели около тридцати мужчин и женщин. Мужчины, в кепи и шляпах, поддерживали огонь в трубках. Все молчали. Сверчок нарушал тишину монотонным треском. Мужчины судя по всему были рыбаками и работниками с ферм, женщины — того же типа. То и дело кто-то вздыхал и шаркал ногами. В соседней комнате громко храпел мужчина. Муж. Всю

предыдущую ночь он дежурил у тела. Старик у очага был отцом покойной...

Дверь обрамляла бархатный прямоугольник ночи. Слышно было, как волны тихо плещутся у скал.

Неподвижность, тишина, пение сверчка — все это действовало на нервы. Мы словно ждали воскресения.

— Хорошая погода нынче, — сказал старик и, повернувшись, сплюнул в торфяной огонь.

— Да, — прошептал мой спутник-маляр.

— Господь ее принял, — сказал старик.

— Верно, — согласился маляр.

Сверчок заскрипел, как бешеный, а торф развалился и выпустил маленькие струйки дыма.

Несколько детей из четырнадцати заглядывали из спальни в комнату, где лежала их мать. Двое старших были в Америке и еще не знали, что она умерла.

Вновь пришедшие на мгновение опускались на колени и осеняли себя крестом (все бы отдал за то, чтобы заставить замолчать сверчка: он словно хлестал меня по голове кнутом). И что же, больше ничего не случится? Мы так и просидим всю ночь в этом ужасном молчании? Где же плакальщицы, раскачивающиеся под заунывные возгласы?

За грубой занавеской в конце комнаты вдруг что-то зашевелилось. Хрюкнула свинья! Я бывал и в более бедных домах в Керри и Коннемаре и все же никогда не видел в доме скотины, тем более что этот факт постоянно отрицают. Затем произошло нечто еще более странное! Мне показалось, что над плечами людей поднялся белый гроб. Оказалось, что это белая корова. Ей стало любопытно, что происходит рядом посреди ночи. По всей видимости, она смутно почувствовала, что привычный распорядок ее жизни нарушен. Животные занимали торец помещения, отделенный от жилой комнаты куском грубой ткани, повешенной на длинную деревянную перекладину.

Корова выдохнула сквозь мокрые ноздри и оглядела помещение добрыми непонимающими глазами. Простая обстановка и домашние животные навели меня на мысли о Рождестве.

В этом было что-то ужасное. В бедном домике на берегу Атлантики простые люди, крестьяне и рыбаки, присутствовали при таинстве, омрачавшем жизнь человечества с самого его зарождения. Горе не было примитивным. Действовавшее на нервы молчание казалось убедительнее любых яростных проявлений. Люди веровали. Верили все, до единого человека, что покойная стоит сейчас на ступенях рая. Они смотрели на слабое тело, которым жизнь воспользовалась до конца и отбросила за ненужностью. Мне кажется, в спокойствии лица, с которого ушли и горе, и боль, они видели доказательство, что покойная лишь немного опередила их в уготованном всем прекрасном приключении.

Мне захотелось, чтобы великий художник написал эту сцену. И назвал бы картину не «Смерть», а «Вера».

Корова тяжело переступала копытами, заливался сверчок, торф превращался в золу, пламя свечей дрожало на сквозняке, мужчины неуклюже шаркали ногами по каменным плиткам, вздыхали и тихонько перешептывались, говорили, что покойная была хорошей женщиной, вспоминали какие-то мелочи из ее жизни...

Во время одного из таких эпизодических перешептываний, естественных для людей, вынужденных долго молчать, я обратился к человеку, сидевшему рядом со мной, только для того чтобы услышать собственный голос и отрешиться немного от тягостной сцены.

— Чахотка! — шепотом ответил он на мой вопрос.

На меня накатила паника. Захотелось выйти на залитое луной пространство и подставить себя морскому

ветру. Ну разумеется, чахотка! Белая корова тоже казалась теперь чахоточной. Она не спускала с мертвой женщины добрых и глупых глаз.

Мы вышли из дома на крутую тропу.

— Печальные поминки, — вздохнул маленький маляр. — Если бы умер старик О’Брайен, было бы весело, возможно, устроили бы танцы...

Сверчок до сих пор трещал в моей голове.

— Вы вели себя так, словно всю жизнь ходили на поминки, — улыбнулся мой спутник.

Мы прошли мимо белых домиков, залитых зеленым лунным светом. В окнах до сих пор горели огни.

5

Семь тысяч человек, соединенных с Ирландией узким мостом, живут на острове Ахилл в тени голубых гор и среди мрачных торфяных болот. Они думают по-ирландски и говорят по-ирландски. В солнечный день остров превращается в цветной рай. Горы обретают синий цвет, как на полотнах Тициана, голубое небо не уступает красотой небу Неаполя, но в плохую погоду океан ревет, ветры с востока набрасываются на горы, как сорок тысяч демонов.

Маленькие белые домики того и гляди слетят с узких уступов. Поражаешься героизму здешних жителей, устраивающих на каменистой почве крошечные картофельные огороды. Люди любят танцы и музыку. Звук скрипок напоминает чириканье воробьев. Все здесь должны бакалейщику!

Денег на острове не заработать, поэтому двенадцати-месячный кредит — дело обычное. Весь остров живет в кредит. Все в долгу от урожая до урожая. Весной каждый здоровый мужчина и многие крепкие девушки покидают Ахилл и устремляются в

Англию или Шотландию, где продают свои сильные руки чужеземным фермерам. Они тяжело трудятся на протяжении пяти месяцев и, возвращаясь, оплачивают прошлогодние долги.

Весной на острове время расставаний: происходит регулярная эвакуация Ахилла. Причаливают специальные суда из Глазго и Ливерпуля. Мужское население идет к морю, машет рукой женщинам и пускается в плавание.

— А сколько вы зарабатываете в Англии? — поинтересовался я у молодого гиганта.

— В прошлом году я привез десять фунтов! — гордо ответил он.

Десять фунтов за пять месяцев тяжелого труда на поле другого человека!

В данный момент весь остров готовится к очередному отъезду. Мужчины лихорадочно режут торф. Торф на Ахилле срезают раньше, чем в любой другой части Ирландии, потому что он должен высохнуть до отъезда эмигрантов.

Мужчины стоят возле коричневых торфяных болот, орудуют странными клинообразными лопатками. Работают быстро и методично. Женщины нагружают большие плетеные корзины срезанным торфом и медленно несут их на плечах к полям.

На горных тропинках вы встречаете босоногих девушек, ведущих ослов. Животные тащат тяжело нагруженные корзины. Встречаете бабушек с лицами и костлявыми запястьями, похожими на наросты на стволах деревьев. Ревматизм и тяжелая работа согнули старушек в две погибели. Они несут груз, который мужчина-горожанин не пронес бы и на пятьдесят ярдов.

Женщины работают и в поле, ворочают твердую землю граблями, сажают семена. Ничто не остановит человека с острова Ахилл! Он должен срезать торф, иначе зимой нечем будет топить очаг, а затем он

покинет дом и в поте лица будет зарабатывать, сколько сможет...

Что за странный, печальный остров! Тем не менее никто здесь, кажется, не сознает этого. Господь забросил их на морскую скалу, стало быть, Он хотел, чтобы они там и оставались! Кто посмеет роптать и оспаривать Божественный промысел? Почва тверда. Нет денег. Но человек может заработать их в других странах — в Англии и Шотландии, а они, благодаря Божественному провидению, расположены в нескольких часах плавания на лодке.

Те, кто видел западную Ирландию, не удивляются тому, что контакт с крупными городами Англии и Шотландии не оставил на Ахилле никакого следа. Эти люди — настоящие консерваторы. Они не подвержены инфекции прогресса.

Когда мужчины отправляются на заморские фермы, Ахилл становится островом женщин. Они заправляют домом и работают в поле. Голодают и ждут возвращения мужей по осени.

Эти женщины и невротические горожанки принадлежат к разным мирам. Трагично видеть красоту, увядающую на глазах под тяготами жизни. Здесь тридцатилетняя женщина — старуха, а сорокалетняя страдает маразмом. В отличие от горожанок, она понятия не имеет о комфорте и уходе. Она не может сложить руки и отдохнуть на старости лет. Вы видите женщин, работающих в поле, бредущих по дороге, словно вьючные животные. Они сгорблены, лица покрыты морщинами, и истинный возраст узнать невозможно.

И все же на Ахилле можно услышать смех. Молодые девушки смеются, погоняя гусей; смеются, перелезая со своими корзинами через низкую каменную стену; смеются, отгоняя диких собак, набрасывающихся на приезжих. Больше всего они смеются, как мне

рассказывали, по вечерам на танцах, когда мужчины возвращаются домой, и над горами Ахилла скрипки щебечут, словно птицы.

От острова исходит сверхъестественное очарование. Мистер Пол Генри сумел уловить его в своих блестящих картинах. Почти в шоке убеждаешься, что горы здесь такие же голубые, какими он их изображает, и море такое же синее; облака такие же большие; вечером над горами выступает ярко-зеленая полоса, а в определенное время суток весь остров, земля, море и небо погружаются в неземное великолепие, для которого невозможно подобрать слова.

С одной стороны Ахилла есть песчаный пляж. Океан набегает на него белыми волнами, поднимает пенную стену. На солнце она блестит не хуже бриллиантов. Здесь есть темные скалы, суровые мысы, дикие болота. Маленькие горные селения кажутся отрезанными от всего острова. Люди живут в лачугах из камней, которые просто поставлены один на другой.

В одном из нескольких примитивных «ульев» до сих пор теплится жизнь. Это дом старого холостяка по имени Лаваль. Его французские предки в давние времена уходили на рыбачий промысел с острова Баффин.

Его «улей» имеет круглую форму. Дым из торфяного очага выходит из отверстия в крыше. Это настоящий каменный сарай. Мистер Лаваль вежливо отворил передо мной дверь своего жилища. Вместе с ним в домике живет белый пони, тут же сложен корм для лошадки. В домике невероятно жарко и душно. Входя в дом, я посторонился, чтобы не угодить под задние ноги пони, и подивился тому, что за несколько столетий дом не сгорел от пожара. Торф — самое безопасное топливо. В отличие от дров, он не выбрасывает наружу искры, не ломается, как уголь, иначе сенник, ясли и дом давно бы исчезли.

На Британских островах мало осталось таких жилищ. Припоминаю один или два «черных дома» на острове Скай. Я никогда в них не заходил. Думаю, они очень похожи на «ульи» Ахилла. Поразительно, что человек живет в доисторической среде. Даже в древние времена люди украшали свои жилища грубо намалеванными изображениями животных, например, такими, какие можно увидеть в Италии, в пещере Гримальди. Однако дом, в который я вошел, был лишен картин и любого другого проявления тяги к красоте.

Даже местные жители смотрят на это жилище с некоторым любопытством. По сравнению с этой примитивной простотой самая бедная лачуга с очагом, половинчатой дверью и спальней кажется настоящим особняком. Странно, что в этом домике живет человек французского происхождения!

Солнце тем временем поднялось над Ахиллом, наполнило горы голубыми тенями, придало морю синеву. Мокрые горные тропы тоже стали голубыми. Священник, нянчивший возле торфяного очага свой неврит, сказал, что люди здесь хорошие, а врач (еще один знатный житель), занимающийся болячками островитян в маленьком кабинете, выделенном ему для этих целей на постоялом дворе, говорит, что не променял бы свою работу на самую лучшую практику в Дублине.

Остров на закате непереносимо прекрасен, море отликает серебром, первые звезды повисают над темными склонами гор. Вы вздыхаете... и снова вздыхаете.

Ахилл — одно из таких мест, которое человек запирает в своем сердце, обещая себе когда-нибудь вернуться сюда.

Покинув Слайго, я взял курс на Донегол, и тут же зарядил дождь, угрюмый и настойчивый.

На широкой площади стояли несколько пастухов с длинными кнутами. Скот неуверенно топтался на мостовой. По дороге то и дело проезжали телеги, груженные торфом или овощами. В Ирландии у городов величавые названия, так что иностранец, ожидающий увидеть здесь башни, башенки и толпы народа, с недоумением смотрит на Донегол, где под мелким дождем нахохлились люди, а на тротуаре грустно мычат телята.

Это естественно, ибо славные имена этим городам дали эмигранты, разъехавшиеся по свету. Всему виной ностальгия.

Залив Донегол — один из самых величественных в Ирландии. Но красотой эта страна обязана великолепию гор и скал, вдающихся в море.

Туман скрыл горные вершины и белым занавесом повис над морем. Я приблизился к краю обрыва и посмотрел сквозь дымку на бешеные волны, бьющиеся о скалы. Вокруг меня вставали бесформенные силуэты гор. Одни вгрызались в море, другие отступали назад. Мокли под дождем серовато-зеленые холмы.

Донегол — самое волшебное место в Ирландии. Коннемара воинственна и эпична; Донегол мягче. Если под каменистой почвой Коннемары и можно что-то обнаружить, то окажется, что это боевой топор, потерянный в старом сражении. В Донеголе, возможно, вы обнаружите горшок с золотом.

Стоит перетерпеть шторм в Атлантике ради мига, поближе к вечеру, когда ветер успокоится и прекратится дождь. Тучи поредеют, в серой водянистости проглянет кусок голубого неба (так называемый «голландский жилет»), и на землю снизойдет небесная красота. Все вокруг мгновенно переменится. Вот штабель торфа в поле. Минуту назад

это была унылая мокрая торфяная пирамида. Теперь на нее упал магический свет и придал ей совсем иной вид. Она стоит уверенно, привлекая к себе внимание. Торфяная вода в болоте обретает цвет: в нее ныряет небо. И — оглянитесь — всюду вокруг же преобразование: горы вышли из тумана, стали синими, как и море. Жаворонок взмывает в небо, над зеленым болотом с криком кружит ржанка. Невысокие каменные стены причудливой формы просияли на фоне голубых гор. Сияют и белые домики. Девушка в наброшенной на голову шали ведет по дороге осла. Во всем, что я вижу, есть что-то от сказки. Вы смотрите на девушку, и вам кажется, что она вот-вот подойдет к вам и скажет, что на самом деле она принцесса, а побитый молью осел поднимет на вас глаза и покажет знаком, что он — бедный юноша, разыскивающий волшебную розу.

Этот свет, что превращает Донегол в поэму на час или только на секунду — ужасное и тревожное явление. Если бы любой человек с чувством прекрасного видел бы его каждый день, он не смог бы заниматься работой. Если когда-нибудь в Ирландии родится своя Жанна Д'Арк, ангел придет к ней, когда после бури она поведет по дороге старого серого осла.

7

У этой земли женское лицо, — писал Падрейк Колум о Донеголе, — пахотная и пастбищная земля представлена в виде заплаток. Коричневая заплатка овса карабкается вверх вместе с зеленой заплаткой корнеплодов. Вереск опередил обоих, а над вереском, на зеленом пяточке, пасется белая корова. У подножия холма маленький капустный мыс. С обеих его сторон плещется море. Размеры огородов

составляют половину и четверть акра, их пересекают стенки из поставленных друг на друга камней. Корова, или лошадь, или осел, заключенные в огороженный стенами квадрат, похожи на зверей, которых люди заманили в ловушки. Дома стоят там, где есть возможность обработать несколько ярдов земли. Домиков много, если принимать во внимание бедность земли. Они лучше и комфортабельнее тех, что стояли здесь двадцать лет назад. За это следует благодарить районную администрацию...

Добывание средств к существованию на поле площадью в десять акров в этой ветреной и дождливой местности — изматывающее занятие. Будь рядом с домом рынок, на котором можно было сбыть продукцию — масло, яйца и домашнюю птицу, — вероятно, стало бы полегче. Однако таких рынков нет. Крестьяне могут продать на ярмарке скот — коров и овец, но масло, яйца и птицу они продают в деревенские магазины, либо обменивают их на промышленные товары. Думаю, выдержать борьбу было бы невозможно, не имея люди других источников дохода...

Итак, благодаря подсобному хозяйству и сторонним доходам люди умудряются сводить концы с концами. И все же их материальное положение постоянно под угрозой. Ночью они не спят — беспокоятся об овсе и торфе: дожди-то никак не прекратятся. Потеря урожая или ущерб, причиненный торфу, станет ударом, от которого они за год не оправятся. Было замечено, что рост смертности среди стариков находится в прямой зависимости от заготовки торфа... Люди сами обеспечивают себя молоком, маслом и птицей. Однако этого недостаточно. Им

приходится ходить в магазин за другими товарами, и владелец магазина пользуется их затруднительным положением и экономической неадекватностью.

У ирландских крестьян в ходу меткое слово для торговца, который стремится их обхитрить. Они называют его «гомбин», что означает «рвач». Не все торговцы гомбины, но в каждом селении такие встречаются. У гомбина в деревне лавка; он записывает крестьян в книгу, и они не имеют права ходить в другие магазины. Они никогда не знают, сколько ему задолжали, потому что он накидывает проценты на их долги. Он берет у них масло и яйца, но никогда не платит по справедливости. Деньги, что приходят из заграницы, чеки, поступающие из Америки, средства, полученные за продажу теленка или коровы — все поступает гомбину. Поборы гомбина не уступают прежнему лендордизму.

Единственное, что можно противопоставить этому кровопийце, по словам Колума, — создание кооперативного магазина. В Ирландии их много, некоторые успешны, а большинство обречено на неудачу. Ирландское сельскохозяйственное объединение старается кооперировать фермерский бизнес. Фермер должен быть и оптовиком, и розничным торговцем, и производителем. Короче, он сам себе должен все то, за что в прошлом платил бесчисленным посредникам. В этом, как мне кажется, заложено единственно верное решение многих проблем ирландского крестьянина, гнущегося под безнадежными и невыносимыми долгами.

В горах Донегола среди разбросанных общин есть одна, которую при неимении лучшего слова я должен назвать «деревней». Однако в Ирландии нет деревень, подобных тем, какие имеются у нас в Англии. Английская деревня, с ее домиками, живописно сгруппированными вокруг церкви и большого имения, — англосаксонское образование, не имеющее ничего общего с гэлами. В Ирландии, особенно на западе, деревня может располагаться на нескольких квадратных милях горных склонов.

Как-то раз вечером я шел по этой «деревне» с ирландцем, с которым меня только что познакомили. Много лет назад он был членом «Гэльской лиги». Он до сих пор верит, что будущее Ирландии зависит от возрождения всего гэльского.

Он хотел познакомить меня со старым фермером, который, как он сказал, был настоящим ирландцем. Возле белого домика он чуть помедлил, постучал в дверь и пропел гэльское приветствие. Старый человек в заплатанных брюках и жилете домашней вязки пригласил нас войти. Когда меня представили, старый фермер спросил, говорю ли я по-гэльски, а потом, с изяществом гранда, повернулся ко мне и сказал по-английски:

— Добро пожаловать в мой дом.

Со мной случались подобные истории в шотландском Хайленде, а потому я не удивился и не испытал смущения, какое на моем месте почувствовали бы большинство англичан, приглашенных в дом работника фермы.

Старик поставил перед очагом стул и табурет и пригласил нас сесть. Несмотря на протесты моего спутника, поставил перед нами чашки и налил в них чай из горшка, стоявшего на углях торфяного огня. Чай был густым, крепким, насыщенным танином, и пить его, на

мой вкус, было невозможно. Я медленно допил чашку, обдумывая, как бы повежливее отказаться от второй.

Наш хозяин устроился на скамье подле стены. Ему было примерно шестьдесят пять, а может, и еще больше — красивый патриарх с белой бородой. Такие глаза, как у него, довольно часто встречаются на западе: любопытная смесь монаха и плейбоя. Мой друг, желая продемонстрировать свое знание гэльского языка, тут же заговорил на местном наречии, но старик отличался безупречными манерами, а потому ответил ему по-английски и втянул в разговор и меня.

Мы обсудили многое, в том числе работу местного фермерского правления, с которым, как я понял, старик постоянно ссорился. Ему не нравилась земля, которую ему выделили; были и другие претензии, но их я не понял. Все это время я был погружен в атмосферу маленькой комнаты. В отличие от большинства домов в глухих местах Коннемары здесь было чисто и свободно. В помещении имелось лишь то, что необходимо для жизни. Это говорило не о бедности, а о том, что большую часть времени хозяин проводил вне дома. В комнате стояли стул, табурет, скамья и маленький стол. Перед Святым Сердцем горел красный свет. На стенах я увидел две картины: одна — репродукция из календаря, Христос, несущий ягненка; другая — что меня озадачило — лиловая литография с изображением королевы Виктории. Душой здешних домиков является огонь, горящий в открытых очагах. Не знаю тепла, которое больше располагало бы к общению, было бы таким добрым и будило бы воображение. Горящий торф — почти живой собеседник. Он наполняет дом. Запах его распространяется по всему помещению, он обещает тепло и защиту заглянувшему на огонек путнику. Ваша одежда пропитывается этим запахом и спустя многие дни напоминает о гостеприимстве ирландского дома.

В домике не было ни одной книги. Я заметил лишь пригодный для чтения захватанный номер нью-йоркской воскресной газеты. Старик рассказал, что две его дочери и младший сын хорошо устроились в Штатах. Они уже давно там живут, но хотели бы приехать домой.

Мой друг постарался навести старика на разговор о прошлом. Нет в мире другого крестьянства, которому бы со времен ирландского возрождения больше бы льстили и угождали интеллектуалы, чем крестьянство Западной Ирландии. Интересно было услышать историю движения с их точки зрения.

Старик понял, что нашел отличную аудиторию, и погрузился в воспоминания. Он говорил о предсказаниях Колумкилле (Колумбы), которые, как недавно я выяснил, оказались подделкой. Он же, как и большинство крестьян, свято в них верил. Однажды, сказал он, Колумкилле вел с ярмарки через гору черную корову. Гора эта имеет форму женской груди. Возможно, мы заметили, когда шли сюда...

История оказалась неинтересной. В ней рассказывалось, что святой не попался на удочку человека, пытавшегося его обхитрить. Но отношение старика к Колумкилле показалось мне чрезвычайно любопытным. Святой умер на Айоне в 596 году, а старик говорил о нем так, словно видел его на прошлой неделе на дороге в Донегол. Колумкилле для старика был более живой и современной фигурой, чем, скажем, мистер Косгрейв. Фамильярность, с которой он говорил о святом, описывал его светлые волосы и кожу, подсказала мне, что, если бы отворилась дверь и на пороге появился бы Колумкилле, старик ничуть бы не удивился, а сказал бы: «Добро пожаловать в мой дом».

Такое отношение к святым и героям распространено на западе Ирландии. Если вы пропустите начало истории, никогда не узнаете, говорит ли крестьянин о

человеке из соседней деревни или о святом из другого мира.

Старик все говорил и говорил, время от времени переходя на гэльский и каждый раз извиняясь передо мной. Ирландские слова, как он сказал, «лучше передают смысл». Я смотрел, как разваливающийся в огне торф превращается в белый, мягкий пепел, и думал о том, что эти очаги — настоящий символ Ирландии. Над этим белым пеплом на протяжении войн и лихолетья звучал живой голос гэла, хранившего легенды и историю своего народа. Даже Елизавета, даже Кромвель не смогли загасить торфяные огни Ирландии. Пока горит торф, гэл не утратит связи с прошлым.

— Да пребудет с вами Господь! — крикнул старик, когда мы вышли на дорогу.

Мы обернулись и увидели его силуэт на фоне горящего очага. В доме его не было книг, но на кончике языка имелась целая библиотека.

Глава двенадцатая

Другая Ирландия: Белфаст и окрестности

Я въезжаю в Северную Ирландию, вижу единственный приграничный пост на Британских островах, иду по стенам Дерри, слушаю об осаде и вспоминаю Колумкилле, продолжаю путь в Антрим, исследую Белфаст, вижу горы Морн и прощаюсь с Ирландией на горе Тара.

1

Попрощавшись с Донеголом, я поехал на юг, в Северную Ирландию. Английский читатель, не знакомый с картой, удивится, как, мол, такое возможно. Но все просто.

Донегол — самое северное графство в Ирландии. Топографически оно находится в Ольстере, а не в Северной Ирландии. Это — территория Свободного государства. Когда было создано Ирландское Свободное государство, шесть из девяти графств Ольстера заявили, что скорее погибнут, чем войдут в его состав. Они решили сформировать политическое единство с собственным парламентом. Это и есть Северная Ирландия.

Вот шесть графств, которые вошли в состав Северной Ирландии: Фермана, Тирон, Лондондерри, Антрим, Даун и Арма. Три графства Ольстера под флагом Свободного государства — это Донегол, Каван и Монахан. Два последних, образующих южную

оконечность Ольстера, естественно сливаются со Свободным государством, но Донегол на севере самым неаккуратным и неудобным образом отрезан от своего родителя. Он похож на сироту или на подкидыша. На юге у него имеется маленький черный выход шириной около пяти миль (от Бандорана до Биллика), но остальная часть границы находится на востоке.

Если вы находитесь в Донеголе, то, обернувшись на юг, увидите Северную Ирландию, а если вы в Лондондерри, Тироне или Фермане, то в поисках Северной Ирландии смотрите на север! Отличная шутка для тех, кто там живет. Нелегко, должно быть, обнаружить таможенный барьер, отделяющий вас от города, с которым вы до сих пор свободно торговали.

Но до тех пор пока Свободному государству выгодно держать свои предприятия за тарифной стеной и пока Северная Ирландия отделена от Свободного государства (мне сказали, что это навсегда), этот неудобный и двойной барьер так и останется единственной границей на Британских островах.

Я подъехал к Страбану, приграничному городу Северной Ирландии, и меня остановили таможенники Свободного государства. Дружелюбно улыбнулись, когда выяснили, что я не контрабандист, после чего провели в контору — решить неприятный вопрос, встающий перед автомобилистом в Свободном государстве. Если вы въезжаете в эту страну на машине, то обязаны заплатить треть ее стоимости в качестве залога. То же самое при выезде.

Хотя автомобильные и туристские организации внесут за вас залог и в Лондоне и хотя это закон, я, признаться, нахожу сей порядок довольно утомительным.

До чего же она странная, эта северо-южная граница. На обочине в ожидании досмотра стоят пять или шесть

автомобилей. Подошел автобус. Высыпали пассажиры. Таможенники ощупали их коричневые бумажные пакеты. Я смотрел на женщин и думал: сколько же юбок они на себя надели? У нескольких пассажиров были новые ботинки. Старую обувь они оставили за забором, в Северной Ирландии!

Мне стало немного смешно. Я пересекал границы многих государств, но такого нигде не видел. Мы выезжали из одной англоязычной местности на часть территории той же самой англоязычной страны. Пусть бы уж таможенники говорили по-гэльски. В нынешней ситуации все было похоже на игру. «Давайте, поиграем в иностранцев: вы будете французом, а я — немцем».

В нескольких ярдах отсюда, на дороге я встретил чиновников из Северной Ирландии. Их отличали манеры и жизнерадостность северной провинции.

После тягостной процедуры я решил, что заслуживаю виски с содовой. Мне подали его в отеле, заставленном мрачной викторианской мебелью красного дерева. Коммивояжеры, остановившиеся в гостинице, были не менее мрачными. Некоторые из них выписывали документы на столах с загородками, чтобы конкуренты не подглядели. Другие сидели с сумками, читали газеты и ждали поезда.

— Как торговля? — спросил я у одного из них. Он показался мне менее мрачным.

— Паршиво, — ответил коммерсант.

— Когда исчезнет эта идиотская граница?

— Когда таможенный сбор Свободного государства станет шиллинг с фунта, — ответил коммивояжер.

— Вы серьезно?

— А вы как думаете?

— Я думаю, что вы пошутили.

— Я не имею привычки шутить.

— Мне вас жаль.

— Я не нуждаюсь в вашей жалости.

— Может, выпьем?

— Не возражаю.

Этот человек мне много чего порассказал. Он был жестким циником. Некоторым его высказываниям я поверил и отложил в памяти, надеясь в дальнейшем воспользоваться. Другие слова отмел как иллюзии человека, обреченного вечно колесить по земле с дурацкими товарами, которые он сам ни во что не ценил.

2

В Северной Ирландии со мной случилось странное происшествие.

Приехав несколько месяцев назад в Свободное государство, я вел себя как иностранец в чужой стране. Надеюсь, что был уважительным и внимательным. Старался понять людей. Теперь, проезжая по городам и деревням Ольстера, я осознал, что граница не столь неопределенна, как показалось поначалу. Мне почудилось, что я снова в Англии. Я увидел военные мемориалы, такие же плохие, как дома. Над железнодорожным вокзалом полоскался «Юнион Джек», всюду стояли красные почтовые ящики. Почтальоны ничем не отличались от английских коллег. Это все тривиально, но после Свободного государства, старавшегося стать как можно более ирландским, бросалось в глаза. О действиях ирландских войск во время войны на юге никто не вспоминает, о погибших не говорят, но в Ольстере каждый город и деревня гордятся военным подразделением Ольстера, и их военные памятники стоят вдоль дороги, как в Англии, Шотландии и Уэльсе. Не раз я смотрел на горы, чтобы убедиться в том, что не перенесся, как в сказке, через Ирландское море, но горы, без сомнения, были ирландскими.

В Лондондерри — или Дерри — я приехал ближе к вечеру. На невысоком холме, рядом с широкой рекой, стоял большой город. Над домами возвышался стройный шпиль собора. Далее, на некотором расстоянии, тянулись низкие горы.

В Великобритании есть всего два города — Йорк и Честер, — которые можно охватить одним взглядом. Стены Дерри, как и стены Йорка и Честера, представляют собой единое целое. Они образуют неровный параллелограмм, охватывающий Старый Дерри, но, как и во всех городах с крепостными стенами, современный Дерри разрушил древние границы и со всех сторон вылез за стены.

Какая великолепная здесь дорожка, возможно, не такая красивая, как на стенах Йорка, но, на мой взгляд, лучше чем в Честере. Стены Дерри шире стен Йорка и Честера. Их высота около двадцати пяти футов, и они замечательно сохранились.

История Дерри, как и история Ольстера, вписана в героические страницы прошлого Ирландии. Вражда кельтов и саксов из-за Реформации усилилась во времена правления Елизаветы. К национальной ненависти прибавилась религиозная. Продолжались выступления против английского правления, и каждый мятеж подавляли елизаветинские войска. Земли бунтовщиков отбирали и передавали английским «предпринимателям», или поселенцам, которые оставались жить в Ирландии и переносили сюда английские порядки. Уолтер Рэли был таким «предпринимателем», как и Эдмунд Спенсер. Рэли получил 42 000 акров конфискованной ирландской земли, а Спенсеру достался замок Килколман в графстве Корк, где с 1586 по 1590 год он писал «Королеву фей».

Последний крупный вооруженный мятеж ирландского народа начался в Ольстере в 1598 году. Его

организатором был один из самых храбрых воинов, которые когда-либо противостояли мощи Англии — Хью О'Нейл, граф Тирон. Образование он получил в Англии, при дворе Елизаветы. Этот красивый ирландец, кажется, приглянулся королеве, которая всегда примечала смазливых молодых людей. В Ирландию Хью О'Нейл вернулся вроде бы другом Англии, но на деле замыслил заговор. Он посвятил себя самому трудному из всех занятий — излечению клановых ссор. Хью навсегда покончил с ожесточенной враждой, существовавшей в его клане между О'Нейлами и О'Доннеллами, женившись на сестре Рыжего Хью О'Доннелла. Постепенно, исподтишка, он собирал кланы и обучал их современному боевому искусству. Когда жена его умерла, он сбежал с англичанкой Мейбл Бейдженал, сестрой маршала сэра Генри Бейдженала. С этого времени Хью О'Нейл сделался злейшим врагом Бейдженала.

Мятежные кланы устраивали военные конфликты, иногда одерживали победу, в другой раз терпели поражение. Испания прислала три корабля с оружием и солдатами. Английские генералы решили пойти на Ольстер тремя разными дорогами и сокрушить кланы. Однако их наступление отбили, и война продолжалась еще два года.

В августе 1598 года произошел один из мелодраматических эпизодов, столь частых в ирландской истории. В местечке под названием Йеллоу-Форд, примерно в двух милях от Армы, О'Нейл наткнулся на английскую армию, возглавляемую его непримиримым шурином, маршалом сэром Генри Бейдженалом.

Снайперы расправлялись с подходившими английскими пехотинцами. Бейдженал направил в бой тяжелую артиллерию, но О'Нейл, возможно, вспомнив Бэннокберн, заранее вырыл окопы и прикрыл их травой.

В эти окопы и ухнули всадники. Образовался жуткий клубок из искалеченных лошадей и умирающих людей. Тех, кто все же сумел преодолеть этот барьер, встретила ирландская легкая кавалерия. Бейдженал задействовал артиллерию и слегка подвинул ирландцев, но О'Нейл объявил общее наступление, и ирландская армия — кавалерия, пехота, артиллерия — рванула вперед. Это наступление можно сравнить с последней атакой шотландского ополчения при Куллодене. Битва перешла в рукопашный бой. Английские войска были сломлены и вынуждены отойти. В критический момент сражения неосторожный английский артиллерист устроил взрыв, повлекший за собой страшные последствия. Сэр Генри Бейдженал, в попытке сплотить армию, поднял забрало, и ирландский снайпер поразил его из своего мушкета. Когда англичане увидели, что их маршал упал с коня, армия дрогнула и побежала, преследуемая ирландским ополчением.

Английский генерал, двадцать три военачальника и две с половиной тысячи солдат остались лежать на поле боя. Ирландцы захватили тридцать четыре знамени, пушки, деньги и вещевые обозы противника. Их собственные потери составили двести человек убитыми и шестьсот ранеными.

Битва при Йеллоу-Форде стала самым крупным поражением англичан с тех пор, как они ступили в Ирландию. О'Нейла славил как освободителя страны. По всей Ирландии поднялись кланы, желавшие прогнать англичан с острова. Иными словами, О'Нейл устроил большой переполох.

Узнав о поражении своей армии в Ирландии, Елизавета направила туда самые большие экспедиционные войска, которые когда-либо высаживались в этой стране под командованием ее фаворита, графа Эссекса. Он привел с собой пехоту численностью 20 000 солдат и две тысячи кавалеристов.

Повел он себя исключительно глупо: заключил мир с О'Нейлом и вернулся в Англию, где его ждали позор и смерть.

Сменил его совсем другой человек, хитроумный Чарльз Блаунт, лорд Маунтджой. Он распространил среди ирландских вождей подложные письма, посеял разногласия и недоверие среди кланов и тем самым внес раскол в ряды противника. Решающее сражение произошло при Кинсейле в сентябре 1601 года.

В Кинсейле находился отряд из трех тысяч испанцев. Английская армия численностью 17 тысяч человек взяла город в осаду. Ирландские кланы под командованием О'Нейла и Рыжего Хью О'Доннелла совершили два великолепных марша на помощь испанцам. Но изменник по имени Брайан Макмахон продал план кампании англичанам за бутылку виски! Темной ночью английская армия застала ирландцев врасплох.

Хью О'Нейл продолжал вести безнадежную войну еще два года. Ни к чему хорошему она не привела. Он проиграл. В Меллифонте (графство Мит) великий вождь коленопреклоненно попросил прощения у английской королевы. Ему разрешили сохранить титул и часть земель.

Профессор Тревельян в блистательном труде «История Англии» подводит итог елизаветинской эпохи в Ирландии:

Правительство считало политику колонизации единственным средством удержания в узде аборигенов, которые из года в год проявляли все большую враждебность. Это отворило дверь легиону «джентльменов-авантюристов» и «младших сыновей» из городов и имений Англии. Елизаветинские орлы полетели в Испанию, а на Ирландию спустились американские грифы. Однако во многих случаях

оказалось, что это одна и та же птица. Среди завоевателей и эксплуататоров Ирландии были Хамфри Гилберт, Уолтер Рэли, Гренвилл с корабля «Ривендж» и благородный автор «Королевы фей». Америку и Ирландию они рассматривали как два новых поля для приложения сил, одинаково важных и привлекательных. Там создавались личные состояния, там они служили королеве и настоящей религии, направленной против папы и испанцев. Раз уж Рэли и Спенсер не разглядели у себя под носом реалий ирландской национальной и религиозной проблемы, то что спрашивать с простого англичанина! Он находился у себя дома, а потому, спустя несколько веков не имел об этом ни малейшего понятия.

Итак, в последние годы елизаветинского правления ирландская история, пребывавшая до тех пор, так сказать, в жидком состоянии, приняла форму, затвердела, да и застыла в таком виде на триста лет. Местное население проявило интерес к римской религии, которую они отождествляли с пылкой ненавистью к англичанам. С другой стороны, новые колонисты из старой англо-ирландской аристократии отождествляли протестантизм с собственным национальным господством и сохранение его почитали своим долгом Англии и Богу. С тех пор Ирландия так и осталась самой религиозной страной Британских островов.

В этих обстоятельствах кланы сделали неотъемлемой частью бедной ирландской нации. Союз, объединенный ненавистью к Англии и религиозным энтузиазмом, стал достаточно сильным, чтобы обрушить древние клановые

перегородки, и в этом помогли англичане, разрушавшие пресловутые перегородки снаружи. Удаление древнего высшего класса освободило место ирландским лендлордам. Процесс начался при Тюдорах, а закончился при Кромвелле. У крестьян не осталось лидеров, кроме священников, бывших врагами Англии.

Стены Дерри рассказывают об истории. Когда О'Нейл просил милости у Елизаветы, она была шесть дней как мертва (в Ирландии об этом не знали). Сэр Роберт Кэрри проскакал по ужасной мартовской погоде из Лондона в Эдинбург, чтобы предложить корону королю Шотландии Якову VI (и Первому английскому), злонамеренному сыну Марии, королевы Шотландии, и лорда Дарнли.

Яков решил «посадить» на севере Ирландии английских и шотландских фермеров. Первое, что для этого требовалось, — избавиться от лидеров Ольстера, О'Нейла, графа Тирона, и брата Рыжего Хью — Рори О'Доннелла, графа Тирконнела. Против них выдвинули обвинение в заговоре. Поняв, что сопротивление бесполезно, они решили бежать из Ирландии.

В сентябре в 1607 году из Ратмаллана вышел корабль и взял курс на Францию. Два графа смотрели на уходившие в море зеленые горы Донегола. Как и бесчисленные сыновья своей страны, они уезжали, чтобы выжить.

Бегство графов решило судьбу Северной Ирландии. Протестантский Ольстер родился в тот момент, когда они повернулись спиной к своей стране. О'Доннелл умер на следующий год, а О'Нейл девятью годами позже, в городе, утешавшем многие разбитые сердца, — в Риме.

Таков конец старой песни.

Яков и его министры решили, что настало время для эксперимента. Свыше трех миллионов акров земли Ольстера были объявлены собственностью короны, практически, все шесть графств Донегола — Дерри, Тирон, Ферманах, Каван и Арма.

Каждый дюйм земли, находившейся в собственности графов, был конфискован. Ирландцы считали, что эта земля на деле не являлась собственностью графов, она принадлежала вождям их кланов. Якову и его министрам до этого не было дела. Они продвигали свою схему — создавали на севере протестантскую колонию. Лорды Тайного совета обратились в городской совет Лондона с предложением, чтобы богатые городские компании приобретали землю Ольстера. Вот так покоренная территория была передана лондонским торговцам:

В стране много воды: обилие ручьев, рек; много топлива (в основном дрова, а там, где деревьев не так много, — хороший торф). Здесь есть все необходимое для существования человека, причем хватает не только себе: каждый год страна обеспечивает Лондон разнообразными продуктами — говядиной, свининой, рыбой, рожью, ячменем, горохом и бобами, так что в некоторые годы это позволяет восполнить недостаток продуктов в городе и помочь неимущим. В стране имеются все условия для развития сельского хозяйства, а также для выращивания лошадей и домашнего скота. Отсюда можно вывозить много масла, сыра, кожи и сала.

Английские овцы прекрасно почувствуют себя в Ирландии, морское побережье, состав почвы — все это пойдет им на пользу. Будет шерсть, тем более что во многих местах здесь

растут марена, хмель и вайда. В стране водится в большом количестве разное зверье: благородный олень, лисы, зайцы, белки и т. п. Конопля и лен растут здесь лучше, чем где-либо еще, а это позволит заготовить парусину, тросы и прочее для судоходства, не говоря уже о нити и холстах. Все это можно получить здесь в большем объеме, чем в любом другом месте королевства.

Материалы для строительства — лес, камень всех сортов, известняк, шиферный сланец и гонт — можно приобрести без хлопот. Земля очень хороша для изготовления кирпича и черепицы. Устье реки Дерри исключительно удобно, да и дорога из Портраша и Лоу-Суили, неподалеку от Дерри, вполне сносная. Рыбная ловля у этого побережья просто замечательна. Тут водится обычная морская рыба, особенно много сельди и миног. Каждый год после Михайлова дня [29 сентября] сюда приезжают ловить сельдь подданные Его Величества и иностранцы. В море выходит огромное количество судов...

Берег открыт для сообщения с Англией и Шотландией и товарообмена, сюда удобно подходить испанским, американским судам, а до Ньюфаундленда — рукой подать.

Получив это письмо-рекламу, лондонский Сити благоразумно направил в Ирландию четырех «серьезных и осторожных» горожан. 29 марта 1613 года было сформировано Ирландское общество. Землю разделили на двенадцать участков. Компаниям они достались по жребию.

Неудивительно, что после такого события к старинному названию Дерри прибавили префикс

«Лондон». Однако только составители карт да туристы называют его Лондондерри. Старое название победило.

Лондонцу кажется странным, когда во время прогулки по великолепным стенам Дерри какой-нибудь праздничношатающийся рассказывает ему, как кожевники или портные сделали то-то и то-то и как бакалейщики подарили эту пушку, а галантерейщики — вон ту. Старинные пушки до сих пор стоят на стенах, нацелив черные дула на невидимого врага. Сверху хорошо видны городские трубы, улицы и площади, массивные ворота. Должно быть, они похожи на исчезнувшие ворота лондонской крепостной стены. Наконец, подходишь к ветерану блокады. Старую пушку прозвали «Ревущая Мег». В свое время она наделала много шума, а прислали ее сюда лондонские торговцы рыбой!

Вот так английские торговцы построили на севере англо-шотландский бастион. Освоение земли продолжалось. Клановая страна была расколота и подвергнута переделу. Многим ирландцам, лишившимся собственности, разрешили вступить в иностранные армии. Это явление было названо «перелетом диких гусей».

С той поры возродился титул баронета. Якову I, изыскивавшему способы пополнить казну, пришла на ум счастливая идея — создать сословную группу баронетов. За титул состоятельные люди должны были в течение трех лет содержать в Ольстере тридцать солдат, выплачивая им каждый день по восемь пенсов. Мне говорили, что указ о присвоении титула баронета не отменен, так что тот, кто докажет, что он джентльмен по рождению и обладает собственностью, дающей 1000 фунтов в год дохода, теоретически сможет стать баронетом, при условии, что найдет людей, желающих служить в вооруженных силах Ольстера за восемь пенсов в день!

По иронии судьбы, на гербе ирландских баронетов — красная рука клана О'Нейл.

4

Думаю, ни у одного другого города, за исключением, пожалуй Лимерика, нет столь единого понимания своей истории, как у жителей Лондондерри. Вы и нескольких часов не пробудете в этом городе, чтобы кто-нибудь не рассказал вам о том, как были закрыты ворота Дерри.

Благодаря Маколею, это единственный эпизод ирландской истории, о котором и в Англии все слышаны. В Дерри вам снова и снова с нескрываемой гордостью расскажут о том, как тринадцать мальчиков-подмастерьев захлопнули ворота перед армией католиков, посланных Яковом II для завоевания города; об обращении Дерри к Вильгельму Оранскому; об ужасах голода и болезней, испытанных городом за сто пять дней блокады; о том, как якобитская армия устроила на реке Фойл боновое заграждение из связанных бревен, чтобы перекрыть выход в море; о том, как в августе 1689 года, на глазах голодающего гарнизона, два корабля, груженых продуктами, проломил барьер и подошли к стенам Дерри.

Это одна из самых мужественных оборон в истории блокад. Ее можно сравнить с Лимериком, правда, в случае поражения Дерри потерял бы куда больше. Осада Лимерика была вызвана старой межнациональной ссорой между ирландцами и англичанами, в то время как от победы или поражения Дерри зависело, выживет или погибнет протестантизм в Западной Европе. Впервые в своей истории Ирландия стала европейским полем битвы, и тринадцать подмастерьев Дерри захлопнули ворота перед тем, кто был для Англии опаснее Якова, — ворота закрыли перед Людовиком XIV.

Некоторые католики, кажется, поняли, что папа знал о протестантской армаде Вильгельма и одобрял его действия. Иннокентий XI призывал всех католиков оказывать сопротивление французским иезуитам и галликанской церкви, так что Вильгельм Оранский в ноябре 1688 года перед отплытием из Нидерландов принял благословение Ватикана вместе с надеждами протестантской Европы! Сходным образом Густав Адольф, боровшийся против Испании и Австрии, получил помощь от католической Франции и папы.

Мужественные защитники Дерри, должно быть, знали об ожидающих их ужасах в осажденном городе. За три дня до того, как корабли с провизией прорвали барьер на реке, один из защитников составил список оставшейся в городе еды и цен. Крыса стоила шиллинг, кошка — четыре шиллинга и шесть пенсов. Маленькую рыбку нельзя было купить ни за какие деньги. Обмен можно было совершить только за еду. Кварта лошадиной крови стоила шиллинг. В списке есть одна страшная запись:

«Четверть собаки (откормленной на поедании трупов) — пять шиллингов и шесть пенсов».

Жители Дерри отведут вас к высокой дорической колонне, воздвигнутой в память героя обороны, преподобного Джорджа Уокера, погибшего позднее в битве при Бойне. Приведут в собор и покажут могилы защитников, снаряд, перекинутый через стену с предложением сдаться, два белых и один красный флаг.

Вечером, когда на улицах полно девушек, днями шьющих рубашки и прячущих подальше кошельки (в эти трудные времена слишком много мужчин осталось без работы), все же трудно поверить, что Дерри — обыкновенный город. Куда ни взгляни, всюду видишь стену, а на ней — пушку. Память о 1688 и 1689 годах жива, и Ревущая Мег до сих пор пускает со стены дым.

Однажды вечером я поднялся на стену Дерри и посмотрел сверху на городские трубы. Я долго стоял там, думая о далеком времени в истории Ирландии, когда по всей Европе погасли светочи веры и знаний. Свет остался только в Ирландии. Как писал Г. Честертон:

Мир погиб в начале времен,
Как ветром с востока задуло.
Пал Рим под натиском варварских орд,
И солнце в море тонуло.

Солнце цезарей пало с небес,
Его искали вотще,
И всюду слышался плач да стон
И безжалостный лязг мечей.

Пришла гибель в привычный мир,
Все запылало вокруг,
И те дороги, что в Рим вели
Со всех уголков и концов земли,
Покрылись кровью сам-друг...

И встали длинные корабли
У наших тогда берегов.
В огне, рассеявшем завесь тьмы,
Рогатые шлемы увидели мы
На головах чужаков.

Могучие падали в битвах вожди,
Летела с плеч голова.
Поистине страшные выпали дни:
Все города захватили они,
Кресты порубив на дрова.

В то время, когда орды варваров перемещались по Европе и, словно хищники, набрасывались на труп Рима, маленький остров на Западе жил в золотом веке. На римских мостовых по всей Англии росла сорная трава. На лондонской крепостной стене вымахали крапива и куманика. Возле Лондона отряды диких саксов трубили в горны, но ответа не было. Римский Лондон умер.

Варварская конница вандалов и гуннов разлетелась по четырем сторонам света. Не слышалось в Европе иных звуков, кроме свиста мечей и смертельного стога гибнущей цивилизации.

Большая армия ирландских святых отправилась в Европу с намерением оживить веру. Столетие за столетием отплывали они на рассвете или на закате солнца, несли людям слово Христа. Святой Фридолин, «путешественник», переплыл Рейн и построил церковь на острове Зекинген; святой Киллиан обратил в веру Гоцберта, герцога Вюрцберга; святой Колумбан из Боббио прошел через Бургундию с двенадцатью другими ирландскими монахами и основал монастыри Люксейль и Фонтен; монах святой Галл перешел через Альпы в Швейцарию и основал монастырь, который носит сейчас его имя (Санкт-Галлен). Святой Молаисси из Лайлина добрался до Рима, где учился в течение четырнадцати лет. Святой Ферса, уроженец Южного Мунстера, приехал во Францию и недалеко от Парижа основал монастырь Ланьи. Святой Бит из Монастербойса приехал в Италию и долгие годы там учился. Вергилий, аббат Агабо, обошел всю Францию и сделался епископом Зальцбурга.

Был также святой КATALЬД, получивший образование в Лисморе и ставший потом епископом Тарента. Следует упомянуть и Иоанна Дунса Скота Эриугену, специалиста по греческой философии, преподававшего при дворе Карла Смелого. Был также святой Фиакр. Он умер во Франции в городе Бри. Популярное транспортное

средство на конной тяге — фиакр — назвали его именем. Пилигримы ездили в нем на могилу святого.

На стенах Дерри вспоминается и наиболее известный из ирландских святых — Колумкилле, «голубь церкви», в 546 году основавший здесь монастырь. Похоже, на горе над рекой Фойл не было ничего, кроме дубовой рощи. Слово «Дерри» означает «дуб» или «дубовая роща». Мы можем вообразить себе молодого святого (тогда ему было двадцать пять лет), строящего маленькую часовенку из лозняка и дубовых ветвей, а в конце дня слушающего, как шумит в деревьях ветер. Много лет спустя, вдали от родины, он вспоминал Дерри. Однажды он написал, что на лужайках Дерри пели ангелы, и у каждого листочка был свой ангел.

Даже святой Патрик не столь любим простыми ирландцами, как Колумкилле. В деревнях он и поныне столь же жив и реален, как тысячу триста лет назад. Каждый век рассказывал о нем что-то свое. Память о нем можно уподобить ковру, в который каждое столетие добавляло новый узор, поэтому Колумкилле и кажется таким живым. Думаю, многие сельские люди ничуть не удивятся, если встретят его на дороге.

Родился он в Гартане (графство Донегол) в 521 году. В его жилах текла королевская кровь. Он принадлежал к роду Уи Нейлов, потомков Ниала Девяти Заложников. На зеленых горах Донегола, возле маленького озерца, есть камень, на котором он будто бы лежал. Говорят, тот, кто поспит на этом камне, будет избавлен от мук ностальгии. Много паломничеств накануне ссылки было совершено к этому камню и мужчинами, и женщинами.

Настоящее его имя было Кримфан, но дети, с которыми он играл, видя его преданность церкви, прозвали его «Колум Килле» — «голубь церкви».

Образование ребенка, такого как Колумкилле, ярче чем что-либо, иллюстрирует культуру государства

шестого века, сумевшего пережить падение западной цивилизации.

Колумкилле отправили в школу святого Финниана. Этот святой тоже был королевской крови и семь лет учился в Риме. Затем Колумкилле прошел курс обучения в школе поэтического мастерства у древнего поэта Геммана, который, должно быть, познакомил мальчика с друидическим фольклором Ирландии. После Колумкилле учился на острове Аранмор, в школе, основанной святым Эндой. Затем поступил в знаменитую школу Клонарда в Бойне, где святой Финниан обучал три тысячи студентов из всех уголков Европы. Последней школой Колумкилле была Моби в Гласневине, неподалеку от Дублина. Из-за чумы, поразившей Ирландию в 544 году, школа прекратила работу.

За замечательной системой образования, дававшей богатство знаний, проглядывает мощное и упорядоченное государство. Когда осознаешь, что Англия в эти годы жила в смутном легендарном времени короля Артура, не устаешь поражаться загадке истории: почему ирландцы не вторглись в Англию и не покорили ее после ухода римлян?

Во избежание чумы Колумкилле удалился в Ольстер, где его могущественный родственник, член королевской семьи, подарил ему дубовую рощу Дерри. Там Колумба создал свой первый монастырь. В следующие пятнадцать лет своей жизни он основал монастыри в Келлсе, на острове Тори, в Ламбее, неподалеку от Дублина, и в Дурроу.

Новый монастырь в Дурроу открыл дорогу христианству в Шотландию и на север Англии. Произошло это следующим образом. Старый учитель Колумкилле, святой Финниан Мовильский, вернулся из своего второго путешествия в Рим с редким манускриптом, возможно, первым латинским переводом Библии блаженного Иеронима (Вульгатой). Святой

Финниан, как истинный библиофил, ценил свою рукопись столь высоко, что никому не давал снимать с нее копию. Он хотел быть единственным ее владельцем. Если бы Колумкилле немного подождал, можно не сомневаться, что библиофильский энтузиазм был бы умерен великодушием. Но Колумкилле не мог ждать. Ему нужна была копия рукописи для нового монастыря. Поэтому он взял книгу на время и тайно скопировал ее, работая по ночам при свете лампы. Узнав об этом, Финниан пришел в ярость и обратился к верховному королю Тары: так сказать, выдвинул иск о нарушении авторского права. Король решил вопрос в пользу Финниана на том основании, что каждой корове должен принадлежать свой теленок, а следовательно, и у каждой книги имеется собственное дитя — ее копия. Колумкилле тоже разгневался: у него, как и у святого Патрика, был пылкий нрав.

Еще одно событие осложнило дела и ускорило отъезд Колумкилле из Ирландии. Во время празднества в Таре сын короля Коннахта вышел из себя и убил другого юношу. Тем самым он нарушил мирный договор, заключенный в тот год. Убийца бежал в Ольстер и был помещен под покровительство Колумкилле. Верховный король схватил юношу и, несмотря на протесты Колумкилле, предал смерти. Святой снова разгневался и поднял свой клан против верховного короля. Произошло ожесточенное сражение, в ходе которого погибли 3000 человек.

Согласно легенде, Колумкилле обрек себя за эту битву на покаяние и покинул Ирландию. Он хотел найти уединенное место и более не возвращаться на родную землю. Однако разумнее было бы предположить, что его одолевал миссионерский пыл. Через два года после сражения при Кул-Древне святой отплыл на корабле вместе с несколькими товарищами, чтобы нести слово

Божие в другие земли. Покидая родину, он прислушался к крикам чаек на Фойле, повернулся к монахам и сказал:

«Эти крики будут звучать в моих ушах до самой смерти».

Они приплыли к островку Айона, лежащему в ярко-голубых водах против красных гранитных скал Малла.

— Нужно, чтобы корни наши проросли в эту землю, — сказал Колумкилле.

И они навечно вросли в эту землю. Учение Христа пошло по Шотландии с Айоны через остров Линдисфарн у Нортумберлендского побережья. Христианство пришло в Англию из Ирландии.

Колумкилле умер перед алтарем своей церкви в возрасте семидесяти пяти лет в 596 году. В следующем году к южному побережью Англии причалило судно с сорока монахами во главе со святым Августином. Их послал папа Григорий Великий, чтобы обратить Британию в христианство. Но на севере к тому времени более тридцати лет горел Свет, пришедший из Ирландии.

Со стены Дерри я сошел после наступления сумерек. На горе не осталось и следа от бывшей здесь некогда дубовой рощи. Но ветерок с реки Фойл и крик чаек нет-нет да и напомнят о судне, ушедшем из Ирландии, и кажется, снова слышишь слова святого, проникнутые болью разлуки:

«Эти крики будут звучать в моих ушах до самой смерти».

День был солнечный и теплый. С реки Фойл дул свежий ветер. Дерри я покинул с сожалением, потому что редко, за исключением Шотландии, встречал я

страну, где живет так много добрых людей. Я ехал по местности, столь же красивой, как и все в Ирландии: культурный ландшафт, на котором человек оставил свой след. В полях колосились злаки. Аккуратные домики стояли на некотором расстоянии от дороги. Мир в Ольстере делал пейзаж счастливым. К сельскому хозяйству здесь относятся с душой.

Какой разнообразный пейзаж по дороге из Дерри в Магиллиган! Здесь и скалы, спускающиеся в соленые морские воды, и чудесные тропинки в полях, как в Девоне или Сомерсете. Колосающиеся поля ничуть не уступают Норфолку, а луга такие же зеленые, как в Йоркшире. Над широкими, спокойными водами Фойла поднимаются синие на солнце горы Донегола. Над их вершинами плывут облака. Такие пейзажи нельзя не писать, и такую страну нельзя не любить!

Великолепны яркие плотные пески Магиллигана. Я обожаю пески. Думаю, что бегать босиком по твердому песку или скакать на лошади по краю моря — два самых восхитительных физических удовольствия. Я смотрел на пески Магиллигана. Смотрел туда, где берег Дерри утыкается острым носом в Донегол. Любовался горами, прекрасными водами Фойла и обещал себе, что непременно вернусь сюда и ничего не стану делать, улягусь и буду лежать в старой одежде и старой ирландской шляпе...

Я переехал через реку Банн и оказался в городе Портраш. Он построен на мысе, на три четверти своей длины вгрызающемся в Атлантический океан, а потому заслужил славу естественного природного курорта. Люди здесь играют в гольф, принимают ванны, плавают, танцуют и участвуют в других утомительных процедурах летнего отдыха. Портраш навсегда останется в моей памяти: здесь я увидел один из лучших закатов из тех, что мне повезло увидеть в других странах мира.

Я стоял на мысу. Садилось солнце. По небу плыло несколько облаков. Они загорелись, вспыхнули ярко-красным огнем, потом чуть выцвели, потемнели, сделались серовато-коричневыми. Далеко на западе я видел голубоватые горы Донегола. Оглянулся на север — там были западные острова Шотландии, Айлей и Джура, а к югу от них проступала неясная линия мыса Кинтайр. Великолепное зрелище! Море набегало на песок длинными ленивыми полукружьями, свет постепенно мерк, море засеребрилось, пески посерели, в небе дрожала вечерняя зарница. Донегол скрылся в дымке. Шотландию накрыл туман, и на небо выкатилась первая звезда.

7

Данлус — необычный замок. Он стоит над морем на высокой скале. К сожалению, рядом с ним находится «дорога великанов», поэтому замок чаще всего осматривают с расстояния. Люди пошли бы сюда если бы он не находился рядом со знаменитым местом.

Должен признаться, мне самому не терпелось увидеть «дорогу великанов», поэтому я лишь позволил себе осмотреть Данлус в полевой бинокль. В результате я решил, что замок почти так же разрушен, как и Тинтагель, а выглядит внушительно только потому, что строители воздвигли его на очень мрачной горе. У замка есть башня, в которой плакала баньши. Думаю, в наше время ее больше не слышат.

«Дорога великанов», словно знаменитая актриса, — довольно странное зрелище, встречающееся в реальной жизни. Я знаю о ней с самого раннего возраста. В детстве мы видели ее на обрамленных фотографиях в вагонах поезда, когда ехали на каникулы. Многие получали открытки с ее изображением. В более позднем

возрасте, вынужденные останавливаться в том или другом отеле, принадлежащем железнодорожной компании, мы снова встречали увеличенное изображение этой достопримечательности в бильярдной или курительной комнате. Вместе с камнем Бларни ирландская «дорога великанов» знакома поголовно всем.

Итак, я смотрел на знаменитое чудо природы, разумеется, без всякого удивления, однако с некоторым облегчением: оказалось, оно существует на самом деле. Я чувствовал себя, как восторженная девица, прибежавшая домой с новостью: «Я видела Глэдис Купер, и она точно такая, как на открытках!»

Некоторые литераторы признаются, что испытали разочарование: эта «дорога» оказалась не такой внушительной, какой они предполагали ее увидеть по фотографиям. Я не могу с ними согласиться. «Дорога» произвела на меня большее впечатление, чем я ожидал, несмотря на то, что ее вид мне знаком с младенчества.

Есть нечто невыразимо грозное в миллионах столбов, выпроставшихся из моря. Вся картина явлена в цвете металла. Никогда не видел, чтобы камни так напоминали стальные граненые колонны. У «дороги» странно современный вид! Кажется, здесь поупражнялись архитекторы их числа тех, что оформляют новые парижские витрины.

Здесь, разумеется, есть гиды, но очень не похожие на гидов Килларни. Гид из Ольстера — более серьезный и информированный человек. Гиды Килларни — поэты, а здешние гиды — геологи-любители.

— У меня здесь побывала британская делегация, так среди них не было двух одинаковых мнений, — сказал гид. — Даже американцы, у которых, возможно, есть чудеса и побольше, и получше, спасовали перед «дорогой»... Нашу «дорогу» можно причислить к семи

чудесам света. Я до сих пор в этом уверен, хотя вижу ее с детства...

Затем гид отвел меня к трем участкам геологического чуда: маленькой, средней и большой «дорогам». Он с жаром рассказывал, как остывала базальтовая лава, сжималась и обретала колоннообразную форму. Гид оказался замечательным лектором. Спросил, не хочу ли я увидеть простую иллюстрацию этого явления. Надо только бросить в сосуд крахмал и посмотреть, как он остынет!

Энтузиазм, который местные жители проявляют в отношении своей «дороги», хорошо бы направить в иные сферы науки. Университетский диплом им был бы обеспечен. Воображение, конечно же, работает у местных не хуже, чем в случае с озерами Килларни.

Больше всего в «дороге» поражает математическая точность. Все колонны здесь обособлены, но стоят так близко одна к другой, что между ними и ножа не просунешь. Большинство из них шестигранные, но есть и такие, у которых по пять или по семь граней. Говорят, что здесь только три девятигранных колонны среди всех сорока тысяч, формирующих «дорогу». Среди них есть всего одна трехгранная колонна. На малой «дороге» гид показал мне восьмигранник, пятигранник, шестигранник и семигранник. Затем посадил меня в «кресло», на котором можно загадать желание. Десятифутовые колонны поднимаются к маленькой платформе, образующей естественное сидение со спинкой и подлокотниками.

На «дороге» есть чудесное образование, состоящее из пяти правильных пятигранников, окружающих семигранник. Его называют «веером дамы». Есть здесь и «замковый камень».

Хотя «дорога великанов», запечатленная на множестве фотографий, стала для нас тривиальным явлением, все же человеку, приезжающему в Ирландию,

не следует ею пренебрегать. Я был приятно поражен тем, что смотрел на нее как на чудо, хотя впервые увидел ее в шестилетнем возрасте на фотографии в вагоне поезда.

И еще одно воспоминание я унесу с собой с этого места. Я увидел бухту, впоследствии названную Порт-на-Спания, потому что шторм принес сюда испанскую Армаду. Погибли много людей. Какое страшное место для кораблекрушения! Я представил себе, как безжалостный ветер бросает корабль на острые скалы, сверху на него обрушиваются волны, и впереди нет ничего, кроме «дороги великанов».

В этом ужасном месте адмирал Алонсо де Лейя и его экипаж нашли свою смерть.

8

Дорога вдоль побережья от «дороги великанов» до Белфаста выше всяких похвал. В яркий солнечный день она, на мой взгляд, лучше дороги Корниш, что на юге Франции.

На всем пути справа от тебя горы, слева — синее море; в ясный день можно увидеть Шотландию. В некоторых местах до нее каких-то двенадцать миль. Я увидел Айлей и холмы Джуры, которые ни с какими другими не спутаешь; за низким мысом Кинтайр проглядывала вершина Гоутфелла, самой высокой горы на острове Арран.

Не знаю на Британских островах другой дороги, где на расстоянии восьмидесяти миль можно увидеть столь разнообразную и чарующую красоту. Здесь есть высокие, как горы, холмы, низины и плато, лесные долины и водопады, медленные реки и волшебные леса, обширные пастбища, неожиданные участки коричневого ирландского болота и море, которое можно увидеть или

услышать. Море с грохотом обрушивалось на скалы, либо лениво набегало на желтый песок.

Неподалеку от «дороги великанов» возле Баллинтоя, дорога ведет к пропасти. Через нее переброшен опасный мост. Он представляет собой две параллельные веревки с поперечинами, а поверх поперечин — доски. Имеются и веревочные перила, раскачивающиеся на ветру, да и весь мост качается. Внизу, на глубине сто футов, острые камни.

По этому мосту ходят рыбаки. Они работают в лососевом питомнике у подножия скалы. Я видел, как один из них легко бежал по ужасному мосту с ящиком рыбы на плечах! С противоположной стороны, в нескольких милях от берега, есть удивительный островок Ратлин. Именно там Роберт Брюс, прятаясь в пещере, наблюдал за пауком, который изо дня в день настойчиво плел паутину.

Через городок Балликасл я проехал в Кушенден, божественное место на берегу моря, а затем взял курс на юг, к Кушендоллу. Вся красота природы уместилась в двух милях плато Антрима. Два ручья весело поют, сбегая по скалам. Деревья образуют зеленый шатер. Дикая цветы, шелест листьев, рев водопада, зеленые и коричневые горы и море на востоке. Это одно из счастливых мест, которое не забудешь.

Я сидел, слушал симфонию природы, а потом вынул книгу, которую каждый человек, едущий в Антрим, обязан держать у себя в кармане: «Песни долин Антрима». Написала ее сладкозвучная поэтесса Мойра О'Нейл. Многие ее стихи известны уроженцам Ольстера, где бы те ни жили, однако их не слишком часто цитируют.

Наиболее известно ее стихотворение «Корримила». Это, как я полагаю, название маленького местечка возле Кушендена. Я могу представить, что чувствует уроженец Ольстера, когда читает стихи Мойры О'Нейл в

какой-нибудь отдаленной и неприветливой стране. Мне нравится это стихотворение, потому что в нем слышится истинная тоска по родине, такая же острая, как у англичанина или канадца...

А дорога все бежала от одного прекрасного вида к другому, миля за милей, ее сопровождали сияющие за морем голубые шотландские горы. Затем она свернула на юг, к Белфасту. Не было ни трамваев, ни фабрик, ни велосипедистов, ни кораблей. Я подъехал к столице Северной Ирландии.

9

Белфаст — большой, современный город с населением 384 000 человек. Он даже больше, чем Глазго. Таким его сделала промышленная революция, торговля и расширение империи. Как и все современные города, он является красноречивым свидетельством бывшего превосходства Великобритании над остальным миром в гонке за техническим прогрессом. Те времена прошли, и мир догнал нас, отсюда и нынешние неприятности на верфях Клайда и Белфаста.

Белфасту далеко до красивого Дублина. Если провести сравнение с Шотландией, то Белфаст можно уподобить Глазго, а Дублин — Эдинбургу. У Дублина красота и традиции, у Белфаста — сила и амбиции. У Дублина женская природа, у Белфаста — мужская. Если бы можно было их поженить, то от такого союза произрос бы великий и гармоничный народ. Однако мужчина довольно робок, он боится потерять свою независимость. Боится женщин. Он думает, что она начнет транжирить и втянет его в ненужные расходы. К тому же у нее может проявиться религиозная мания. По вышеперечисленным причинам он и решил остаться богатым холостяком, впрочем... надолго ли?

Первое впечатление — Белфаст больше других городов напоминает Глазго. Возможно, это потому, что в речи горожан звучит картавое «р». Трамваи здесь раскрашены, как в Глазго, в цвета неаполитанского мороженого. Обращает на себя внимание главное здание — большой ренессансный дворец; это муниципалитет. Он тоже похож на ратушу Глазго. Отличие в том, что здесь вместо колокольни купол, имеющий некоторое сходство с куполом собора Святого Павла.

Город — олицетворение энергии, сделавшей Ольстер прогрессивной провинцией Ирландии. В Белфасте нет и следа кельтских сумерек. Дело, которое сформировало город, ментально и физически связано с Глазго, Манчестером и Ливерпулем. Белфаст является одной из самых больших промышленных столиц нашего времени.

Еще одно занятие мужчин из Белфаста связывает их город с Глазго. Глазго создал себе Клайд. Эта река представляет собой ручей, такой узкий, что большие современные суда заходят туда бочком. Реку расширили и углубили. Углубляют ее каждый день. Белфаст тоже упрямо встал на болоте. Сент-Джон Эрвин так написал о родном городе:

Когда приезжий выносит свое суждение о Белфасте, надо помнить, что город вырос быстро, и появился недавно. За восемьдесят лет население увеличилось в семь раз. Около половины города построено в последние тридцать пять лет, и строили его мужчины, инстинкт первопроходца которых был развит сильнее, чем у других людей. Центральная часть города стоит на болоте. Под одной из главных улиц течет река. Земля под площадью Донегол такая водянистая, что, прежде чем строить магазины, пришлось вбивать сваи. От одного

удара бабки тяжелое бревно исчезало в рыхлой земле. На этой грязи и воде прадеды нашего поколения и построили Белфаст. Они пришли из своих лачуг и ферм, физически сильные, исполненные решимости и веры, и работали на не подающей надежд земле. Быстро, не тратя времени на планирование, построили город. Ольстер — маленькое место на маленьком острове, однако он сыграл огромную роль в создании Британской империи и Соединенных Штатов. Новаторский и несгибаемый дух вступил в бой с болотистой почвой устья Лагана, создал на ней преуспевающий город и обратился к новым свершениям.

Все в Белфасте крупных размеров. К городу применимы любые клише: «индустриальный муравейник»; трубы, «высящиеся над городом», «заводы-гиганты». С фабрик «сплошным потоком выливаются» рабочие. В доках, будем надеяться, скоро «закипит работа». Город, однако, совершенно понятен, в нем нет загадки. Он серьезен, словно играющий ребенок.

Дублин, напротив, весел, как женщина среднего возраста. Миссис Дублин не признает никаких условностей, а мистер Белфаст весь из них состоит. Если вы понравитесь миссис Дублин, она с визгливым смехом пригласит вас к себе на обед и потреплет по щеке. И вы отобедаете в ее доме, а возможно, и проведете ночь (разумеется, вполне невинно). Если мистер Белфаст пригласит вас — нет, не на обед, а на ланч, — то приведет в довольно мрачный клуб. Здесь он торжественно представит вас друзьям, и все будут говорить о работе. В Дублине это единственная тема, о которой даже не вспоминают.

Но мужчина Белфаста — тут вы встречаете именно мужчин, а не женщин, как в Дублине, — обладает всеми достоинствами, вытекающими из недостатков. Прежде всего, он человек предсказуемый, решительный и положительный. Он никогда не воткнет вам нож в спину и не забудет вас, едва вы выйдете из комнаты. Похвалу он всегда предпочтет осуждению. В нем нет коварства. Если вы ему понравитесь, то станете его другом. Если не понравитесь, он скажет об этом, и вашим отношениям наступит конец. Он резок, прям, а иногда и немного груб. Преданность короне и полукроне — еще одна важная черта его характера. Он наслаждается властью. Любит действовать. Не мудрствуя лукаво, гордится материальными достижениями. Он не шотландец, как думают о нем многие люди. Он ирландец-кальвинист. Самые главные его достоинства — честность и надежность. Он никогда вас не предаст...

Милая миссис Дублин, ну чем вам не муж?!

10

Некоторые заявляют, что у Белфаста нет истории.

В восемнадцатом веке город (с населением примерно 15 000 человек) сделался центром национальных устремлений и завоевал для Ирландии политическую независимость, похожую на ту, что имеет сейчас Свободное государство.

Это было время, когда в результате американской войны за независимость на Британские острова высадились пираты, главным из которых был сын шотландского садовода, знаменитый Пол Джонс. Боялись здесь и французского нашествия. Симпатии Ольстера были на стороне американских колонистов. Разве они не страдают от той же несправедливости?

20 апреля 1778 года из Каррикфергуса вышел корабль, замаскированный под торговое судно. Это был «Скиталец» под командованием Пола Джонса. На борт корабля взошли рыбаки со смэка. Узнав, что они лоцманы, Джонс их задержал. Они сказали, что корабль, стоящий в Белфасте, — «Дрейк», британский фрегат, оснащенный двадцатью пушками. Пол Джонс тут же спланировал нападение, которое должно было потрясти всю Британию и привести Ирландию к временной независимости.

Джонс любил писать пространные тексты, а потому оставил детальное описание боя. Он планировал подобраться к фрегату под видом безобидного торгового судна, перерезать якорные канаты и, ударив в нос фрегата, поджечь палубы. Однако все пошло наперекосяк. Поднялся шторм, и Джонсу пришлось уйти, после чего он совершил отчаянный исторический рейд на Уайтхевен. В этом порту он сжег все корабли и через несколько часов высадился на острове Святой Марии со странной идеей — захватить безобидного графа Селкирка. Утром 24-го он снова был возле Каррикфергуса и увидел, что «Дрейк» выходит из Белфаста. Новость о его дикой эскападе в Уайтхевене, как он догадывался, дошла до Белфаста, и «Дрейку» было приказано его отыскать.

«Дрейк» и в самом деле отправился на разведку. Когда офицер перешел на борт пиратского судна, его тут же арестовали. Британский фрегат сопровождало пять суденышек с жителями Белфаста: им хотелось увидеть морское сражение. При сближении судов с обеих сторон канала раздались предупредительные выстрелы, и, по словам Пола Джонса, зеваки «благообразно ретировались».

«Дрейк» поднял «Юнион Джек» и двинулся вперед. Над «Скитальцем» появились «Звезды». (Впервые в британских водах взвился американский флаг.) Через

несколько мгновений со «Скитальца» грянул выстрел и поразил «Дрейк». Два корабля сошлись в жаркой схватке и бились более часа. Наконец «Дрейк» запросил пощады. Его грот и фок-рей были срезаны, а стены и бизань свисали с мачт. Сбитый выстрелом флаг плавал в воде. Корпус был пробит.

Такой была первая морская победа Америки в открытом бою, причем на глазах тысяч жителей Белфаста. И что бы ни говорили о морали и поведении Пола Джонса, никто не станет отрицать, что его военное искусство было выше всяких похвал.

Это событие и набеги на Шотландию вызвали в Британии тревогу сродни той, что тридцать лет спустя охватила страну, опасавшуюся нашествия Наполеона. Тревога, разумеется, была вызвана договором, который заключили между собой Франция и Америка. Пол Джонс выступил предвестником войны. В Англии выросли лагеря народного ополчения. «Повсюду лагеря, — писал Хорас Уолпол, — и дамы надели форму мужей. Весь мир либо политики, либо солдаты, либо то и другое. Слуги днями напролет учатся стрелять».

Ирландцы — протестанты и католики — заявили, что, поскольку в случае войны Англия защитит их не сможет, пусть им разрешат сформировать ополчение, наподобие того, что создано в Англии. Тут же политики завели старую песню об английских трудностях и ирландском оппортунизме. Белфаст взял инициативу в свои руки. За год призвали на военную службу сорок тысяч мужчин, выдали им форму и оружие. Командирами стали известные люди того времени: полковники Генри Граттан и Генри Флад. Граттан, в возрасте двадцати девяти лет представлявший в британском парламенте Шарлемонт, был лидером патриотической партии. По всей Ирландии распространилось волонтерское движение. Граттан обладал огромным влиянием, поскольку за ним стояла

вооруженная страна. Он добивался снятия ограничений с ирландской торговли и отмены суровых законов, направленных против католиков. (Сам Граттан был протестантом.) Ему удалось добиться свободы для ирландского экспорта, и в 1782 году некоторые законы были отменены. После Граттан боролся за независимость парламента от британской короны. 16 мая 1782 года Ирландия почувствовала себя счастливой: она получила независимость, добилась собственного правления. В Дублине сформировали ирландский парламент.

В последующие годы в стране появился еще один великий ирландец. Это был Уолф Тон, основатель движения «Объединенные ирландцы». Целью движения являлось благосостояние Ирландии. В него влились и католики, и протестанты. Движение не получило законных прав и превратилось в большое тайное общество, способное на мятеж.

Через несколько лет Ирландия снова ввязалась в войну с Англией. Эти ужасные годы отмечены кровопролитием. Отважные, заблудшие и злобные люди внесли свой вклад в горести Ирландии. В 1800 году ирландский парламент слушал бесстрашный голос Граттана, пятидесятилетнего инвалида. Он не мог стоять, а потому сидел в кресле. На нем была вылинявшая, синяя с красным форма старых волонтеров. Он умолял своих товарищей-ирландцев не отказываться от политической независимости и не поддерживать акт об унии. Его не послушали: акт стал законом. Больше века прошло, прежде чем Ирландия смогла воспользоваться подвернувшейся возможностью. Нигде, кроме Ирландии, история не повторялась со столь упорным постоянством. Акт об унии был отменен, и над островом поднялся флаг Свободного государства.

Житель Ольстера менее понятен Англии, чем даже южный ирландец. Нередко слышишь, что его называют «ольстерским шотландцем». На его месте я бы взбесился. Это двусмысленно и неверно. Англичанин, поселившийся в Канаде и проживший там двадцать лет, становится канадцем, а в Австралии — австралийцем. В Новой Зеландии та же история. Почему же в Ольстере к человеку приклеивают объяснительный ярлычок? Если три столетия жизни в Ирландии не делают человека ирландцем, то хотелось бы знать: почему?

В войне принимали участие 75 000 жителей Ольстера. Боролись они не за Англию и не за Шотландию, а за свою территорию в Ирландии.

У северных ирландцев удивительный диалект. Много шотландских слов, но не меньше и ирландских. Думаю, Бернс легче бы понял речь жителя Ольстера, чем современного человека из Дамфриса. На севере, как и на юге, часто встречается произношение, которое расценивается писателями как неграмотное и вульгарное, однако на деле это интересные реликвии елизаветинского произношения.

Ольстер может похвастаться многими елизаветинскими словами и фразами. Мистер Джеймс Логан в популярной книге «Ольстер в рентгеновских лучах» приводит интересную главу, посвященную лексике Ольстера. Хорошее слово «skunner», оно означает «отвращение»: «Bad eggs gie onybody the skunner» — «Тухлые яйца внушают отвращение». «Pushin hame» означает «идти домой». «The win's in a guid airt» — чисто шотландское выражение, так же, как и «Houl' yer wheesht»!

Мне нравятся некоторые звукоподражательные ольстерские слова: *scrunchin* — гравий; *youghin* —

собака, *yammering* — ребенок. Как и шотландцы, ольстерцы часто употребляют слово *ye* — «ты». А еще они используют слово «*man*» по отношению к женщине: «*Man a dear, Liza*».

Но, как отмечает мистер Логан, многие ольстерские слова гэльского происхождения, например, *caelie* (произносится «кэйли»). Оно означает «собрание» и происходит от ирландского слова *ceilide*.

Ольстер — сокровищница для студента-филолога. Елизаветинские поселенцы, изолированные от изменений в английской речи, сохранили целый глоссарий из слов, которые, возможно, используются в первоначальной чистоте и смысла и произношения шекспировского века.

12

Есть два факта, которые более всего поражают в Белфасте приезжего. Ну разве не странно, что один из самых больших портов Британских островов обслуживает территорию меньше, чем Йоркшир? На невысоком холме, по дороге в Дандоналд, в нескольких милях от Белфаста, стоит огромный белый дворец, построенный из портлендского камня. Это — новый парламент Северной Ирландии. В один прекрасный день Вестминстер согласился отдать Ольстеру огромное здание, в котором заседают пятьдесят два члена парламента и двадцать шесть сенаторов. Это обошлось в 850 тысяч фунтов.

Здание еще не достроено. Оно стоит на террасе и напоминает Букингемский дворец-переросток. Неподалеку находится замок Стормонт, официальная резиденция премьер-министра.

— Что вы собираетесь делать с этим местом, когда Ирландия станет единой страной? — спросил я жителя

Белфаста, который взялся показать мне здание.

— Мы никогда не объединимся с югом, — возмутился он. — Скорее умрем.

— Вот как? А если Свободное государство станет процветающей сельскохозяйственной страной, не имеющей долгов, и с налогом шиллинг с фунта? Сможете ли вы остаться в стороне?

— Наше будущее не связано с югом. Все, чего мы хотим от юга, — это бекон из Лимерика и портер из Дублина...

— Но Свободному государству может понадобиться Ольстер. Справедливо ли, что промышленный север будет оставаться автономным?

— Неужели мы позволим католикам управлять нами?! — вскипел мой собеседник.

Я хотел узнать мнение делового человека, а обнаружил непримиримого Джона Нокса. Религиозная вражда и вполнину не такая горькая, какой она представляется читателю газет.

13

Я посетил полотняную фабрику в Белфасте. Менеджер сидел за столом с пулевыми отверстиями — напоминанием об ольстерской «заварушке».

— Всегда рад показать все без утайки, — сказал он. — Пусть посетители посмотрят на погребальный обряд нашей индустрии.

Такого депрессивного начала разговора у меня еще не было. Менеджер рассказал, что льняное производство Белфаста сильно подорвано. Виной тому послевоенная мировая депрессия и то, что бельгийские льняные фабрики сбывают в Великобританию свой товар по демпинговым ценам. Мы прошли по великолепно оснащенной фабрике. Я увидел цеха, в которых под

белыми простынями молча стояли самые современные ткацкие станки. В других цехах девушки работали за шумными, резвыми и завораживающими механическими станками. Меня провели в цех, где над станками, ткущими дамаск, танцевали джигу перфорированные карты. Здесь делали что-то очень дорогое для Америки.

Поговорили о войне. В 1914 году в Белфасте трудились 90 000 рабочих и 37 000 ткацких станков. Граф Хейг высоко отозвался о Белфасте. Он сказал, что «победу в воздухе одержали льняные крылья Белфаста».

Послевоенные трудности сродни тем, что испытывала льняная промышленность в 1816 году после наполеоновских войн. Лен тогда убрали с рынка в пользу более дешевых заменителей. Но в те времена торговлей льном руководили не заводы и фабрики. Сельские жители занимались производством льна у себя на ручных станках. Отсутствие рынка вызвало ужасные трудности.

Затем пришла паровая энергия. В 1828 году завод Белфаста вновь открылся после пожара и стал использовать пар для производства. Льняная промышленность начала новую триумфальную жизнь.

Я провел счастливый день в новом музее Белфаста. Размещен он очень удачно — на краю ботанического сада. Небольшая коллекция прекрасно скомпонована и отлично представлена. Человек не теряется в массе предметов, которые старые музеи предлагают посетителям только потому, что не решаются отправить их в подвал.

Здесь я увидел собрание пейзажей Белфаста, выполненных художником Фрэнком Маккелви. Через полсотни лет меняющийся город будет считать эти работы бесценными. Сэр Джон Лэвери, житель

Белфаста, целый зал отдал этим картинам, представленным во всем разнообразии.

В музее хранятся удивительные кельтские реликвии, извлеченные недавно из руин на острове Мэг. Есть здесь также превосходные копии святилища Патрика, креста монастыря Монастербойс, броши Тары и Ардагского потира.

Загадка музея — странные маленькие китайские обезьяны, найденные в графстве Даун. Сколько им лет? Как они сюда попали? Многих из них обнаружили в местах, которые в дальние времена могли находиться на пути между Ирландией и Китаем. Убедительного объяснения относительно этих обезьян не существует.

14

Возле Белфаста находится древняя столица Ольстера Каррикфергус. Он помнит времена, когда его великий сосед был скромной рыбацкой деревушкой. На скале стоит величественный замок — квадратная норманнская крепость, окруженная высокой стеной. Пушки на стене наверняка принимали участие в сражениях.

Министерство, в ведении которого находятся аббатства, замки и другие исторические реликвии, начало необходимые реставрационные работы. Эксперты снимают со стен древнюю штукатурку, сносят перегородки и реставрируют замок Каррик, возвращая ему первоначальный вид. По окончании работы они вернут стране ее лучшую норманнскую крепость.

Надеюсь, после реставрации в большом зале, где, как говорят, спал король Иоанн, появятся гобелены и мебель той эпохи. Одна из трагедий реконструкции заключается в том, что, как бы хорошо археологи ни делали свою работу, чего-го они все же не учитывают,

поскольку дети не приходят в восторг. Ученые прекрасно знают, как должен выглядеть замок, такой как Каррик, во времена своего могущества. Их не интересует, пришел ли он в упадок. Каррик не обладает ни сентиментальным, ни большим историческим значением. Что кажется мне очень важным и что, на мой взгляд, оправдывает большие траты на реставрацию, так это то, что дети и не слишком образованные взрослые впервые осознают, что был когда-то и другой век. Министерство общественных работ должно открыть отдел мебели. Это — единственный отдел, которому человек может выразить свою непросвещенную благодарность. По окончании реставрационных работ речь пойдет о мебели, и к делу приступят эксперты. Я могу назвать огромное число древних памятников в Англии, Ирландии и Шотландии, ставших по-настоящему живыми и незабываемыми, потому что над ними поработали люди с воображением. Было бы замечательно вернуть к жизни большой зал замка Каррик. Высокие норманнские окна смотрят на залив Белфаст-Лох, арки упираются в мрачную каменную крышу. Винтовые лестницы уже закончены, закончен и пол.

По замку вас проводит бывший солдат, не лишенный чувства юмора. Он первым входит в ворота и объясняет принцип работы опускающей решетки, которая действует до сих пор. Покажет отверстия, через которые на головы наступающего врага выливали кипящий свинец. Поднимет крышку черного колодца и скажет, что внизу водятся привидения. Проведет в темницу, не менее ужасную, чем в лондонском Тауэре. Английский гарнизон во времена Брюса предательски сбросил в эту черную дыру тридцать шотландских солдат. Если верить легенде, тот же гарнизон, страдавший от голода, их потом съел.

Замок Каррик возвращает нас в самые дикие времена истории Ирландии, когда по стране разъезжали англо-ирландские авантюристы. Говорят, его построил один из самых буйных, рыцарь Джон де Курси. Как и многие другие в правление Генриха II, де Курси пустился в Ирландии во все тяжкие. Он был нищим авантюристом. Этот недовольный гигант слышал легенду — одно из предсказаний Колумкилле, — что Ольстер завоюет нищий рыцарь из чужой страны, белый рыцарь на белом коне, с птицами на щите. Резня будет такой страшной, что люди пойдут по колено в крови. Это предсказание очень понравилось де Курси. Он буквально заболел им и даже возил с собой копию рукописи Колумкилле, хотя ни слова не понимал по-гэльски.

Де Курси старался как можно более походить на рыцаря из легенды. У него были светлые волосы. Он ездил на белом коне, и на его щите были птицы. С маленьким хорошо вооруженным отрядом из 320 рыцарей и валлийскими стрелками он пустился покорять Ольстер, и ужас пророчества бежал впереди него. К Даунпатрику он примчался так быстро, что город изумился, услышав пение труб и стук копыт его конницы. Полуголодные солдаты очистили город. Они съели и выпили все, что там было. Убивали и грабили.

Папский легат, кардинал Вивиан, который находился в Даунпатрике, стал свидетелем всего происходившего. Он попытался уговорить де Курси вернуться в Дублин. Когда тот отказался, возмущенный кардинал обратился к ирландцам с призывом защитить себя и выгнать захватчиков. Произошла большая битва, но горожане ничего не смогли поделать против облаченных в стальные доспехи рыцарей. На что могли надеяться ирландцы с их топорами и дротиками против лучшей на тот момент конницы Европы и самых метких лучников в мире? В этом бою частично исполнилось предсказание Колумкилле: солдаты де Курси преследовали ирландцев

по побережью, а те по колена вязли в залитом кровью песке.

Де Курси несколько лет пытался покорить Ольстер, укрепляя каждую победу замком, таким как Каррик. Эта политика как в Ирландии, так и в Англии, основывалась на норманнском законе. В конце концов авантюриста ожидали разорение и позор. Его враги, бароны де Ласи, интриговали против него вместе с королем и вознамерились арестовать его как предателя. Предали де Курси собственные слуги в Даунпатрике. Они напали на него в святую пятницу, когда тот, безоружный, во власянице, стоял в соборе на коленях и каялся в грехах. Когда он увидел, что люди де Ласи приближаются к нему с намерением убить, то вскочил и босой, в лохмотьях, выбежал на церковное кладбище и схватил ближайшее оружие — стоявший на могиле огромный деревянный крест. Прежде чем его схватили, он вышиб мозги тринадцати солдатам.

По странной причине убит он не был. Его конец остается загадкой. В ирландских архивах есть записи, согласно которым он, как и многие другие негодяи, отправился с крестовым походом на Святую Землю. Там и теряются его следы.

В бухте Каррикфергуса есть камень. На него ступил прибывший король Вильгельм. Возможно, мало кто из горожан расскажет вам о де Курси, но нет в Каррикфергусе ни одного мужчины, женщины или ребенка, который бы не рассказал вам во всех подробностях, как 14 июня 1690 года король Вильгельм III ступил на этот камень, готовясь начать сражение при Бойне.

Этот камень, так же как и Камень Согласия в Лимерике, по разным причинам являются святыми камнями Ирландии.

Не важно, по какой дороге поедете из Белфаста — северной, южной, восточной или западной, — вы окажетесь в красивом месте. Я мало знаю столиц, которые были бы окружены столь разнообразной красотой. На севере раскинулось изысканное плато Антрима, на западе — большое внутреннее море Лох-Ней, самое большое озеро на Британских островах. На юге — горы Морн, а на востоке — потрясающе красивое озеро Стрэнфорд с соленой водой и белыми чайками.

Из Белфаста я поехал по восточной дороге, через Дандоналд, свернул и добрался до Комбера. Взял курс на юг, в графство Даун и двинулся по западному берегу озера Стрэнфорд. В графстве Даун меня встретили невысокие дружелюбные зеленые холмы. Мне это напомнило некоторые уголки Сомерсета. Кажется, здесь похоронены много святых Павлов. Зеленые курганы засеяны пшеницей, овсом и горчицей. Название озеру дали викинги: *Strang Fiord* — «Неистовый фьорд», потому что приливы здесь очень сильные, они протискиваются сквозь узкое «горло» шириной в милю.

Никогда не забуду вид этого озера с высокого холма возле Киллинчи. Морской ветер шевелил соленую воду. По краям озеро поросло великолепными золотистыми водорослями. Их называют *fernin fearnaich* (в правописании я не уверен). В этих водорослях много йода, из него древние ирландцы добывали темно-оранжевую краску для килтов. Возле ближнего берега я увидел множество маленьких зеленых островков. Казалось, это дети играют в воде. Миниатюрные горы поднимали из морской воды зеленые вершины, некоторые из них были прошиты бороздками посевов: яркие полосы горчицы чередовались с квадратами золотой пшеницы или темно-зеленой свеклы. Чайки

кружили над водой либо, собравшись в белые компании, плавали среди желтых водорослей у берегов волшебных островов. Озеро Стрэнфорд — это Килларни Ольстера.

Примерно через девять миль я приехал в Даунпатрик и сразу забрался на холм, где, как говорят, в тени собора лежат кости святого Патрика. Не было необходимости спрашивать дорогу к могиле. Протоптанная тропа вела через кладбище с разросшимися деревьями. Я увидел большую гранитную глыбу с кельтским крестом и словом «Патрик».

Несколько мест оспаривают право считаться местом погребения святого Патрика, среди них Арма. В Даунпатрике есть легенда, что святая Бригитта и великий Колумкилле похоронены со святым Патриком в одной могиле. Правда ли это, никто не знает.

Святой Патрик умер примерно в 465 году, вероятно, в деревушке Саул, графство Даун. Вся Ирландия погрузилась в траур. Из каждого монастыря шли монахи с обритыми головами, чтобы присутствовать при погребальном обряде. В Сауле сошлись великие святые и ученые кельтской церкви из всех уголков Ирландии. Двенадцать дней и ночей отпевали святого Патрика. Ночь была светлой, как день. Ее освещали факелы. Старейшины Ориела требовали, чтобы святой был похоронен в Арме. Улад возражал: пусть святой Патрик лежит в их столице Дун-лалет-глас, впоследствии переименованной в Даунпатрик. Традиция, восходящая к норманнам, была такова:

*In burgo Dono tumulo; tumulanter in uno
Brigida, Patricius, atque Columba Pius.*

В Дауне трое святых лежат в одной могиле — Бригитта, Патрик и Колумкилле.

Странно, что эти слова приписывают нехорошему человеку Джону де Курси, который, как говорят, забрал останки святой Бригитты, умершей в Килдэйре в 523 году, и Колумкилле, скончавшегося на острове Айона в 597 году, и положил троих великих святых Ирландии в одну могилу.

Доподлинно известно, что Колумкилле похоронили сначала на Айоне, а когда несколькими столетиями позднее даны напали на западные острова, почитатели святого перевезли останки в другое место. Так же поступили и последователи святого Гисберта: бежали из монастыря Линдисфарн с останками учителя и путешествовали с ними по всему северу Англии, пока не построили над мощами Дарэмский собор.

Лежат ли останки Колумкилле или святой Бригитты в Даунпатрике, неизвестно, но во времена де Курси верили, что в этом городе погребен святой Патрик.

16

Если хотите увидеть нечто равное по красоте побережью Антрима, поезжайте летом в Ольстер, выберите яркий солнечный день и отправляйтесь из Даунпатрика в южном направлении, к Ньюкаслу, а затем направо, к побережью Килкила и Уорренпойнта.

Здесь, на небольшом расстоянии от моря, находятся самые красивые горы во всей Ирландии — Морн. Они отличаются от голубых гор Донегола, не похожи они и на мрачные пики Керри и на дикое высокогорье запада и тем не менее объединены с ними неземным свойством ирландского пейзажа, о котором могу сказать: он лишь наполовину находится в реальности, другая его половина — в потустороннем мире. Все ирландские горы кажутся явившимися нам во сне. Мы карабкаемся вверх, они немилосердно терзают нам ноги, мучают мышцы,

так что кровь стучит в висках, и в то же время поднимают наш дух — такого не бывает в более высоких горах Европы. Я забирался на горы Швейцарии и в Африке на краю Сахары и в Ливийской пустыне, но никогда не встречал мистической красоты, отличающей высшие точки Ирландии. Во время своих путешествий по Ирландии я часто думал: вряд ли родила бы эта страна столько святых, если бы была плоской и практичной, как Голландия.

У гор Морн одиннадцать пиков, превышающих в высоту две тысячи футов, а один из них, Слив-Донард, возвышается почти на три тысячи футов. У десяти вершин высота чуть меньше двух тысяч футов. И все эти горы сгруппировались на территории, протяженность которой составляет всего лишь четырнадцать миль, а ширина — семь.

Горы находят одна на другую мягкими складками. Ногами они упираются в сосновые леса, а головами — в облака. Силуэт Слив-Донард окружен вершинами. На фоне неба они кажутся почти такими же высокими, как этот пик, а на деле на тысячу футов ниже. Зеленые воды Ирландского моря едва не забегают в сосновые леса, растущие у горного подножия.

Непросто в жаркий день покорить Слив-Донард. Я атаковал его из Ньюкасла. Одолею почти тысячу футов, пока не добрался до карьеров. Я держался ручья и шел с бьющимся сердцем и болью в ногах. Оставив, наконец, ручей позади, я глянул вниз и увидел, что он берет начало из горного болота. Многочисленные его омуты блестят, словно серебряные монеты, среди коричневого торфа и вереска. По прошествии часа-полтора вы как разумный, неторопливый человек смотрите вверх и видите величественный, широкий гранитный конус пика Слив-Донард. Ваше восхождение закончено! В отличие от горы Гоутфелл на острове Арран или Бен-Невиса, пик не измучает вас на последней миле. У этой горы

приличный, миролюбивый характер, в ней нет зла, но есть твердость, за которую вы проникаетесь к ней уважением. Да и себя начинаете уважать, когда дойдете до вершины. Последний участок склона достаточно труден и крут, но есть куда поставить ногу. И вот награда — панорама невероятной красоты.

Взгляните на север — перед вами все графство Даун. Вы видите Даунпатрик на лесистом холме, а внизу великолепная изрезанная береговая линия озера Стрэнфорд и его зеленые островки. Взглянув на северо-запад, вы увидите широкое серебристое море — это Лох-Ней, а на востоке от него горы Белфаст. На западе на многие мили высятся коричневые горы, тянущиеся к небу одинокими хребтами, а на юге — конусообразные холмы. Они в графстве Уиклоу, в восьмидесяти милях отсюда.

Взгляните на восток, в сторону Ирландского моря. Под вашими ногами залив Дандрам, вода в нем голубая, как на Капри, а вдали, против вас, остров Мэн. Он на полпути между Ирландией и Англией и похож на голубой корабль.

Оглянитесь назад, полюбуйтесь горным озером. Кажется, это — ложка воды, выплеснутая из голубого Средиземного моря. Здесь каменоломня, и так странно соприкосновение великого и смешного: из этой горы был добыт камень для мемориала Альберта!

В каждой стране есть красоты, проросшие сквозь сердце людей. Как нам добиться интернационализма, когда в сердце каждого из нас есть уголок, такой дорогой, что мы ни на что его не променяем? Морское побережье графства Даун — и это поймет даже иностранец — место, которое нельзя не любить. В какой бы стране мира ни повстречал я людей из графства Даун, слова «горы Морн» немедленно вызывают в их памяти горные хребты, свет белых стеблей вереска, болотный мирт, коричневую воду в торфяном болоте,

жужжание пчел, движение облаков над полями и ритмичный звук волн, бьющихся о скалы.

И с этими воспоминаниями должно прийти нечто, чего не постигает ни один посторонний: ощущение родства с горами, осознание принадлежности к чему-то светлому, вечному, чувство обладания и того, что и тобой обладают, иными словами, иррациональная эмоция, пролившая на землю так много крови, — любовь к родине.

17

Весь этот день я ехал по земле, где по обе стороны от дороги раскинулись широкие поля. На них росли миллионы голубых цветков льна. В середине августа их срывают и укладывают гнить в болота и пруды. Затем разбрасывают по полям для просушки. Этот простой процесс избавляет растения от травянистых отростков. В результате остается стебель из сухих, тонких, как волос, волокон. Прежде чем его назовут «льном», он проходит очистительный процесс.

Нет красивее зрелища, чем цветущий лен на поле Ольстера.

Смеркалось, я въехал в Арму, город красного мрамора. Спокойные улицы ирландского Кентербери всегда будут исполнены романтического настроения, и хотя камень сегодня не рассказывает об античных временах, воспоминания сохранились в истории веры и знаний. На холмах стоят два собора — католический и протестантский. Протестантский собор — маленькое, скромное здание из красного песчаника; католический — внушительное, но малопривлекательное строение. Он стоит на самом высоком холме, и у него две башни. Тем не менее примечателен рассказ об этом соборе. Он был сооружен католиками всего мира «во славу Бога и чести

Ирландии». Когда смотришь на эти камни, думаешь, что их купил народ, живущий на краю света. «Интересно, сколько тысяч рабочих трудилось над ним в течение тридцати лет, с тех пор как началось строительство?» — писал Стивен Гвинн.

Спокойствие, свойственное всем кафедральным городам, присутствует и в Арме. Город знал мир, бурю и снова мир. Святой Патрик основал свою церковь в 432 году. Согласно красивой легенде, когда святой торжественно освящал это место колоколом, книгой и святой водой, из рожи вышла робкая олениха, а за ней олененок. Их удивила толпа, собравшаяся на странный обряд. Некоторые люди готовы были убить животных, но святой упрекнул их, преподав первый наглядный урок христианской любви: он взял на руки дрожащего олененка и отнес его вниз с холма, где отпустил. Мать последовала за детенышем. Затем святой вернулся на то место, откуда вышли олени, и сказал, что здесь будет стоять алтарь.

Книга Армы написана в монастыре в 807 году. Это копия Нового Завета на латинском языке. У нее есть приложение — «Исповедь» святого Патрика. В конце исповеди писец Фердомнах написал: «Эту книгу Патрик написал собственной рукой». Запись сделана через три столетия после смерти святого. Предполагается, что Фердомнах копировал рукопись — ныне, увы, утраченную, — написанную рукой святого Патрика. Те, кто смотрит на эту книгу сейчас в Тринити-колледже в Дублине, заметят потрепанную страницу в конце, датированную 1004 годом. На ней написано, что великий король Бриан Бору во время своего триумфального путешествия по Ирландии посетил Арму, сделал пожертвование в золоте на алтарь святого Патрика и подтвердил религиозное верховенство города.

Долгие столетия книга Армы является самой священной из всех ирландских рукописей.

Школа Армы, выросшая рядом с монастырем, прославилась в шестом веке на всю Ирландию. Она открыла двери учащимся, съехавшимся из Европы. Когда норманнские захватчики крушили древнюю гэльскую цивилизацию, в Арме жили 3000 учащихся, которых Ирландия спасла от гибели западного мира.

Покинув Арму, я приехал в пограничный городок Ньюри и снова оказался в Свободном государстве. Посреди дня я приехал в преуспевающий торговый ирландский город Дандолк.

Все, что вы ожидаете увидеть в ирландском торговом городе, было в Дандолке. На широкой центральной площади перед ратушей толпился народ. Никогда не видел столько торгующих женщин. На главной улице стояло множество телег. Под сетками мычали телята. Хрюкали и визжали свиньи. Шипели гуси. На складных столах перед ратушей были выставлены все виды товаров — от шелковых чулок до жестяных ведер. Станным и чужеродным среди этой типично ирландской толпы был один из тех восточных людей, которые разъезжают по миру, безнадежно пытаясь продать коврики и отрезы ярких тканей. Это был молодой человек, и по-английски он говорил плохо. Он сказал мне, что родился близ Калькутты.

— Как вы попали в Ирландию? Как к вам относятся? Где живете?

— Ирландцы — очень хорошие люди, — сказал он. — Добрые. Они позволяют мне спать в конюшнях и дают еду. Шотландию я тоже знаю. В горах на севере люди хорошие, а на юге — нет. Они думают, что я хочу украсть. Но ирландцы — хорошие, добрые, делятся едой. Очень хорошие, очень добрые...

Я подумал, что это замечательная характеристика народа, ведь ее сделал беспомощный и неудачливый гость.

Удивительное зрелище в Дандолке — колледж Святого Патрика, замечательная уменьшенная версия Королевского колледжа.

Я отправился на ланч. Таких крупных и голосистых ирландских фермеров, что набились в обеденный зал, я еще не встречал. Нам подали теплый суп и небрежно приготовленное мясо — типично для здешних гостиниц. В ирландской кулинарии начисто отсутствует воображение. Впрочем, качество продуктов безупречное. Где еще вы найдете такое масло, такие свежие яйца, такой бекон, такое мясо и такие овощи, только что с грядки? Одной из загадок Ирландии является то, что все это, пройдя через кухню, становится неприятным и даже несъедобным! Даже картофель — вот уж, казалось бы, фирменное блюдо Ирландии — часто превращается в водянистую массу. Даже не знаю, есть ли в Ирландии кулинарная школа. Чувствую, что ирландцы, в отличие от шотландцев, не любят готовить. Вы ничем так не порадуете шотландскую женщину, как если похвалите ее ячменные булочки, или суп, или овсяные пироги, в особенности суп, а почти каждая шотландка может приготовить суп, отведав который, вы позабудете самые замысловатые творения французского повара.

Но в Ирландии вы часто забываете о еде, потому что подают ее вам красивые и веселые девушки. Мы пили пиво, передавали друг другу хлеб и говорили о ценах на телят, свиней, уток и гусей. Я словно перенесся в ирландский Солсбери. Эти люди из Лаута, Мита и Кавана относились ко мне с грубоватой открытой сердечностью, столь не похожей на молчаливые, осторожные повадки южан. Все это время нас обслуживала полногрудая

молодая женщина с мягкими голубыми глазами. К фермерам она обращалась по именам.

Затем мы перешли в другую комнату и неуклюже шутили с девушкой, стоявшей за стойкой бара. Все наши шутки она ловила на лету и отвечала незамедлительно, словно теннисистка на Уимблдоне. Через открытые окна доносились мычание, кряканье и лай.

Затем, тяжело ступая, мы вышли на главную улицу — покончить с делами. Как же мне нравится Дандолк!

19

Дрогеда...

Этот старинный город в устье реке Бойн полон тяжелых воспоминаний. К улицам ведут большие елизаветинские ворота, есть здесь руины, похожие на гнилые зубы, многие из них остались с ужасных времен Кромвеля. Здесь Кромвель ясно дал понять, что намерен подавить ирландскую нацию, чтобы она навсегда забыла о своей независимости. Он повернул пушки на Дрогеду, разбил крепостные стены, убил каждого десятого человека из гарнизона, а остальных отправил в рабство на Барбадос.

Неподалеку от Дрогеды находятся знаменитые руины Монастербойса. Большой интерес, нежели руины или круглая башня, представляют собой кельтские кресты. Большому кресту почти 1000 лет. Высота его составляет двадцать семь футов, он весь покрыт барельефами, изображающими библейские сцены. Одна из них, как полагают, показывает Христа среди вооруженных людей в Гефсиманском саду. На Господе одежда ирландского вождя того времени, а у его врагов длинные бороды викингов. Два других величественных креста — это крест Муиер-даха и крест Колумкилле. Многие говорят, что лица на этих крестах точно такие,

как у современных ирландцев. Падрейк Колум говорил, что находит в них сходство с двумя своими друзьями!

В миле от Дрогеды находится место битвы при Бойне. Когда Якову II не удалось взять Дерри, он решил попытать счастье в генеральном сражении. Вильгельм III высадился в Каррикфергусе с армией из необученных английских рекрутов и опытных иностранных наемников — французов, финнов, шведов, датчан, голландцев и бранденбуржцев. Все, кто видел эту армию на марше, должно быть, чувствовали, что она представляет интернациональные интересы: протестантская Европа против французских католиков неудачника Якова. Я уже говорил, что папа неофициально поддерживал протестантов, а потому непонятно, почему католики и протестанты до сих пор с болью вспоминают о той битве.

Яков с армией в 25 000 человек встал на южном берегу реки, на холме Донор. У Вильгельма армия была во всех отношениях лучше, в ней насчитывалось 36 000 бойцов, и он расположился с нею на северном берегу, на холме Таллиэскер. Наступил последний день июня 1690 года. Рано утром Вильгельм выехал на рекогносцировку, и в плечо ему угодило пушечное ядро. Он не пострадал, хотя прошел слух, что его убили. На следующее утро началось сражение. Армия Вильгельма разделилась на три части и пошла вброд через Бойн. Первый отряд — правое крыло — попытался перейти реку у Слейна. Знаменитая голландская пехота, десятеро в ряд, вошла в воду против Олдбриджа и атаковала армию якобитов по центру. Вильгельм сам повел за собой кавалерию.

Ирландские драгуны мужественно защищались. Под непрерывным огнем они час удерживали реку. Загнали пехоту обратно в воду и вступили в сабельный бой с превосходящими силами противника. В этой битве был убит великий Шомберг. Армия Вильгельма все же перебралась на противоположный берег. Они вышли во

фланг французских войск. Французский генерал Якова Лазлум бросил на врага пехоту, артиллерию и кавалерию под командованием Патрика Сарсфилда. Атаки ирландских кавалеристов следовали одна за другой, но понемногу якобиты отступали. Сражение было проиграно, и Яков бежал, захватив с собой своего лучшего солдата, Сарсфилда, в качестве телохранителя. Потери с обеих сторон составили около тысячи человек убитыми и ранеными. «Поменяйте королей, — будто бы крикнул Сарсфилд, прежде чем покинуть поле боя, — и мы снова с вами сразимся».

Исход того дня, — пишет профессор Тревельян в своей «Истории Англии», — обрек несколько поколений ирландцев на преследование и тиранию, но в то же время явился спасением для протестантизма в Европе. Он позволил Британской империи продвинуться по пути процветания, свободы и заморской экспансии. Мудрый и терпеливый Вильгельм очень мало влиял на Ирландию после восстановления в ней английского правления. На этом католическом острове он был бессилен защитить католиков, а в Англии проявлял по отношению к ним мягкость. В новом режиме Ирландии отразились невежество и предвзятость виггов и тори из вестминстерского парламента. Это они властвовали над страной.

Спокойная, поросшая тиной река катит свои воды к морю. Она далека от страстей, ей неизвестно то, что люди творили на ее берегах.

На холм Тара я пришел, как и положено, на закате. Пришел один, чтобы попрощаться с Ирландией. Солнце низко склонилось над западом, скоро ночная мгла

упадет на луга Мита. Некогда пять широких дорог вели к холму через все провинции, но сейчас их нет, лишь ветер шелестит в граве, да слышно как блеют овцы. В Ирландии много старинных «несчастливых» мест, странно бередящих душу, как и этот холм, такой одинокий, словно «нечто, оставшееся на земле после Судного дня». Я смотрел на освещенную закатным солнцем фигуру святого Патрика, в митре и с епископским жезлом в руке. Он осеняет крестным знаменем Ирландию. Рядом с ним торчит из травы старый камень — знаменитый Лиа Файл.

Пока я стоял там, мне на ум пришли странно живые воспоминания об Ирландии, маленькие счастливые картины, яркие, словно освещенные солнцем: доброта, смех, музыка, белые домики на западных холмах, запах торфа в очагах, свет, пульсирующий в небе, чибисы над болотами, каменные стены, зеленый свет, загорающийся на краю торфяных речек, дикий ветер у болот и дорожки, вьющиеся среди холмов.

Когда мои ноги впервые ступили на ирландскую землю, я тотчас почувствовал, что оказался в магической стране, и сейчас, когда пришло время прощаться, я точно знаю: это и в самом деле зачарованный остров. Минорная нота, похожая на вибрацию воздуха, та, что живет в свете, и в воде, и в почве, пронизывает страну, но, как крик летучей мыши, все это слишком высоко, чтобы можно было услышать. Тем не менее человек чувствует ее повсюду.

Однажды, подумал я, на этот холм взойдет великий ирландец. Возьмет историю страны в свои сильные руки и подарит миру. Он будет любить прошлое Ирландии и не менее сильно верить в ее будущее. Несчастливая ирландская привычка смотреть назад, а не вперед иссякнет, и Ирландия, уверенная в будущем, позабудет старые раны. И этот человек сделает для нее то, что Вальтер Скотт сделал для Шотландии: он сольет два

народа, объединит страну. Он принесет Ирландии любовь и уважение мира. Мне хочется думать о нем как о воплощении слияния севера и юга, католичества и протестантства. Южанин в нем будет вглядываться в прошлое, а северянин устремится в будущее.

Не будет больше печальной Ирландии. Ирландия романтического национализма, прекрасная трагедийная королева среди наций ушла — будем надеяться — навсегда. Из кельтских сумерек Ирландия вышла в яркий день. Несмотря на все авантюры, она не потеряла зря времени и доказала миру, что может браться за большие предприятия. Возможно, сейчас она в некоторой растерянности, как человек, только что очнувшийся от героического сна и очутившийся в холодной реальности. Но это пройдет. За Ирландией будущее. Она — единственная европейская страна, за исключением, возможно, Испании, душу которой не погубила индустриализация. Типичный ирландец — единственная вечная фигура, которую знает мир. Это — человек с плугом...

Заходит солнце, и холм погружается в темноту. Я знаю, что на западе в этот миг разгребают угольки торфа. В тысячах белых домиков встают на колени перед широкими очагами, сгребают угли вокруг красного огонька, и утром здесь будет новый свет.

На поля Мита упали тени. Стемнело. Святой Патрик стоит над Тарой с поднятой рукой. И в молчании, в темноте, я снова прислушиваюсь к скрытой музыке. Она не для моих ушей. Я слышу лишь ночной ветер в траве и говорю Ирландии «до свидания».

Фотографии

Дублин. Набережная р. Лиффи

Дублин. Замок

Дублин. Надгробие Р. де Клере, графа Стронгбоу

Келлская книга

Глендалу. Кладбище

Глендалу. Часовня Св. Кевина

Кельтский крест на просторах Ирландии

Кэшел

Гора Св. Патрика и памятник святому у ее подножия

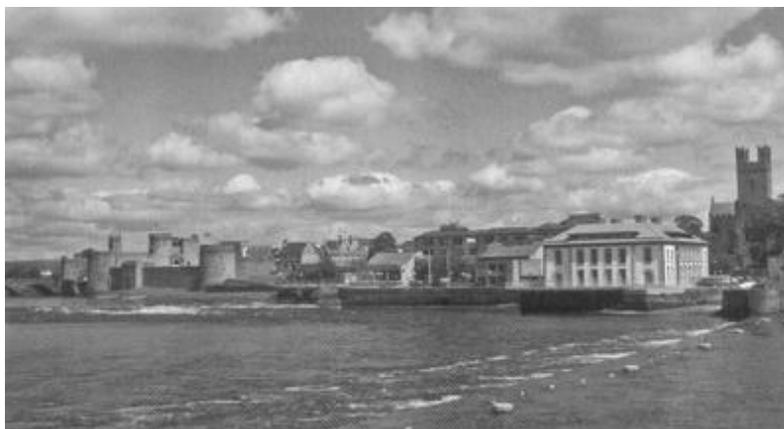
Статуя святого Патрика

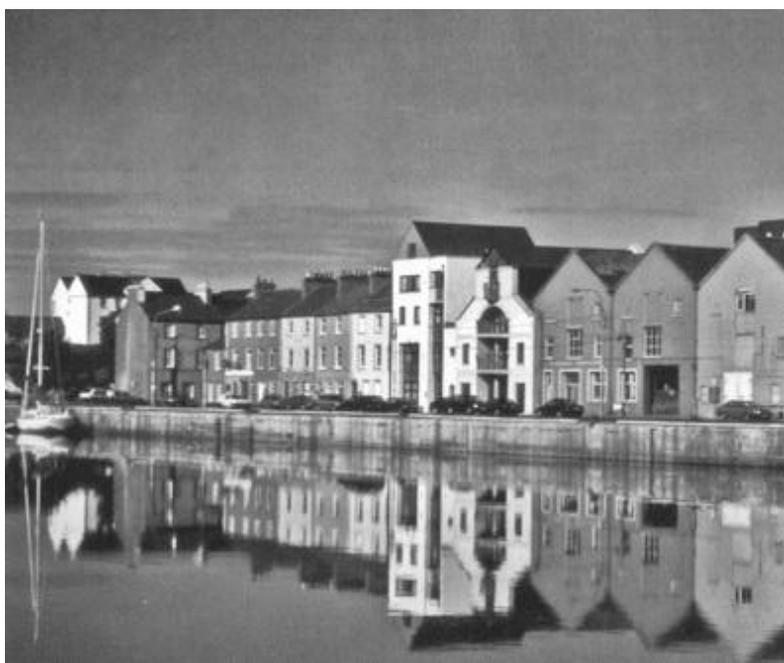
Памятник М. Коллинзу в Клонакилте, южнее Корка

Керри. «Кольцо Керри»

Лимершс. Вид с р. Шеннон

Голуэй. Набережная

Указатель «Переход для лепреконов»

Озера Килларни

Болота Коннемары

Коннемара. Деревенский дом

Коннемара. Траулер у причала

Остров Ахилл

Аранские острова

Замок Бларни

Камень Бларни и площадка для туристов

Белфаст. Замок и памятник королеве Виктории

Белфаст. Часовая башня Альберта

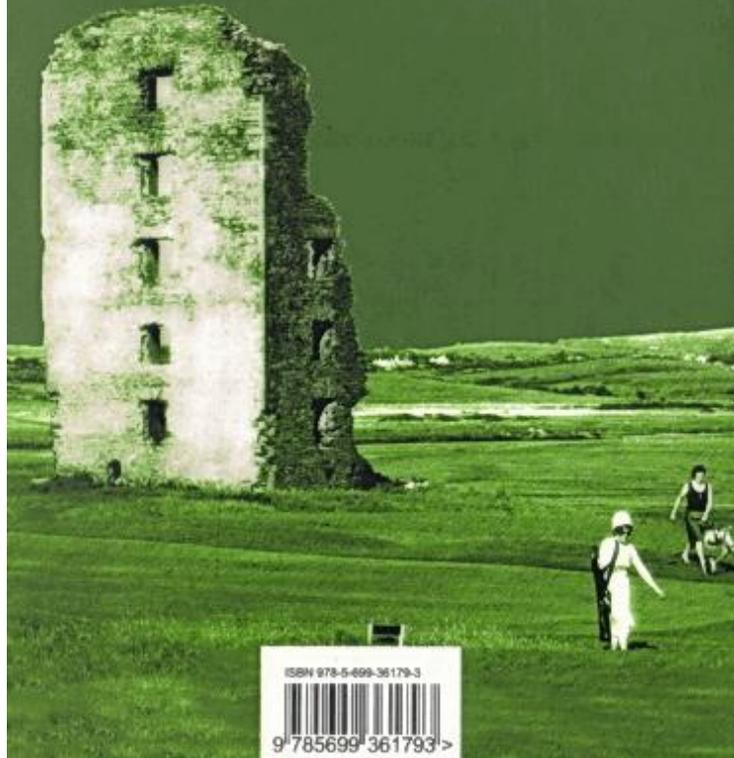
Белфаст. Старейший паб города

Тара. Холмы на месте твердыни Бриана Бору

Известный журналист, прославившийся репортажами о раскопках гробницы Тутанхамона, Мортон много путешествовал по миру и из каждой поездки возвращался с материалами и наблюдениями, ложившимися в основу новой книги. Репортерская наблюдательность вкупе с культурным багажом, полученным благодаря безупречному классическому образованию, отменным чувством стиля и отточенным слогом — вот те особенности произведений Мортон, которые принесли им заслуженную популярность у читателей и сделали их автора признанным классиком *travel writing* — литературы о путешествиях.

Книга «Ирландия. Прогулки по священному острову» станет верным спутником или спутницей, гарантией ярких эмоций и незабываемых впечатлений. Ни самый квалифицированный гид, ни самый подробный путеводитель не сделает для вас большего.

notes

Примечания

1

Перевод А. Сергеева.

2

Перевод Г. Кружкова.

З

Слуга, следящий за порядком в доме. — *Здесь и далее примеч. перев.*

4

Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, перевод стихов М. Башкатова.

5

Персонаж ирландских саг, женщина, символизирующая Ирландию.

6

Шейные украшения в виде полумесяца.

7

Перевод В. Лунина.

Имеется в виду лорд Дж. Джеффрис (1645–1689), канцлер английского короля Якова II, печально прославившийся жестокими преследованиями пуритан и ветеранов Кромвеля.

9

Ванная комната (фр.).

10

Перевод М. Яснова.

Перевод Н. Рахмановой.

12

Надменность (фр.).

Персонажи романа Э. Сомервилла и М. Росса
«Приключения ирландского священника».

О'Донохью из Долин — древний ирландский род из графства Керри.

Персонажи, соответственно, романа У. Теккерея «Дни Дюваль», романов Р. С. Сертиса, писавшего под псевдонимом Джон Джоррокс, комедии О. Голдсмита «Ночь ошибок». Доктор Синтаксис — псевдоним карикатуриста Т. Роулендсона, прославившегося сатирическим изображением нравов английского общества.

«Одиссея». Перевод В. Вересаева.